

Пираты Малабара и англичанка в Индии двести лет назад

Дж. Биддульф

**The Pirates of Malabar, and an
Englishwoman in India Two Hundred Years
Ago**

J. Biddulph

The Project Gutenberg eBook of The Pirates of Malabar, and an Englishwoman in India Two Hundred Years Ago.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Пираты Малабара и англичанка в Индии двести лет назад

Автор: Дж. Биддульф

Дата выхода: 1 марта 2004 [eBook #11399]

Последнее обновление: 25 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Алленом Сиддлом и PG Distributed Proofreaders

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE PIRATES OF MALABAR, AND AN ENGLISHWOMAN IN INDIA TWO HUNDRED YEARS AGO ***

Подготовлено Алленом Сиддлом и PG Distributed Proofreaders

ПИРАТЫ МАЛАБАРА И АНГЛИЧАНКА В ИНДИИ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД

[Иллюстрация: МАХРАТТА ГРАБС И ГАЛЛИВАТЫ НАПАДАЮТ НА АНГЛИЙСКИЙ КОРАБЛЬ].

ПИРАТЫ МАЛАБАРА И АНГЛИЧАНКА В ИНДИИ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД

ПОЛКОВНИК ДЖОН БИДДУЛЬФ

1907

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для большинства людей интерес к деяниям наших предков в Индии начинается с войны с французами в середине восемнадцатого века. До этого, как принято считать, их жизнь проходила в монотонных торговых сделках с перцем и бязью, от которых их хозяева в Англии получали большие прибыли, а основными развлечениями были пьянство и ссоры между собой. Мало учитывались огромные риски и трудности, в которых велась торговля, потери и опасности, которым подвергались слуги Компании с момента выхода из Ла-Манша. Лишений и опасностей, связанных с плаванием в Индию, было достаточно, чтобы отпугнуть всех, кроме самых стойких духом, и долг, которым мы обязаны тем, кто ценой мучительных усилий добился опоры для нашей индийской торговли, заслуживает большего признания, чем он получил. В каждом плавании приходилось считаться с цингой, нехваткой воды и мятежными экипажами; навигация была не наукой, а вопросом правил и правил, и кораблекрушения случались часто, а каждое побережье было негостеприимным. Так, 4 сентября 1715 года корабль "Натаниэль", отправив команду шлюпки на берег близ Адена в поисках воды,

позволил вероломным туземцам заманить себя вглубь острова, которые набросились на них и убили двенадцать из четырнадцати человек, сошедших с корабля. В наши дни за подобным происшествием последовал бы визит военного корабля, чтобы наказать убийц. Двести лет назад это был всего лишь инцидент, который можно было записать в корабельном журнале. Но все эти безобразия и потери были незначительными по сравнению с теми, которым подвергались торговцы от рук пиратов.

В наши дни трудно осознать, каким страшным бичом было пиратство для индийской торговли двести лет назад. С момента потери из виду Лизарда до дня постановки на якорь в порту назначения ост-индское судно никогда не было в безопасности от нападения, а в случае захвата экипажа и пассажиров ждало рабство или жестокая смерть. От Финистерре до мыса Верд мавританские пираты делали моря небезопасными, иногда осмеливаясь заходить в устье Ла-Манша, чтобы совершить захват. Еще дальше к югу, у африканского побережья, все плавсредства были запружены английскими и французскими пиратами, имевшими свои штаб-квартиры в Вест-Индии. От мыса Доброй Надежды до верховьев Персидского залива, от мыса Коморин до Суматры - на каждом побережье орудовали английские, французские, голландские, датские, португальские, арабские, малайские или другие местные пираты. Только в Бенгальском заливе пиратство в опасных масштабах было практически неизвестно.

На океане не было мира. Море было огромным "ничейным доменом", где каждый мог захватить свою добычу. Закон и порядок останавливались на отметке низких вод. Принцип, согласно которому торговцы могли требовать защиты и возмездия за свои обиды от своей страны, еще не был признан, и они плавали по морям на свой страх и риск. К концу семнадцатого века буканьеры ушли в прошлое, но их грабежи в погоне за тем, что они называли "свободной торговлей", были иного рода, чем у пиратов, пришедших им на смену. Подвиги буканьеров ограничивались Испанией, где они разоряли и сжигали испанские поселения на атлантическом и тихоокеанском побережьях, передвигаясь большими силами по морю и суше. По словам Эсквемелинга, Морган отправился в экспедицию против Панамы с тридцатью семью парусами и двумя тысячами боевых людей, кроме моряков и мальчишек. Но объектом их нападения были только испанцы. Пока Испания претендовала на монополию в южноамериканской торговле, только она одна должна была сдерживать мародеров; другие правительства не были настроены помогать ей. Едва последние из буканьеров исчезли в западных морях, как появилась еще более беззаконная раса разбойников, распространившая свои действия на Индийский океан, действуя, как правило, на одиночных кораблях, грабя суда всех национальностей, хотя редко нападая на берег.

Среди этих людей, в основном англичан, наиболее известными были Тич, Эври, Кидд, Робертс, Инглиш и Тью; но было и много других, менее известных, которые помогли почти уничтожить торговлю между Европой, Америкой и Востоком. Некоторое представление об огромных убытках, причиненных ими, можно получить из того факта, что одному только Бартоломью Робертсу приписывают уничтожение четырехсот торговых судов за три года. За один день он захватил одиннадцать судов, английских, французских и португальских, на африканском побережье.

Война в Европе и последовавшее за ней финансовое истощение сделали практически невозможным для морских держав эффективную борьбу с пиратами ни на Востоке, ни на Западе. С наступлением мира их численность увеличилась за счет превращения каперов в вольных разбойников. Раб, капер и пират стали почти взаимозаменяемыми понятиями. В то время, когда все главные дороги в Англии были перегорожены разбойниками, морские путешественники вряд ли могли уйти без охраны. Но главная причина их

неприкосновенности заключалась в том, что никому не было дела до того, чтобы действовать против них, в то время как они были более или менее желанными гостями в каждом необорудованном порту. Они выдавали себя за торговцев или работоторговцев, хотя их настоящий характер был хорошо известен, но они платили по-королевски за то, что им было нужно; а поскольку золото, серебро и драгоценности были основной добычей, из которой они получали свои "дивиденды", многие богатые тюки пряностей и товаров уходили на приобретение доброй воли их друзей на берегу, которые, в свою очередь, обеспечивали их потребности и давали им своевременную информацию о богатых призах, которые следует искать, или вооруженных кораблях, которых следует избегать. Они гордились тем, что были людьми чести в торговле, врагами обмана и грабили только по-своему. На Малабарском побережье разразился скандал, когда Кидд нарушил это правило и обманом или издевательствами выманил у людей припасы. Высокопоставленные чиновники не замечали их проделок, от которых они получали прибыль, а когда на их поиски отправлялись вооруженные эскадры, командиры не всегда были против того, чтобы иметь дело с вольными разбойниками.

Среди европейских торговцев в Индии больше всего страдали англичане, ведь не только большинство пиратов были английской крови, но и пиратские капитаны других национальностей часто плавали под английскими знаменами. Туземные чиновники, не умея отличить мошенников от честных торговцев, считали слуг Ост-Индской компании ответственными за проступки пикарунов, от которых они так сильно страдали. И все же, какой бы ни была их национальность, справедливости ради следует отметить, что в большинстве своем это были отважные плуты и великолепные моряки, которые, имея большие команды, управляли своими кораблями лучше, чем это могли сделать любые торговые суда. Когда пиратский корабль оказывался выброшенным на пустынный берег, они строили себе другой; дух моря жил в их жилах; строили ли они корабль и оснащали его, или управляли и сражались на нем, они умели делать все, что умели самые искусные моряки того времени. Как сказал полвека спустя Ла Бурдонне, сам истинный корсар по духу, их знания в механике позволяли им построить корабль с киля; их мастерство в навигации - провести его в любую точку земного шара; а их мужество - сразиться с любой равной силой. В их жизни постоянно чередовались безделье и тяжелый труд, буйное распутство и лишения, затяжная монотонность и дни великих волнений и приключений. В один момент они упивались неограниченным количеством рома и играли в азартные игры на горсти золота и бриллиантов, в другой - полуголодали и были ограничены пинтой воды в день под тропическим солнцем. Однако привлекательность этой жизни была столь велика, что пиратством занимались люди с хорошим положением. Так, майор Стеде Бонне с Барбадоса, владелец богатого состояния и джентльмен с хорошей репутацией, снарядил шлюп и отправился в пиратство, за что был повешен вместе с двадцатью двумя членами своей команды в ноябре 1718 года. Даже женщины, такие как Энн Бонни и Мэри Рид, становились пиратами и орудовали шпагой и пистолетом. Отчаянные, безрассудные и незаконные, они были полны духа приключений и стали предтечами тех, кого Хоук, Нельсон и Дандональд вели к победе.

Еще долго после их исчезновения в морях индийская торговля продолжала подвергаться нападениям местных пиратов, которых удалось заставить вести себя хорошо только в девятнадцатом веке. Из европейских пиратов запомнился только Кидд, самый бесчестный из них, а имя Англии вспоминается только в связи с уничтожением Герии Уотсоном и Клайвом. Долгие полвека самодеятельной войны, которую вел Бомбей против английской державы, наши индийские историки опускают в нескольких словах, а экспедиции, отправленные Буном против английских крепостей, обходят молчанием. О некоторых из них

рассказывается в любопытной книге Клемента Даунинга "Индийские войны", ценной как рассказ очевидца; но эта работа, опубликованная в 1737 году, недоступна для широкого читателя, к тому же в ней много пропусков и неточностей.

Ранние записи Ост-Индской компании послужили основой, на которой была составлена эта заброшенная глава нашей индийской истории. Если слуги Компании порой предстают в неблагоприятном свете, следует учитывать условия их службы, а также не забывать о низких стандартах поведения, преобладавших в Англии двести лет назад. Они были торговцами, а не администраторами, и хартия, на основании которой Компания вела торговлю, была очень ненадежной. Дважды корона порывала с ними и предоставляла хартии конкурирующим объединениям. По мере того как стабильность Компании становилась уверенной, улучшалось и поведение ее служащих.

На этих страницах мы не собираемся давать исчерпывающий отчет обо всех пиратах, преследовавших индийские моря, но хотим дать некоторое представление об опасностях, которые подстерегали индийскую торговлю, - опасностях, которые настолько ушли в прошлое, что об их существовании забыли.

Среди монотонных записей о торговле Компании можно найти немало интересных человеческих моментов. Наряду с деталями, касающимися сахара, перца и судоходства, описываются личные дела служащих Компании, их ссоры, долги и, слишком часто, их проступки, как обычные происшествия в общем процессе управления. Временами яркий свет падает на какого-нибудь человека, который исчезает в неизвестности, и о нем больше ничего не слышно, в то время как имена других всплывают снова и снова, как цветные нити, вплетенные в полотно, показывая, как много романтики было в жизни первых торговцев. Одну из таких нитей я проследил в рассказе миссис Гиффорд, от ее первого прибытия в Индию до окончательного исчезновения в Канцлерском суде, показывая превратности и опасности, которым подвергалась англичанка в Индии двести лет назад.

Я особенно обязан мистеру Уильяму Фостеру из Управления по делам Индии, который помог мне обратить внимание на старые документы, которые в противном случае остались бы незамеченными, и который великодушно предоставил в мое распоряжение некоторые результаты своих собственных исследований истории Компании в XVII веке, до сих пор не опубликованные.

Я также благодарен сэру Эрнесту Робинсону за разрешение использовать в качестве фронтисписа его картину, изображающую столкновение с кораблями махраттов.

ДЖ. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

РОСТ ЕВРОПЕЙСКОГО ПИРАТСТВА НА ВОСТОКЕ

Португальские пираты - Винсенте Содре - Голландские пираты - Королевские филистеры - Предприятие Эндимиона Портера - Ассоциация Кортена - Индийский флот Красного моря - Джон Хэнд - Одиум, возбужденный против англичан в Сурате - *Цезарь* атакован французскими пиратами - Датские грабежи - Западноиндийские пираты - Рассказ Овингтона - Интерлоперы и разрешенные суда - Эмбарго на английскую торговлю - Рейверы в ловушке у Мунгрола - Джон Стил - Эвери захватывает корабль "*Карл Второй*" Его письмо английским командирам - поселения на Мадагаскаре - Либертатия - судьба Соубриджа - захват корабля "*Гундж Сувайе*" - огромная добыча - опасность для англичан в Сурате - угроза Бомбею -

дружелюбное поведение губернатора Сурата - эмбарго на европейскую торговлю - Эвери отплывает в Америку - его предполагаемый конец - большой рост пиратства - мятеж экипажей *"Мокка"* и *"Джосайи"* - Каллифорд в *"Резолюции"* - Лондон захвачен Имаумом из Маската.

ГЛАВА II

КАПИТАН КИДД

Меры по подавлению пиратства - *"Адвенчер"* оснащен - эскадра Уоррена встречается с Киддом - его подозрительное поведение - угроза *"Сиднею"* - нападение на флот Красного моря - захват *"Мэри"* - посещение Карвара и Каликута - его письмо на фабрику - преследование португальскими военными. Преследует *"Седжвик"* - Чиверс - Действие между *"Дорриллом"* и *"Резолюшн"* - Кидд захватывает судно *"Куэда Мерчант"* - Дилемма европейских торговцев в Сурате - Их соглашения с властями - Опыт *"Бенджамин"* - Известие о пиратстве Кидда достигает Англии - Отправка Эскадры под командованием Уоррена - Литтлтон на Мадагаскаре - Кидд отплывает в Нью-Йорк - Арест и суд - Его защита и казнь - Справедливость приговора - Его характер - Уменьшение пиратства - Низкий уровень лояльного торговца - Акт о пресечении пиратства - Капитан Миллар ...

ГЛАВА III

ВОЗВЫШЕНИЕ КОНАДЖИ АНГРИИ

Наследственное пиратство на Малабарском побережье - рассказ Марко Поло - повествование Фрайера - Кемпсанта - арабские и санганские пираты - нападение на *"Президент"* - гибель *"Джосии"* - нападение на *"Феникс"* - захват *"Томаса"* - хищения пиратов Персидского залива - мнения директоров взгляды - Конаджи Ангрия - нападения на английские корабли - уничтожение *Бомбея* - укрепление Кеннери - обретение независимости - захват яхты губернатора - нападения на *Сомерса* и *Грэнтэма* - заключение мира с Бомбеем - его флот - большой рост европейского и туземного пиратства ...

ГЛАВА IV

ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ГУБЕРНАТОР

Прибытие г-на Буна в качестве губернатора. Бун в качестве губернатора - он строит корабли и улучшает оборону Бомбея - отчаянное столкновение *"Морнинг Стар"* с санганцами - Александр Гамильтон - экспедиция против Вингорлы - неудача - Гамильтон становится коммодором - экспедиция против Карвара - десант разбит - успешная стычка - дезертирство новобранцев Гоа - подкрепление - десант снова разбит - раджа заключает мир - Гамильтон уходит с поста коммодора - безносая компания - Ангрия возобновляет атаки - десантная экспедиция против Герии - рассказ Даунинга - подготовка к атаке на Кеннери ...

ГЛАВА V

СЛУГИ КОМПАНИИ

Гражданские служащие Компании - их сравнение с англичанами, уехавшими в Америку - их жалкое жалованье - военные служащие Компании - недоверие к ним - мятеж Шакстона - капитан Кейгвин - нарушение обязательств и плохое обращение. Военные недовольства - Кейгвин захватывает управление Бомбеем - его мудрое правление - подчинение короне - низкий статус военных офицеров Компании - речь лорда Эгмонта - факторы и писатели как генералы и полковники - плохое качество простых солдат - их плохое обращение - жалоба на Мидфорд - скупость директоров ...

ГЛАВА VI

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ КЕННЕРИ

Сиваджи занимает Кеннери - морские действия - Минчин и Кейгвин - Бомбей под угрозой - Сиди вмешивается - Конаджи Ангрия занимает Кеннери - Бун отплывает с экспедицией - Мануэль де Кастро - бесполезные действия - силы высажены и отбиты - вторая высадка - предательство Мануэля де Кастро - Гидеон Рассел - плохое поведение двух капитанов - поражение - атака прекращена - *St. Георгий - Фрам - Мануэль де Кастро* наказан - Бомбейская стена достроена - Ангрия предлагает мир - Бун перехитрил ...

ГЛАВА VII

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ ГЕРИИ

Неприятности с португальцами - снова мадагаскарские пираты - гибель "*Кассандры*" - храбрая защита *капитана* Макрея - одноногий пират - Ричард Лазенби - экспедиция против Герии - мистер Уолтер Браун - его некомпетентность. Уолтер Браун - его некомпетентность - высадка Гордона - неподчинение и пьянство - прибытие "*Фрама*" - *общая* атака - неудача - союз с Кемпсантом - нападение на Деогур - мадагаскарские пираты, Англия и Тейлор - бесславное бегство - судьба "*Фрама*" - *Браун* снова отправлен на юг - пираты в Кочине - бегство на Мадагаскар - их ярость против Макрея и Англии - Англия выведена из строя - Тейлор захватывает корабль в Гоа - богатый приз - губернатор Макрей ...

ГЛАВА VIII

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ КОЛАБЫ

Меры, принятые в Англии против пиратов - Вудс Роджерс на Багамах - Эдвард Тич - Халлонер Огл - Бартоломью Робертс убит - Мэтьюс отправлен в Ост-Индию - дуэли морских офицеров - португальский союз - экспедиция против Колабы - нападение - поражение - раскол в союзе - партия против Буна - его отъезд - планы Мэтьюса - его оскорбительное поведение - он ссорится со всеми - отправляется на Мадагаскар - король Рантер-Бей - Мэтьюс отправляется в Бенгалию ...

ГЛАВА IX

БЕСПОКОЙНЫЙ ГОД В БОМБАЕ

Потеря галеры "*Хантер*" - Ссора с португальцами - Союз португальцев с Ангрией - Война с обеими странами - Двойной триумф - Португальцы заключают мир - Ангрия покорила - Мэтьюс снова появляется - Неприятности, вызванные им - Возвращение в Англию - Военный трибунал - Последний из Мэтьюсов ...

ГЛАВА X

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ КОНФЛИКТА

Дело мистера Кургенвен - смерть Конаджи Ангрия - ссоры его сыновей - португальская интервенция - Сумбхаджи Ангрия - политические изменения - бедствие *Бомбея* и *бенгальских* галер - *Окхам* отбивает флот Ангрия - Кули - потеря *Дерби* - *Махратты* изгоняют португальцев из Салсетта - капитан Инчберд - Маннаджи Ангрия доставляет неприятности - голландская эскадра Эскадра отбита у Герии - Галлантные действия *Харрингтона* - *Сумбхаджи* атакует Колабу - Англичане помогают Маннаджи - Потеря *Антилопы* - Гибель *Сумбхаджи* Ангрия - Туладжи Ангрия - Захват *Ансона* - *Туладжи* берет *Реставрацию* - *Сила* *Туладжи* - Эскадра Лисла - Строительство *Протектора* и *Гардиана* ...

ГЛАВА XI

ПАДЕНИЕ АНГРИИ

Тооладжи успешно сражается с голландцами - Пытается заключить мир с Бомбеем - Против него сформирован альянс - Коммодор Уильям Джеймс - Слабость флота Пейшвы - Северндруг - Галантная атака Джеймса - Падение Северндруга - Совет откладывает нападение на Герию - Клайв прибывает из Англии - Проекты директоров - Адмирал Уотсон - Подготовка к войне с Герией - Указания Совета - Военный совет о призах...Деньги - Двойные сделки офицеров Пейшвы - Подсказка Уотсона - Корабли вступают в бой с Герией - Английский флот сожжен - Падение Герии - Клайв занимает форт - Призовые деньги - Спор между Советом и Пуна Дурбаром - Уничтожение пиратства на побережье - Башня Северндруга ...

* * * * *

АНГЛИЧАНКА В ИНДИИ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД

ИЛЛЮСТРАЦИИ

МАХРАТТЫ И ГАЛЛИВАТЫ НАПАДАЮТ НА АНГЛИЙСКИЙ КОРАБЛЬ. КАРТА МАЛАБАРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

* * * * *

ПИРАТЫ МАЛАБАРА

ГЛАВА I

РОСТ ЕВРОПЕЙСКОГО ПИРАТСТВА НА ВОСТОКЕ

Португальские пираты - Винсенте Содре - Голландские пираты - Королевские филистеры - Предприятие Эндимиона Портера - Ассоциация Кортена - Индийский флот Красного моря - Джон Хэнд - Одиум, возбужденный против англичан в Сурате - *Цезарь* атакован французскими пиратами - Датские грабежи - Западноиндийские пираты - Рассказ Овингтона - Интерлоперы и разрешительные корабли - Эмбарго на английскую торговлю - Пираты в ловушке у Мунгрола - Джон Стил - Эвери захватывает корабль "*Карл Второй*" Его письмо английским командирам - поселения на Мадагаскаре - Либертатия - судьба Соубриджа - захват корабля "*Гундж Сувайе*" - огромная добыча - опасность для англичан в Сурате - угроза Бомбею - дружелюбное поведение губернатора Сурата - эмбарго на европейскую торговлю - Эвери отплывает в Америку - его предполагаемый конец - большой рост пиратства - мятеж экипажей "*Мокка*" и "*Джосайя*" - Каллифорд на корабле "*Резолюшн*" - Лондон захвачен Имаумом из Маската.

С первых дней европейского предпринимательства на Востоке берега Индии рассматривались как благоприятное поле для деятельности филистеров, самым ранним из которых был Винсенте Содре, спутник Васко да Гамы во время его второго путешествия. Общение с язычниками и идолопоклонниками регулировалось в соответствии с этическим кодексом, отличным от того, который применялся к общению с христианами. Авторитет Ветхого Завета поддерживал рабство, африканцы считались скорее скотом, чем людьми; азиаты были классом выше, но все равно неизмеримо ниже европейцев. Напасть на магоммеданские корабли означало просто продолжить в других водах хроническую войну с маврами и турками в Средиземноморье. Те же чувства, которые заставили испанцев принять штандарт Креста при завоевании Мексики и Перу, присутствовали, хотя и не так открыто, в умах купцов и авантюристов всех классов и национальностей, которые стекались в

индийские моря в XVI и XVII веках. С упадком буханьерства и ростом индийской торговли соответственно увеличилось число пиратов, и европейские торговцы перестали пользоваться иммунитетом.

В 1623 году грабежи голландцев ввергли англичан в немилость. Их склады в Сурате были конфискованы, а президент и факторы посажены в кандалы, в таком состоянии они пробыли семь месяцев. Эта обида была тем сильнее, что в это время в Амбойне произошли жестокие пытки и казнь голландцами капитана Тауэрсона и его команды. Неприятно было отвечать за поступки своих соотечественников, но быть наказанным за проступки своих врагов - горькая пилюля, которую нужно проглотить. В 1630 году, как раз когда был заключен мир с Францией и Испанией, Карл I, начинавший эксперимент по созданию абсолютного правительства, отправил корабль "*Морской конек*" капитана Куэйла в Красное море, чтобы захватить корабли и товары испанских подданных, а также всех других народов, не состоящих в союзе и дружбе с Англией. В Красном море и Индийском океане испанцев не было, но международные договоренности в Европе не принимались во внимание, когда пересекался экватор. Перепел захватил малабарское судно, за что слуги Компании в Сурате были вынуждены выплатить полную компенсацию. В 1633 году "*Морской конек*" вернулся в Англию, но ввиду открывшегося нового поля деятельности Эндимион Портер, джентльмен из опочивальни короля, занялся пиратскими спекуляциями в партнерстве с двумя лондонскими купцами, Боннеллом и Кинастоном, получив лицензию от тайной печати на посещение любой части света и захват судов и товаров любого государства, не состоящего в союзе и дружбе с Англией. Два корабля, "*Самаритянин*" и "*Ройбук*", были оборудованы с такой секретностью, что Ост-Индская компания оставалась в неведении, и в апреле 1635 года отплыли в Красное море под командованием капитана Кобба.

Самаритянин" потерпел крушение у Коморских островов, но Кобб, продолжая плавание с "*Ройбуком*", захватил два могольских судна в устье Красного моря, с одного из которых он взял большую сумму денег и множество товаров, хотя у судна был пропуск от Суратской фактории. И снова слуги Компании в Сурате были заключены в тюрьму, и их не выпускали до тех пор, пока они не выплатили полную компенсацию. Небольшое удовлетворение было получено, когда стало известно, что Джон Прауд, хозяин "*Лебедя*", одного из кораблей Компании, столкнулся с "*Роебуком*" у Коморских островов и напал на вольного разбойника. Ему не удалось захватить судно, но удалось добиться возврата захваченных товаров; сокровища, однако, были увезены в Лондон, где, должно быть, казалось, что снова наступили времена Дрейка и Хокинса.

Компания изложила свои претензии королю, который выразил большую озабоченность, пообещав написать Великому Моголу и разъяснить ситуацию; тогда компания подала иск против Боннелла и Кинастона в Адмиралтейский суд. Портер занимал слишком высокое положение, чтобы нанести ему удар. Боннель избежал ареста и бежал во Францию, но Кинастон был арестован и заключен в тюрьму; после этого Чарльз приказал освободить его под залог, заявив, что сам рассмотрит дело в свое время.

Но взгляды Портера не ограничивались одним пиратским плаванием. Едва Кобб отправился в плавание, как вступил в партнерство с сэром Уильямом Кортеном, чтобы организовать отдельную торговлю в Ост-Индию. Была получена королевская субсидия, и король сам получил долю в номинальном размере 10 000 фунтов стерлингов. Этот грант был вопиющим нарушением веры и положил начало системе интерлоперов, которая в последующие годы принесла столько убытков и проблем Компании. Четыре корабля были снаряжены и отправлены в путь, и вскоре стало известно, что два судна из Сурата и Диу были разграблены кораблями Куртена, а их экипажи подверглись пыткам. И снова слуги Компании в Сурате

были схвачены и брошены в тюрьму, где их продержали два месяца, освободив только после уплаты 1 70 000 рупий и торжественной клятвы уважать могольские корабли.

Гражданская война положила конец этому придворному пиратству, а упадок испанской власти привлек более буйных духов Европы и Америки к испанским берегам, так что на некоторое время европейское пиратство в индийских водах пошло на убыль. Когда пиратство становилось то более опасным, то менее прибыльным, авантюристы всех наций снова появлялись в восточных водах, и старые неприятности возникали вновь в обостренной форме. Индийский флот Красного моря предлагал особенно заманчивую добычу для скитальцев. Лобо, священник-иезуит, писавший в XVII веке, рассказывает, что торговля Джидды была столь обширна, а стоимость кораблей, которые туда приплывали, столь велика, что, когда в Индии хотели описать вещь, имеющую неоценимую цену, было принято говорить: "Она имеет большую стоимость, чем джиддский корабль". Каждый год в зимние месяцы индийские торговцы и паломники, направляющиеся в Мекку, добирались на одиночных кораблях до Красного моря. С наступлением муссона они собирались в Мокке и возвращались обратно единым корпусом. Вся индийская торговля с Красным морем оплачивалась золотом и серебром, поэтому возвращающиеся корабли предлагали вольным разбойникам множество заманчивых призов.

В 1683 году Джон Хэнд, хозяин *бристольского* корабля "Интерлидер", очистил свое судно от документов, выданных в Лиссабоне и Бразилии, и отплыл на Мадейру. Там он собрал свою команду и сообщил, что намерен отвести корабль в Ост-Индию. Те, кто не хотел, были потрясены: Рука был очень "пассионарным" человеком. Судя по всему, он был наполовину пиратом, наполовину торговцем, готовым в равной степени нападать на других торговцев или самому торговать пряностями и наркотиками. На побережье Суматры, обнаружив, что туземцы не желают иметь с ним дела, он вышел на берег с пистолетом в кармане, чтобы образумить "черных псов". Пистолет выстрелил в кармане и раздробил ему бедро, и на этом Джон Хэнд закончил свою жизнь.

В том же году шесть человек, из которых четверо были англичанами, а двое голландцами, плывя на туземном торговом судне из Персидского залива в Сурат, захватили корабль, убив владельца и двух его жен. Ласкаров выбросили за борт, а шестерых оставили работать на корабле. Их плавание длилось недолго. Направившись в Онор, они выбросили шестерых ласкаров за борт, когда подошли к порту. Мужчин удалось выбраться на сушу, и, добравшись до Оноре, они передали информацию о будущих пиратах местным властям, которые захватили корабль и вскоре избавились от негодаев.

Три года спустя два корабля под английскими цветами, оснащенные соответственно сорока четырьмя и двадцатью пушками, по сообщениям, захватили в Красном море суда на сумму 600 000 рупий. Седи Джинджира, называвший себя адмиралом Могола, получал ежегодную субсидию в размере четырех лакхов за конвоирование флота - обязанность, которую он был совершенно не в состоянии выполнять в борьбе с европейскими десперадо. Общественное мнение в Сурате сразу же возбудилось против англичан, а еще больше разгорелось из-за голландцев и французов, которые очень хотели, чтобы соперник был исключен из торговли. Сэр Джон Чайлд, чтобы умиротворить губернатора, предложил послать военный корабль на поиски пиратов, но голландские и французские факторы продолжали "плевать ядом", пока губернатор не рассмеялся им в лицо и не спросил, почему они не присоединятся к отправке судов на поиски разбойников, раз дело кажется им таким серьезным.

В том же сезоне произошла галантная схватка с пиратами, правда, не в индийских водах. Корабль компании "*Цезарь*" капитана Райта, направлявшийся из Англии в Бомбей, был

преследуем у берегов Гамбии пятью кораблями, на каждом из которых было от двадцати до тридцати пушек, под французскими цветами. Райт не собирался сдаваться без боя и пустил свой корабль по ветру, чтобы выиграть время для приведения себя в боевое состояние. На *"Цезаре"* находились солдаты, и на корабле было достаточно людей, чтобы сражаться. Шлюпки отрезали, палубы очистили, боеприпасы и оружие раздали, три тысячи фунтов хлеба, которыми была завалена оружейная рубка, выбросили за борт, а сверху набили стрелков. Как только все было готово, грот был спущен, и корабль пошел под легким парусом. Вскоре два меньших корабля подошли, подняли красный флаг и начали обстрел: один - с четверти *"Цезаря"*, другой - с кормы. Вскоре подошли еще три корабля, два из которых Райт назвал адмиралом и вице-адмиралом. Адмирал встал на четверть и попытался высадиться, но был вынужден отвалить, потеряв много людей и оторвав бушприт. Вице-адмирал попытался высадиться на нос, но не более успешно, потеряв форштевень и миззен-мачту. Бой продолжался пять часов, но стрелки на верхушках *"Цезаря"* стреляли так метко, что пираты едва успевали обслуживать свои пушки. Экипаж демонстрировал прекрасное настроение, громко радуясь каждому удачному выстрелу, пока обескураженные пираты не ушли, оставив *"Цезарь"* продолжать свой путь в Бомбей, сильно потрепанный по корпусу, но потерявший только одного человека убитым и восемь ранеными.

В следующем году в Сурат пришло известие о двух судах под датскими цветами, которые остановили английские корабли и захватили местные между Суратом и Бомбеем. В то время в Сурате находился британский военный корабль *"Феникс"*, и вместе с ост-индским судном *"Кент"* он был отправлен на поиски мародеров, взяв с собой двух маленьких мальчиков, посланных представлять французов и голландцев. В положенное время капитан Тиррелл вернулся и сообщил, что обнаружил эскадру из четырех судов; после двухдневной погони он настиг их, когда оказалось, что это два датских корабля с двумя призами, которые они взяли. Они показали ему свою комиссию, разрешавшую им мстить подданным Могола за обиды, нанесенные датским торговцам, и он оставил их в покое. Через несколько месяцев португальская фактория в Конге, в Персидском заливе, была разграблена английским пиратом; о другом пирате слышали в Красном море, а Филипп Бабингтон, ирландский пират, крейсировал у Теллихери на корабле *"Очаровательная Мария"*.

К 1689 году появилось несколько морских разбойников из Вест-Индии, а на заводе в форте Сент-Джордж сообщили, что морскую торговлю "донимают пираты". Первые пришельцы довольствовались тем, что грабили корабли местных жителей. Теперь их действия распространялись и на европейские суда, не принадлежащие к их собственной национальности. Со временем это ограничение перестало соблюдаться; они поднимали красный или черный флаг, с цветами или без цветов той национальности, к которой принадлежали, и не щадили ни одного судна, которое у них хватало сил захватить.

Армянские купцы громко выражали свои жалобы. Армянский корабль, направлявшийся из Гоа в Мадрас с двадцатью тысячами пагод на борту, был захвачен пиратским судном в двести тонн, с двадцатью двумя пушками и командой из шестидесяти человек. Другой армянский корабль с пятьюдесятью тысячами ксерафимов был захвачен возле Бомбея, когда он следовал из Гоа в Сурат. Помимо тех, что осаждали Малабарское побережье, пираты были в Персидском заливе, в устье Красного моря и в Мозамбикском канале, а пять пиратских судов крейсировали у Ахина. В течение следующих десяти лет убытки, причиненные пиратами, были огромны.

Овингтон упоминает, что на острове Святой Елены (1689 год) один из работорговцев рассказал им о трех пиратах, двух англичанах и одном голландце, которые были так нагружены добычей, что с трудом управляли своими кораблями, побитыми непогодой и

непригодными к плаванию во время долгих плаваний у устья Красного моря. Изношенные парусиновые паруса были заменены двойными шелковыми.

"Они были расточительны в расходах на свои несправедливые доходы и утоляли свою жажду европейским ликером по любой ставке, которую мог поставить этот командир (работоторговец); они так откровенно распределяли свои товары и пили благородное вино, как будто были одновременно утомлены владением своим хищением и желали подавить все меланхоличные размышления о нем".

Такой рассказ должен был распалить воображение каждого моряка, услышавшего его.

Число пиратов увеличивалось за счет интерлоперов - купцов-авантюристов, торгующих без лицензии, которые, подобно Джону Хэнду, не получив груза, грабили местные корабли. Их действиям подражали разрешительные корабли - суда, имевшие лицензию Компании на одно плавание. Нередко экипажи интерлоперов и разрешительных кораблей поднимались, захватывали судно против воли его владельцев и командиров и поднимали "Веселый Роджер". Командирам кораблей Ост-Индской компании давались поручения по захвату интерлоперов, но, как правило, интерлоперы прекрасно умели о себе позаботиться. Поскольку и пираты, и интервенты плавали под английскими флагами, вся одиозность падала на англичан. В августе 1691 года в устье реки Сурат был захвачен корабль богатого купца Абдула Гуффур с девятью лаكхами наличными на борту. На заводе в Сурате была выставлена охрана, а на английскую торговлю наложено эмбарго. Поскольку пират имел цвета нескольких национальностей, власти не хотели идти на крайние меры. К счастью для английской компании, один из членов пиратской команды был схвачен и оказался датчанином, так что эмбарго на английскую торговлю было снято.

Несмотря на то, что пираты практически безнаказанно промышляли на море, на берегу они иногда становились жертвами вероломства восточников. Так, Джеймс Гиллиам, бродяга, зайдя в Мунгрол на побережье Каттиавара, был радушно принят и удостоился похвалы за благородную щедрость, с которой он расплатился за припасы. Вскоре пришло приглашение на банкет, и Гиллиам с несколькими офицерами и командой, всего двадцать человек, был принят представителем наваба Джунагура с чрезмерными церемониями. Вежливое любопытство проявлялось к знатым чужестранцам. "Почему они всегда ходят вооруженными? Заряжены ли их мушкеты? Не разряжают ли они их, чтобы продемонстрировать хозяину европейские методы?" Мушкеты были разряжены, и сразу же был объявлен банкет. "Задержка с перезарядкой мушкетов была нецелесообразной. После пирши будет время перезарядить оружие". И вот, когда они сидели и были беззащитны, на них набросились вооруженные люди, и Гиллиам со своими последователями был схвачен и закован в цепи. Целый год они пролежали в Джунагуре, где двое из них умерли. Тщетно Гиллиам пытался отправить письмо на фабрику в Сурате с просьбой принять их в британское подданство. Президент Харрис знал, что малейший интерес к судьбе бродяг будет фатальным для интересов Компании, и почувствовал облегчение, когда узнал, что их отправили в лагерь Аурунгзеба; после этого о них больше ничего не слышно.

В начале 1692 года командирам Компании было дано право захватывать пиратов и удерживать их до тех пор, пока не станет известно о воле короля, но эта мера оказалась малоэффективной. Пираты были первоклассными моряками, которые обгоняли и переигрывали корабли Компании, а среди ее экипажей у них было много сочувствующих. Призы, которые можно было получить, были так велики, а риск так мал, что Компании с трудом удавалось удерживать своих людей от участия в морских разбойниках. Так, в 1694 году Джон Стил[1] сбежал с длинной шлюпкой фрегата "Рубин". Шестнадцать человек,

замышлявших присоединиться к нему, были вовремя обнаружены и посажены в кандалы. Французы и голландцы выдавали пропуски всем, кто за ними обращался, поэтому Стил взял себя под французскую защиту, и в течение двух лет "этот негодяй Стил" часто упоминался в береговых письмах. Через четыре года Стил был арестован в Англии. Но хотя директорам было предоставлено множество рассказов о его злодеяниях, против него не было представлено ни одного свидетельства под присягой, и Стил вышел сухим из воды.

Однако всем остальным пиратам суждено было затмить славу Генри Эвери, *по прозвищу* Бриджмен,[2] который теперь появился в Индийском море. Его подвиги, огромное богатство, которое он сколотил пиратством, и его предполагаемая женитьба на могольской принцессе продолжали будоражить общественное мнение еще долго после того, как он исчез со сцены. О нем было написано несколько биографий, одна из которых приписывается Дефо, и все они содержат большие преувеличения; в его честь была написана пьеса *"Удачливый пират"*. Биографы обычно называют его имя Джон Эвери, но оно было таким, как указано здесь. Согласно рассказу голландца Ван Брока, который некоторое время находился на борту его корабля и был в хороших отношениях с ним, он родился в Плимуте, сын капитана торгового флота, служившего во флоте под началом Блейка. Каждый сам служил на флоте, на кораблях *"Резолюшн"* и *"Эдгар"*, прежде чем получил в командование торговое судно, на котором совершил несколько рейсов в Вест-Индию. В мае 1694 года он был первым помощником на корабле *"Карл Второй"*, одном из небольшой эскадры английских кораблей, нанятых испанским правительством у сэра Джеймса Хаублона для борьбы с французскими контрабандистами, которые мешали их перуанской торговле[3].

Испанцы плохо платили, и эскадра Хаублона задержалась в Корунне на три или четыре месяца, а экипажи становились все более недовольными, поскольку жалование им не выплачивалось. По мере того как чувство недовольства росло, среди наиболее буйных духов возник заговор с целью захватить корабль и повернуть реверсы под командованием Эвери. В ночь на 30 мая капитан корабля *"Карл Второй"* был взят в плен, находясь в постели. К мятежникам присоединилась шлюпка, посланная с *"Джеймса"*, чтобы предотвратить захват; тросы были перерезаны, и корабль вышел из гавани. Капитана и всех, кто не пожелал присоединиться, посадили в шлюпку, и *"Чарльз"*, переименованный в *"Фэнси"*, направился на юг, к берегам Африки. Единственным человеком, которого задержали против его воли, был доктор, поскольку он был полезным человеком.

Несколько месяцев они провели на побережье Гвинеи, где захватили несколько негров, а пять кораблей - три английских и два датских - были разграблены и сожжены. До конца года Эйри находился к востоку от мыса, намереваясь заняться торговцами Красного моря. Первые сведения о нем дошли до Бомбея в мае 1695 года, когда три торговых судна, отправлявшиеся в путь, сообщили, что видели его в Джоханне.

"Корабли вашей чести, идущие к этому острову, пустились за ним в погоню, но он оказался слишком проворным для них, убрав большую часть своих верхних конструкций и сделав ее очень проворной, и это преимущество, добавленное к ее хорошему плаванию раньше, заставляет ее плыть так сильно теперь, что она не боится, кто следует за ней. Этот корабль, несомненно, (войдет) в Красное море, что вызовет бесконечные крики в Сурате".

Вместе с этим сообщением пришло следующее характерное письмо от Every:-.

"28 февраля 1695/4 года.

"Всем англичанам. Командирам позвольте выразить удовлетворение, что я ехал здесь в это мгновение на вашем корабле, причудливом человеке войны, бывшем Чарльзе из вашей испанской экспедиции, который отплыл из Кронии 7 мая. 94: Будучи и сейчас на корабле с 46 пушками и 150 людьми, я никогда не причинял зла ни англичанам, ни голландцам и не собираюсь, пока я командир. Поэтому, поскольку я обычно говорю со всеми кораблями, я желаю, чтобы тот, кто когда-либо дойдет до вашего ознакомления с этим, принял этот сигнал, что если вы или кто-то, кого вы можете информировать, желаете знать, где мы находимся на расстоянии, тогда сделайте ваш Antient Vp в шаре или связке и приведите его на ваш мизон Peek y'e Mizon Being furled I shall answer w'e y'e same & Never Molest you: ибо мои люди голодны, выносливы и решительны, и если они превзойдут мои желания, я не смогу помочь себе.

как Йетт, друг англичанина

ГЕНРИХ ЕВРЕЙ".

"Здесь 160 французских вооруженных людей, которые сейчас находятся в Мохилле и ждут возможности получить корабль, берегите себя"[4].

По словам Ван Брока, это был человек с добрым нравом, который был испорчен плохим обращением с ним со стороны его родственников. Судя по письму, он был человеком образованным, и за свою короткую, но активную карьеру в индийских морях он, похоже, нападал только на туземные корабли. В записях Компании не упоминается о гибели ни одного английского корабля от рук Эвери, и это обстоятельство, несомненно, сильно свидетельствовало против англичан во мнении туземцев в Сурате.

Те же корабли, которые доставили письмо Эвери сэру Джону Гайеру, принесли сведения о том, что в Мохилле сел на мель известный французский пират. Три корабля Компании, заходившие в Джоханну, узнали о случившемся и направились к месту происшествия, сожгли французский корабль, забрав все сокровища, находившиеся на борту, и захватили шестерых французов, которых доставили в Бомбей. Дружеское предупреждение Эвери о "160 од французских вооруженных людей", очевидно, относилось к потерпевшему крушение экипажу.

Ценность Перима, или Бабского ключа, как его тогда называли мореплаватели, для торговли в Красном море, сразу же была осознана Эриком, который попытался основать там поселение. После нескольких неудачных копаний в поисках воды он отказался от этого проекта и обосновался на Мадагаскаре, который до этого стал известен как пиратский курорт. В течение следующих тридцати лет единственными торговцами, которые осмеливались появляться на побережье Мадагаскара, были те, кто вел дела с пиратами, поскольку в разных местах возникали пиратские поселения; самые известные из них - на острове Святой Марии, в Сент-Огастине, Порт-Дофине и Чарнокз-Пойнте. Они построили себе крепости и установили господство террора над окрестностями, иногда принимая участие в ссорах туземцев, а иногда воюя между собой; они провозгласили себя королями и жили в убогом достоинстве с большими сералами туземных женщин. Капитан Вудес Роджерс, приплывший на Мадагаскар за рабами через шестнадцать лет после Эвери, описывал тех, кого он встретил, как людей, проживших на островах более двадцати пяти лет, с пестрой толпой детей и внуков.

"Прожив столько лет на этом острове, можно представить, что их плащи давно износились, так что их величества были чрезвычайно выпячены на локтях: Я не могу сказать, что они были

оборванными, поскольку у них не было плащей, их нечем было покрыть, кроме звериных шкур без всякого дубления, но со всеми волосами, ни башмаков, ни чулок, так что они выглядели как изображения Геркулеса в львиной шкуре; и будучи обросшими бородой и волосами на теле, они казались самыми дикими фигурами, какие только может изобразить человеческое воображение"[5].

Одно примечательное поселение было основано на севере, недалеко от Диего Суареса, французом Миссоном, самым гуманным из пиратов, с которым был в союзе английский пират Тью. Миссон поставил перед собой цель построить укрепленный город, "чтобы у них было место, которое они могли бы назвать своим, и место, где, когда возраст и раны сделают их неспособными к труду, они могли бы наслаждаться плодами своего труда и спокойно сойти в могилу". Поселение получило название Либертатия. Рабство было запрещено, и освобожденных рабов поощряли селиться в этом месте. Гавань была сильно укреплена, в чем убедилась напавшая на них португальская эскадра. Был построен док, посеяны зерновые культуры, назначен лорд-консерватор на три года и парламент для принятия законов. Колония была еще в зачаточном состоянии, когда ее застали врасплох и уничтожили туземцы, пока Миссон находился в плавании; так Либертатии пришел конец. Тью удалось сбежать на свой шлюп с большим количеством бриллиантов и золота в слитках. Когда Миссон снова присоединился к нему, они решили отправиться в Америку. Корабль Миссона затонул во время шторма, а Тью добрался до Род-Айленда и некоторое время жил там безбедно. Но прелести жизни мореплавателя оказались слишком велики для него. Он снарядил шлюп и снова отправился в Красное море, где погиб в бою с могольским кораблем.

Из своих мадагаскарских поселений пираты обшаривали восточное побережье Африки, Индийский океан до Суматры, устье Красного моря, где корабли моголов предлагали много богатых призов, Малабарское побережье и Оманский залив. Время от времени корабли из Новой Англии и Вест-Индии привозили припасы и рекрутов, забирая тех, кто устал от жизни и хотел насладиться добычей. С европейскими пленниками редко обращались варварски, если не было сопротивления, и пиратские команды находили много рекрутов среди захваченных торговых судов. Самые жестокие расправы пираты применяли к местным купцам Индии, которые попадали в их руки. Они считали, что все туземные торговцы обладают драгоценностями, что действительно часто случалось, и подвергали их жесточайшим пыткам, чтобы заставить отдать свои ценности. Мы слышали об одном несчастном англичанине, капитане Соубридже, который был захвачен пиратами во время плавания в Сурат с кораблем, груженным арабскими лошадьми из Бомбея. Его жалобы и изречения так раздражали похитителей, что, после неоднократных просьб попридержать язык, они взяли парусиновую иглу и бечевку и сшили ему губы. Так они держали его несколько часов со связанными руками, пока грабили его корабль, который затем подожгли, спалив его и находившихся на нем лошадей. Соубридж и его люди были доставлены в Аден и сошли на берег, где он вскоре умер.

Вскоре. Эври сделал несколько заметных захватов. У берегов Адена он обнаружил пять пиратских кораблей английской национальности, три из них - из Америки, которыми командовали Мэй, Фаррелл и Уэйк. В Аденомском заливе он сжег город Махет на сомалийском побережье, поскольку жители отказались торговать с ним. В сентябре, во время крейсерства у Сокотры с кораблем "*Фэнси*", двумя шлюпами и галерой, он захватил судно "*Футтех Махмуд*" с ценным грузом, принадлежавшее Абдулу Куффуру, самому богатому и влиятельному купцу в Сурате. Через несколько дней он захватил у Санджана, к северу от Бомбея, принадлежащий императору корабль под названием *Gunj Suwaie* ("Превосходящее сокровище"). Это был великий захват, прославивший Эври. По легенде, на борту находилась

внучка Аурунгзеба, которую Эври с помощью муллы выдал замуж и увез на Мадагаскар. Но эта история - лишь самая сенсационная из множества романтических выдумок, накопившихся вокруг имени Эвери. Туземный историк[6], рассказывающий о захвате корабля *Gunj Suwai* и имевший друзей на борту, несомненно, не удержался бы от упоминания о таком событии, если бы оно имело место; да и могольский император не преминул бы отомстить англичанам за такое оскорбление, нанесенное его семье.

Гундж Сувайе был самым большим кораблем, принадлежавшим порту Сурат. На нем было восемьдесят пушек и четыреста спичек, помимо прочего военного снаряжения, и он считался настолько сильным, что пренебрегал помощью конвоя. В этот раз он возвращался из Красного моря с результатами сезонных торговых операций на сумму в пятьдесят два лаखा рупий[7] серебром и золотом, а на его борту находилось несколько магометанских дам, возвращавшихся из паломничества в Мекку. Несмотря на неравенство сил, все сблизилось и вступили в бой. Первая же пушка, выпущенная "*Гундж Сувайе*", разорвалась, убив трех или четырех человек и ранив остальных. Грот-мачта была сильно повреждена широкими бортами, а "*Фэнси*" подплыл к борту и взял его на абордаж. Именно в этот момент следовало предпринять достойную оборону. Матросская секира плохо сочеталась с изогнутым мечом и щитом, поэтому англичане пользовались на Востоке дурной славой из-за отсутствия смелости в игре на мечах. Но Ибрагим-хан, капитан, был трусом и при виде белых лиц сбежал вниз. Его команда последовала его примеру, и судно было захвачено почти без сопротивления.

Столь богатый приз нельзя было отдавать без тщательного досмотра. Целую неделю "*Гундж Сувайе*" обшаривали от носа до кормы, а команда "*Фэнси*" предавалась ужасной оргии, возбужденная до предела огромной добычей, попавшей в их руки. Несколько женщин бросились в море или зарубили себя кинжалами; последний кусок серебра был найден и перенесен на борт "*Фэнси*", последняя драгоценность сорвана с пассажиров и команды, а затем "*Гундж Сувайе*" был оставлен, чтобы найти путь в Сурат, как он мог.

На англичан вылился весь долго копившийся гнев. Подстрекаемые Абдулом Гуффуром, жители Сурата взяли за оружие, чтобы отомстить фабрикантам. Губернатор Итимад-хан был настроен благожелательно по отношению к англичанам, но народное волнение было настолько велико, что ему было трудно защитить их. Чтобы спасти фабрику от разграбления, к ней приставили охрану. Один из муфтиев призвал предать англичан смерти в отместку за гибель стольких правоверных и процитировал соответствующий текст из Корана. Вскоре пришел приказ Аурунгзеба, предписывающий Сиди идти на Бомбей, а всех англичан в Сурате и Броаче сделать пленниками. Президент Аннесли и остальные, всего шестьдесят три человека, были посажены в кандалы, и так продолжалось одиннадцать месяцев. К тому же пришло известие о том, что Эври захватил "*Рампуру*", камбейский корабль с грузом стоимостью 1 70 000 рупий.

"Странно, - писал сэр Джон Гайер, - видеть, как почти все купцы негодуют против нашего народа, упрекая губернатора в том, что он принимает наше участие, и так же странно видеть, что, несмотря на все это, он направляет против них поток сильнее, чем можно было бы себе представить, учитывая его крайне робкий характер".

Странность враждебности купцов едва ли очевидна, но не лишним будет сказать, что только дружелюбное поведение Итимад-хана спасло английскую торговлю от уничтожения. Голландцы, всегда враждебно настроенные на Востоке, какими бы ни были отношения между Голландией и Англией в Европе, стремились улучшить ситуацию, разжигая народное волнение, и пытались добиться того, чтобы англичане были навсегда исключены из

индийской торговли. По словам сэра Джона Грейера, "они сохранили свои эдомитские принципы и радовались, что Иаков низложен". Но Итимад-хан знал, что пираты были всех национальностей, и отказывался возлагать ответственность только на англичан. Чтобы умиловить губернатора, сэр Джон Гайер передал ему шестерых французских пиратов, захваченных в Мохилле, не испытывая сомнений в том, что отдал христиан на милость магометан. Он вполне ожидал, что с него потребуют и сокровища, извлеченные из затонувшего корабля; но Итимад-хан не был скупым человеком, и такого требования не последовало. "Его презрение к деньгам не сравнится ни с одним из королевских умбра или губернаторов", - писал сэр Джон год спустя, когда Итимад-хана уже не было в живых. Чтобы предотвратить ссору голландцев с императором, Гайер послал агента с предложением конвоировать флот Красного моря в будущем, в обмен на ежегодную выплату четырех лакхов в год. Предложение было отклонено, но оно помогло выставить англичан в более выгодном свете и добиться отмены отданных приказов о нападении на Бомбей и Мадрас. Если бы предложение было принято, к числу врагов Компании добавились бы сиди. Голландцы, не уступая, предложили оказать ту же услугу в обмен на монополию торговли во владениях императора. Это заставило всех остальных европейцев выступить против голландского предложения, и интрига потерпела поражение. Эмбарго на всю европейскую торговлю в Сурате было сохранено, а голландцам, французам и англичанам было приказано прочесать моря и уничтожить пиратов. Кроме того, было приказано, чтобы европейцы на берегу не носили оружия и не пользовались паланкинами, а их кораблям запрещалось поднимать национальные флаги. Голландцы и французы держались в стороне. Они не хотели отправлять в море ни одного корабля без оплаты, за исключением своих собственных дел. Сэр Джон Гайер, проявив мудрость, послал вооруженные корабли для конвоирования флота Мокко за счет Компании, и таким образом буря миновала.

Тем временем Эври, пресыщенный добычей, принял решение удалиться[8] со своими огромными богатствами. По словам Джонсона, ночью он дал отмашку своим спутникам, отплыл в Провиденс на Багамах, где его команда разошлась, и оттуда направился в Англию, как раз в то время, когда была опубликована королевская прокламация, предлагавшая 500 фунтов стерлингов за его задержание. Вознаграждение было удвоено предложением Компании в размере четырех тысяч рупий; в то время восемь рупий были эквивалентом фунта стерлингов. Несколько человек из его команды также сбежали домой и были захвачены; но прежде чем он покинул индийское побережье, двадцать пять французов, четырнадцать датчан и несколько англичан были согнаны на берег, опасаясь показаться в Европе или Америке. Этот факт, похоже, ставит под сомнение версию о том, что он покинул своих спутников тайком.

19 октября 1696 года шестеро из его команды были преданы суду и осуждены в Олд-Бейли, а против самого Эвери был составлен обвинительный акт, хотя он и не был задержан. По словам Джонсона,[9] Эвери сменил имя и жил без лишней шумихи, пытаясь продать накопленные им драгоценности. Торговец, в руки которого он их передал, подозревая, как они к нему попали, пригрозил ему. Каждый бежал в Ирландию, оставив свои драгоценности в руках купца, и в конце концов умер в Девоншире в крайней нищете. Но авторитет этого, как и большинства популярных рассказов об Эвери, крайне сомнителен. То, что его обманом лишили части нажитого преступным путем, достаточно вероятно, но в высшей степени невероятно, что о нем знали, что он жил в бедности, и что за его поимку не была назначена крупная награда. Несомненно лишь то, что его так и не задержали, и что за несколько месяцев он унес с собой такую сумму награбленного, какую никогда не вывозил из индийских морей ни один скиталец. Долгое время он был героем каждого морского города

Англии и Северной Америки; вокруг его имени сложилось бесчисленное множество легенд, а пиратство получило огромный импульс.

Через несколько месяцев после его отплытия в Красном море было пять пиратских кораблей под английскими цветами; еще два, каждый из которых был оснащен четырнадцатью пушками, находились в Персидском заливе, а еще один крейсировал у Телличерри. На Мадагаскаре быстро появлялись другие. Весть об огромной добыче Эвери распространялась из порта в порт, и каждый беспокойный дух стремился найти свою удачу в этом новом Эльдорадо, как в наши дни люди устремляются к новому золотому прииску. Моряки Компании не устояли перед соблазном. На пути из Бомбея в Китай команда фрегата *"Мокка"* подняла мятеж у берегов Ачина, убила своего капитана Эджкомба и отправила на плаву в пиннасе двадцать семь офицеров и людей, которые отказались присоединиться к ним. После этого *"Мокка"* была переименована в *"Дефенс"* и в течение следующих трех лет наносила бесконечный ущерб в Индийском океане. В это же время команда кетча *"Джосайя"* из Бомбея, стоявшего на якоре на дорогах Мадраса, воспользовавшись тем, что командир был на берегу, сбежала с корабля. Все это было спланировано между двумя экипажами еще до выхода из Бомбея; они намеревались встретиться у берегов Суматры и отправиться в круиз в компании. Пиратская карьера *"Джосайи"* продолжалась недолго. Отправившись сначала к Никобарским островам, команда сошла на берег и вскоре была вовлечена в ссоры с туземцами; на борту осталось только два человека, одним из которых был Джеймс Краффе, оружейник, которого заставили присоединиться к ним против его воли. Другой человек был всего лишь слабовольным пиратом, и Краффе уговорил его присоединиться к попытке захвата корабля. Они перерезали трос и, по счастливой случайности, не имея никаких познаний в навигации, сумели провести корабль в Ачин.

Командование Стаутом *"Дефенс"*, некогда бывшим *"Мокка"*, быстро закончилось. По одним данным, он был предан смерти своими товарищами в Лаккадивах за попытку дезертировать; по другим - его убили малайцы. Его место занял Каллифорд, который был лидером мятежников с корабля *"Джосайя"*. Он переименовал корабль в *"Резолюшн"* и проявил себя одним из самых смелых мореплавателей своего времени.

Ненадежность его экипажей поставила сэра Джона Гейера перед неловкой дилеммой. Ему пришлось доложить директорам, что он не смеет посылать корабли для конвоирования паломников, чтобы экипажи не взбунтовались; что в гавани Бомбея нельзя укомплектовать судно, опасаясь дезертирства, а на берегу у него нет ни одного солдата, годного для звания капрала. На побережье появилась мощная французская эскадра, и президент Сурата подсчитал, что за последнее время потери Компании на захваченных кораблях, отплывших из Сурата, составили миллион стерлингов. Потери местных купцов были еще более серьезными; торговля почти остановилась, в то время как в Камбейском заливе появились еще три пиратских корабля из Нью-Йорка и захватили деревенские суда на сумму в четыре лакха рупий. Каждое письмо, отправленное по побережью в этот период, повествует о деяниях разбойников: каждый корабль, заходящий в гавань, рассказывал о пиратах, о погонях, о том, как им удалось спастись, и о захватах.

"Эти пираты не щадят никого, но забирают всех, кого встречают, а европейцев сажают на свои корабли с товарами, которые им нравятся, и топят корабли, отправляя ласкаров на плотях искать берег".

Мародеры были настолько дерзкими, что проплывали мимо гавани Бомбея и бросали свои корабли на виду у фабрик, расположенных на побережье.

Чтобы отомстить за свои потери, арабы из Маската в апреле 1697 года захватили судно "*Лондон*", принадлежащее частному торговцу мистеру Аффлеку. Арабы в то время вели военные действия с португальцами и заставили экипаж "*Лондона*" сражаться за них. Тех, кто не захотел, привязали к мачтам под португальским огнем, от которого они не ушли невредимыми. Напрасно командиры двух судов Компании уверяли Имаума, что "*Лондон*" не пират.

"Вы прислали мне письмо, - писал он, - о том, что мои люди захватили один из ваших кораблей. Это правда, я сделал это в обмен на один, который вы, англичане, взяли у меня, так что теперь мы квиты и имеем корабль за корабль; за этот я не сдамся. Если вы хотите быть друзьями, я готов быть ими; если нет, я буду сражаться с вами и заберу все корабли, какие смогу".

Сообщалось, что один пиратский корабль преследовал два корабля Конга, захватил один из них и вытеснил другой на берег, где тот потерпел полное крушение. "Какое влияние это может оказать на дела уважаемой компании, одному Богу известно", - скорбно писал президент Сурата. Вскоре его настроение улучшилось. Те же пираты высадились на берег и разграбили "Конг"; но, позволив застать себя врасплох, пятьдесят шесть человек из команды были настигнуты и убиты.

За редким исключением, английские пираты были выходцами из американских колоний. Каждый год из Нью-Йорка, Бостона, с Ямайки и Багамских островов отправлялись корабли, номинально предназначенные для работоторговли, хотя ни для кого не было секретом, что они предназначались для пиратства в восточных морях. Какие бы угрызения совести ни испытывали при нападении на европейские корабли, их не было при разграблении азиатских купцов, где можно было получить большую добычу без особого риска. Иногда губернаторы вступали в союз с пиратами, которые платили им за то, что они подсматривали за их действиями. Те, кто был более честен, не имели достаточно сил, чтобы пресечь дурную практику, к которой колониальное сообщество относилось снисходительно, если не благосклонно, в то время как их время было полностью занято борьбой с фракционной оппозицией колониальных законодательных органов, а также защитными мерами против французов и индейцев. Английское правительство, поглощенное французской войной, не имело кораблей в индийских морях; но трудности, в которые попала английская торговля на Востоке, и огромные убытки, причиняемые пиратами, заставили, наконец, принять некоторые меры для борьбы со злом, принявшим такие гигантские размеры.

[1] Представляется вероятным, что это был тот самый Джон Стил, о котором Друри упоминал как о своем дяде в Бенгалии. Мало сомнений в том, что большая часть предполагаемого рабства Друри на Мадагаскаре была проведена среди пиратов.

[2] Судя по всему, он принял имя Every, когда занялся пиратством.

[3] Сэр Джеймс Хаблон был олдерменом Лондона и управляющим Банка Англии в то время.

[4] Письмо, по-видимому, было оставлено Эвером у туземцев Джоханны, которые передали его торговым капитанам, доставившим его в Бомбей.

[5] Цитата взята из "Истории пиратов" Джонсона. В своем кругосветном плавании Вудс Роджерс не заходил на Мадагаскар. По этому случаю (1711 г.) он встретил на мысе двух бывших пиратов, получивших помилование, которые рассказали ему, что мадагаскарские поселения сократились до шестидесяти или семидесяти человек, "большинство из них очень бедны и презренны даже для туземцев", и у них есть только один корабль и шлюп. Но,

добавляет он, "если после заключения мира не позаботиться о том, чтобы очистить остров от них и не позволить другим присоединиться к ним, то это может стать соблазном для свободных людей прибегнуть к этому острову и снова превратить его в беспокойное гнездо вольных разбойников".

[6] "История Индии" Эллиота в изложении ее собственных историков. Мунтахабу-л-Лубаб Хафи-хана.

[7] Равняется 534 000 фунтов стерлингов на тот день.

[8] Согласно показаниям ласкара, захваченного на судне *"Футтех Махмуд"* и доставленного на Мадагаскар, Эвери отплыл на Багамы осенью 1695 года, так что его карьера в индийских морях продолжалась всего шесть месяцев. Достигнув Провиденса, Эври подарил губернатору сорок кусков восьмерика и четыре куса золота за то, что тот позволил ему приходить и уходить в безопасности.

[9] Джонсон "Всеобщая история пиратов", 1724 г.

ГЛАВА II

КАПИТАН КИДД

Меры по подавлению пиратства - оснащение *"Адвенчера"* - встреча эскадры Уоррена с Киддом - его подозрительное поведение - угроза *"Сиднею"* - нападение на флот Красного моря - захват *"Мариу"* - посещение Карвара и Каликута - его письмо на фабрику - преследование португальскими военными. Преследуют португальские военные - Преследует *"Седжвик"* - Чиверс - Действие между *"Дорриллом"* и *"Резолюшн"* - Кидд захватывает судно *"Куэда Мерчант"* - Дилемма европейских торговцев в Сурате - Их соглашения с властями - Опыт *"Бенджамина"* - Известие о пиратстве Кидда достигает Англии - Отсылка Эскадра под командованием Уоррена - Литтлтон на Мадагаскаре - Кидд отплывает в Нью-Йорк - Арест и суд - Его защита и казнь - Справедливость приговора - Его характер - Уменьшение масштабов пиратства - Низвержение *"Верного торговца"* - Акт о пресечении пиратства - Капитан Миллар.

Война с Францией активно велась на суше и на море. В 1695 году страна все еще переживала поражение в Низких странах и отказ от Брестской экспедиции. На море флот держался молодцом, хотя английская торговля ужасно страдала от нападений французских корсаров из Дюнкерка и Сен-Мало. Компания подала прошение об отправке корабля в Индийское море для борьбы с пиратами, но глава Адмиралтейства лорд Орфорд отказался выделить один корабль. У богатых людей была мода получать письма с маркой для каперства, и был создан синдикат, в который вошли канцлер, лорд Сомерс, лорд Орфорд, лорд Белламонт и другие вельможи-виги, чтобы послать капер против французской торговли. Для этой цели была куплена и оснащена галера *"Адвенчер"*, а командование было поручено Уильяму Кидду, которого лорд Белламонт предложил в качестве подходящего человека для выполнения этой задачи. Кидд был старым каперским мастером, завоевавшим определенную репутацию в Вест-Индии во время войны. Лорд Белламонт был назначен губернатором Нью-Йорка, хотя приступил к исполнению своих обязанностей лишь два года спустя. Король поручил ему приложить все усилия, чтобы положить конец пиратам, отплывавшим из Новой Англии, и ему не пришло в голову ничего лучшего, как получить для Кидда поручение действовать против бродяг. За задержание каждого пирата было назначено общее вознаграждение в 50 фунтов стерлингов, а за каждого - 100 фунтов, увеличенное в следующем году до 500 фунтов.

В декабре Кидду было выдано поручение с печатью Адмиралтейства, уполномочивающее его действовать против французского флота. Он должен был вести дневник своих действий, а любое захваченное судно должно было быть доставлено в ближайший порт и осуждено компетентным судом. В случае осуждения он мог распорядиться им в соответствии с обычаями. Шесть недель спустя ему было дано второе поручение за Большой печатью, в качестве частного военного лица, задержать всех пиратов, вольных разбойников и морских разбойников; особо упоминались имена Томаса Ту (? Тью), Джона Айрленда, Томаса Уэйка и Уильяма Мейза, или Мейса. Кроме того, ему предписывалось вести точный журнал своих действий, а захваченные им пиратские суда должны были преследоваться по закону, как и французские. Следующий ордер был выдан синдикату, в котором фигурировали граф Белламонт, Эдмунд Харрисон, Уильям Роули, Джордж Уотсон, Томас Рейнольдс и Сэмюэл Ньютон. Под этими незамысловатыми именами скрывались лорды Орфорд и Сомерс, а также другие вельможи-виги. Они должны были отчитаться за все товары и ценности, захваченные во время плавания: десятая часть должна была отойти короне, а остальное - им самим, чтобы возместить свои расходы.

На борту "*Адвенчера*" было тридцать пушек, а гребли они двадцатью шестью или тридцатью веслами. В мае 1696 года Кидд отплыл из Плимута в Нью-Йорк с командой около семидесяти человек. По пути он захватил небольшое французское судно, которое было должным образом конфисковано, а вырученные деньги пошли на дооборудование "*Приключения*". В Нью-Йорке он довел команду до ста пятидесяти пяти человек, и люди качали головами, видя, каких сомнительных людей он набрал. В то время считалось, что либо его намерения нечестны, либо он набирает команду, которую не сможет контролировать. Людям были обещаны доли от того, что они возьмут, а самому Кидду полагалось сорок долей. О доле владельцев или короны ничего не говорилось. В сентябре он отплыл к мысу. На американском побережье было полно пиратов и французских торговых кораблей, но он не стал тратить ни дня на их поиски.

Через несколько дней после того, как Кидд покинул Плимут, королевская эскадра в составе кораблей "*Виндзор*", "*Тайгер*", "*Советник*" и "*Гриф*" под командованием коммодора Уоррена отплыла из Шернесса, чтобы посетить гавани и места стоянок, используемые кораблями Ост-Индии, вплоть до мыса, и очистить их от пиратов. Эскадра с пятью ост-индскими кораблями под конвоем медленно продвигалась вдоль африканского побережья, потеряв много людей из-за болезней. В двухстах лигах к западу от мыса они заметили странный парус, который, казалось, хотел избежать их. Уоррен пустился в погоню и заставил парус накрениться. Когда ему подали сигнал подняться на борт, командир оказался Киддом, командовавшим "*Адвенчером*". Попросив отчитаться за себя, он рассказал, что ему поручено искать и уничтожать пиратов, и показал свою комиссию. Судя по всему, Уоррен впервые услышал о нем, но от королевской комиссии было не отмахнуться, поэтому ему оказали обычное гостеприимство и велели держать компанию до самого мыса. Уоррен потерял много людей на побережье Гвинеи и попросил Кидда оставить ему несколько человек. Лучшей возможности избавиться от неприятных людей было не найти, но Кидд отказался расстаться с одним из них. Когда вино Уоррена подействовало на него, проявился его истинный характер. Он хвастался подвигами, которые собирался совершить, и богатством, которое получит, пока Уоррен не проникся отвращением и подозрениями. "*Приключенцу*" нужен был новый грот. Уоррен не мог выделить ему ни одного. Неважно, он взял бы его с первого попавшегося корабля, и в конце концов его отправили обратно на "*Приключение*", пьяного в стельку. Шесть дней он плыл в компании с эскадрой. Затем наступил штиль, и ночью, пользуясь веслами, Кидд скрылся из виду, а когда взошло солнце, его уже почти не было видно.

Достигнув мыса, Уоррен не смог получить никаких известий о нем, но капитанам кораблей Компании он сообщил о своих подозрениях относительно Кидда. Три из них, направлявшиеся в Джоханну на Коморских островах, - *"Сидней"*, *"Мадрасский купец"* и *"Ост-Индский купец"* - согласились плыть вместе для взаимной защиты. *Сидней*, как более быстроходное судно, достиг Джоханны раньше своих товарищей и обнаружил *"Приключение"* на якоре на рейде. Когда *"Сидней"* встал на якорь, Кидд послал шлюпку к капитану Гиффорду, приказав ему снять свои цвета и угрожая взять его на abordаж, если он откажется. Гиффорд приготовился защищаться. Через два дня появились *"Ост-Индский торговец"* и *"Мадрасский торговец"*, направлявшиеся к якорной стоянке, и Кидд сбавил тон. Затем он пригласил трех капитанов подняться на борт *"Приключения"*, но они отказались, дав ему понять, что не доверяют ему.

Вскоре им пришлось предупредить его о жестоком обращении с людьми Джоанны, за что они пригрозили призвать его к ответу. Такое непредвиденное отношение со стороны трех капитанов встревожило Кидда, и, убедившись, что они не покинут якорную стоянку, пока он не уйдет, он поднял парус и отчалил. Однако некоторые члены экипажа *"Приключения"* подозрительно выражались, говоря, что ищут ост-индский корабль. На вопрос, будут ли они нападать хоть на один из них, они ответили уклончиво, продолжая хвастаться тем, что собираются сделать. Эти ранние действия Кидда окончательно опровергают версию о том, что его намерения изначально были честными, и что он поддался принуждению своей команды и занялся пиратством только после того, как достиг индийских морей. Правда заключается в том, что Кидд с самого начала был настроен на пиратство, и ему не составило труда убедить большинство членов команды присоединиться к нему. Вряд ли можно сомневаться, что рассказы о больших богатствах, приобретенных Эвером, вскружили ему голову. На борту *"Адвенчера"* было немало людей, которых невольно принудили к пиратству и которые оставались в хроническом состоянии недовольства, но Кидд был не из их числа. Задолго до того, как он совершил хоть один захват, в портах Западной Индии стало известно, что Кидд - пират.

Из Иоганны он направился на Мадагаскар, но пираты уже ушли в поисках добычи, поэтому он продолжил плавание в Мозамбикском канале и вдоль африканского побережья. Говорят, что в это время он встречал индийские корабли, не приставая к ним, что впоследствии было приведено в доказательство того, что его намерения были честными. Более вероятно, что он лишь сомневался в своих силах, не зная слабости азиатов, и рассчитывал на богатую добычу, которую предлагал флот мочика.

Крейсируя на север, он высадился в Маббере[1] на побережье Сомали и силой отобрал у туземцев немного кукурузы - это был его первый опыт филибастерства. Затем он направился в Перим и встал на якорь, чтобы дожидаться флота Мокка. Трижды он посылал лодку, чтобы заглянуть в гавань Мокко и сообщить, когда индийские корабли будут готовы к отплытию. Когда флот разрозненным строем вышел из пролива, он выделил большое судно и начал стрелять по нему. Это сразу же привлекло внимание фрегата *"Скипетр"*, который сэр Джон Гайер отправил в качестве конвоя, и Кидд бросился наутек.

Будь на его месте Эври, он бы последовал за флотом через Индийский океан и прихватил бы парочку беглецов, но вида *"Скипетра"* и голландского корабля Кидду было достаточно, и он оставил паломнический флот в покое. Не досаждая им, он двинулся на восток и 29 августа у Санджана, к северу от Бомбея, захватил бригантину *"Мэри"*, небольшое туземное судно из Сурата. Это был первый захват Кидда в открытом море. Томаса Паркера, капитана *"Мэри"*,

заставили подняться на борт "*Приключения*" в качестве лоцмана, португальца взяли в качестве переводчика, а ласкаров "*Мэри*" избили и подвергли жестокому обращению. Через неделю он зашел в Карвар за провизией под английским флагом, но его характер был уже известен. Пока он находился в гавани, раджа Сунда и фабриканты стояли на страже. Харви, начальник фактории, потребовал от Паркера сдаться, но Кидд поклялся, что ничего о нем не знает. Восемь человек из его команды дезертировали и рассказали свою историю. Они не желали пиратской жизни, к которой их приучили, и сообщили, что многие другие члены команды покинули бы его, если бы им представилась такая возможность. Находясь у Карвара, он посадил "*Адвенчер*" на небольшой островок в гавани, который долгое время был известен как остров Кидда. Месяц спустя он был у Каликута, где о его постоянных проблемах с припасами свидетельствует следующее письмо на фабрику: - "*Adventure Gally, October yau.*

"Приключения Галли, октябрь 4't, 1697.

"С'р,

"Я не могу не восхищаться тем, что ваши люди так боятся приближаться к нам, поскольку я использовал все возможные средства, чтобы дать им понять, что я англичанин и фридрих, не предлагая приставать к их каннам, поэтому считаю удобным написать это, чтобы вы поняли, кто я такой, что (я) надеюсь, положит конец всем подозрениям. Я прибыл из Англии около 15 месяцев назад с поручением короля взять всех пиратов в этих морях, а из Карвара прибыл около месяца назад, так что полагаю, что вы уже слышали, кто я такой, и все, за чем я прибыл сюда, это дрова и вода, которые, если вы сообразоволяете приказать мне, будут честно удовлетворены за то же самое или за любую вещь, которую они принесут, и все это от него, который будет очень готов служить вам в том, что находится в моей власти.

"УИЛЬЯМ КИДД".

Они прекрасно знали, кто он такой, поэтому он отплыл к Лаккадивам, откуда вскоре пришло известие о его варварском обращении с туземцами и о том, что он убил своего квартирмейстера.[2] Это письмо характерно для методов Кидда. С самого первого выхода в индийские моря его поведение вызывало подозрения. Из-за большого объема каботажной торговли и частой необходимости заходить во многие места за водой морские новости распространялись из порта в порт с большой скоростью. В момент написания этого письма он держал капитана "*Марии*" в плену под люками, и начальникам заводов в Карваре и Каликуте было хорошо известно об этом; но до конца он верил, что сможет пустить пыль в глаза чиновникам Компании, разыграв королевскую комиссию.

Пока он находился на побережье, Кидда преследовали два португальских вооруженных судна - грейфер и шлюп. Захват был плохим судном, и Кидду не составило труда от него ускользнуть; но шлюп, более совершенный, позволил увлечь себя в погоню, пока Кидд, укоротив парус, не смог нанести ему несколько широких ударов, в результате чего он потерпел полное крушение; после этого он показал чистую пару каблуков. На суде над Киддом было заявлено, что в этом деле у него было ранено десять человек.

В апреле (1698 г.) "*Седжвик*", прибыв в форт Сент-Дэвид, сообщил, что по пути из Анхенго его три дня и ночи преследовал Кидд, но его спас поднявшийся сильный бриз. На обратном пути "*Седжвику*" повезло меньше: у мыса Коморин его захватил голландец Чиверс на судне "*Солдадо*", известном также как "*Алгерин*", водоизмещением двести пятьдесят тонн и с двадцатью восемью пушками. Груз "*Седжвика*" не понравился Чиверсу, и, будучи приведённым в хорошее настроение несколькими чашами пунша, он отпустил "*Седжвик*", забрав с него только паруса и кордебалет.

В 1698 году торговля Компании практически прекратилась из-за грабежей морских разбойников и враждебного отношения к европейцам. Каждое письмо приносило сведения о пиратах и причиненных ими убытках. Небольшими эскадрами они бороздили побережье от Мадраса до устья Инда и преследовали море от мыса Коморин до Малаккского пролива. В июле корабль компании *"Доррилл"*, направлявшийся в Китай, был атакован в Малаккском проливе судном *"Резолюшн"*, в прошлом *"Мокка"*, под командованием Каллифорда, и после жаркого боя, продолжавшегося три часа, пираты ушли, понеся большие потери с обеих сторон. Боуэн на *"Скором возвращении"*, за захват которого Грин был, по сомнительной справедливости, повешен, Чиверс на *"Солдадо"*, Норт на *"Пеликане"*, Хэлси, Уильямс, Уайт и многие другие, менее известные, безнаказанно грабили и жгли повсюду. В начале года Кидд захватил судно *"Куэдах Мерчант"*, шедшее из Бенгалии в Сурат, принадлежавшее нескольким армянским купцам, которые находились на борту. Капитаном был англичанин Райт, канониром - француз, а также два голландца. Это был лучший приз Кидда, принесший около 10 000 или 12 000 фунтов стерлингов, которые сразу же были разделены между экипажем *"Приключения"*, причем сорок акций Кидда составляли одну четвертую часть всего приза. Способные моряки получили по одной акции, а сухопутные и слуги - только по половине. Суратская фабрика была охвачена тревогой, и не без оснований. Напрасно сэр Джон Гейер писал губернатору и посылал агента к императору, чтобы снять с себя ответственность. В августе пришел императорский приказ, предписывающий, что англичане, французы и голландцы должны нести ответственность за все убытки, и что только за купца *Кведаха* англичане должны заплатить два лакха рупий. На фабриках была выставлена охрана, запрещено всякое общение с ними, слуги-магометане покинули их, а их кредиторов обязали дать отчет губернатору обо всех долгах европейцев. Голландцы и французы пытались оправдаться, свалив всю вину на англичан, но губернатор отказался делать какие-либо различия и призвал три нации выплатить четырнадцать лакхов рупий в качестве компенсации за убытки, причиненные пиратством. Сэр Джон Гайер был человеком действия. Как и Макрей, о котором речь пойдет ниже, он впервые заявил о себе как морской капитан, а в качестве губернатора Бомбея в течение четырех лет отстаивал интересы Компании в обстоятельствах, не представляющих особой сложности. Настало время для решительных действий, если мы хотим, чтобы торговля Компании продолжалась. Получив сведения об этих событиях, он появился у берегов Сурата с тремя вооруженными кораблями и передал губернатору, что не собирается ни выплачивать часть четырнадцати лакхов, ни давать залог. В то же время он сообщил, что готов обеспечить конвои для кораблей мокко, как он уже делал, и, в доказательство доброй воли в борьбе с пиратами, указал, что теперь, когда война в Европе подошла к концу, королевская эскадра направляется в индийские моря для их истребления. Европейские торговцы на западном побережье всегда были настолько покорны власти императора, что это неожиданное проявление решительности удивило губернатора: он сбавил тон. Голландцы заявили, что скорее откажутся от суратской торговли, чем заплатят; губернатор согласился не требовать возмещения прошлых убытков, если англичане обязуются возместить все будущие потери от пиратства. Это также было отклонено. Наконец, англичане, французы и голландцы договорились действовать сообща для подавления пиратства и подписали облигации, по которым они совместно обязались возместить все будущие убытки.

Какими бы обременительными ни были эти условия, соглашение было заключено не замедлительно. Весть о нем дошла до Аурунгзеба как раз вовремя, чтобы добиться отмены изданного им приказа, окончательно прекратившего всю европейскую торговлю в его владениях. Он велел губернатору Сурата уладить дело по-своему. В соответствии с

соглашением голландцы осуществляли конвоирование паломников в Мекку и патрулировали вход в Красное море, а также выплатили губернатору 70 000 рупий; англичане заплатили 30 000 рупий и патрулировали южноиндийские моря, а французы внесли аналогичную сумму и осуществляли патрулирование Персидского залива.

Опыт, полученный яхтой *"Бенджамин"* в это время, показал, что пираты не склонны к беспричинным злодеяниям там, где не требуется грабеж. В ноябре яхта стояла в Оноре, принимая груз перца, когда в гавань за провизией зашли известные пиратские корабли *"Пеликан"*, *"Солдадо"* и *"Резолюшн"*. Увидев яхту губернатора Бомбея, они, естественно, решили, что будет предпринята попытка помешать туземцам снабжать их провизией. Они сразу же передали хозяину *"Бенджамина"*, что не намерены приставать к нему, если только он не помешает им достать провизию, и в этом случае они потопят его. Хозяин яхты был очень рад, что его оставили в покое; пираты получили свою провизию и в знак признательности за его поведение подарили ему недавно захваченный португальский корабль. Сэр Джон Гайер, опасаясь, как бы его не обвинили в сговоре с пиратами, быстро передал его португальским властям.

Когда сведения о пиратстве Кидда достигли Англии, в стране поднялась буря негодования. Партийные чувства разгорались с необычайной силой. Большинство в Палате общин желало гибели Сомерса и Орфорда, целясь в короля. Обвинение в пособничестве злодеяниям Кидда было слишком полезным оружием, чтобы им можно было пренебречь, поэтому оно было добавлено к списку обвинений против них. Следует признать, что обстоятельства, при которых лорд-канцлер, глава Адмиралтейства и другие видные деятели использовали свое влияние для продвижения предприятия, от которого они должны были получить прибыль, под вымышленными именами и которое вызвало такой скандал, требовали расследования. Вряд ли было достаточно сказать, что они потеряли свои деньги. Такой ответ оправдал бы любое незаконное предприятие в случае его провала.

Французская война подошла к концу, и в январе 1699 года королевская эскадра из четырех кораблей - *"Англезея"*, *"Харвич"*, *"Гастингс"* и *"Лизард"* - под командованием Уоррена отплыла из Портсмута на Мадагаскар[3]. С собой они везли четырех королевских комиссаров и прокламацию, предлагавшую всем пиратам, добровольно сдавшимся до конца апреля 1699 года, бесплатное помилование, из которого исключались Эвери и Кидд. Помилование касалось только пиратских актов, совершенных к востоку от мыса Доброй Надежды, между африканским и индийским побережьем. После захода в бухту Святого Августина, где несколько пиратов изъявили свою покорность, эскадра в ноябре достигла Телличерри. На якорной стоянке Уоррен умер и на следующий день был похоронен на берегу. Его сменил на посту командующего Литтлтон. В мае следующего года Литтлтон оказался на побережье Мадагаскара, где пробыл до конца года, после чего вернулся домой. Все это время он поддерживал связь с пиратами. Его дела с ними принесли ему дурную славу в судоводных кругах. Гамильтон рассказывает, что *"по некоторым ценным причинам он снова отпустил их; а поскольку они испытывали трудности с очисткой днищ своих больших кораблей, он щедро помогал им большими блоками и снастями для их раскачивания"*. Возможно, это замечание Гамильтона было связано с поведением капитана *"Гастингса"* Уайта, чье поведение вызвало такие подозрения, что Литтлтон поместил его под арест, опасаясь, что он передаст свой корабль пиратам. Литтлтон пробыл у берегов Мадагаскара восемь месяцев, не сделав ни одного выстрела. Когда он впервые достиг острова Святой Марии, пираты приветствовали его салютом из девяти пушек, на что он ответил из пяти, и он ежедневно поддерживал с ними тесную связь. Неизвестно, подчинился ли ему кто-либо из пиратов, но вполне вероятно, что его присутствие укрепило решимость добиться помилования тех, кто до этого обрuchился с

Уорреном; среди них были Каллифорд и Чиверс. Дело в том, что на пиратство тогда смотрели более снисходительно, чем сейчас. Грабеж азиатов и жестокое обращение с ними были преступлением, и многие моряки после плавания с пиратами возвращались к своему призванию на борту честного торгового судна, не считая себя намного хуже от этого.

Среди всех морских офицеров, отправленных в Индийское море в то время, Уоррен, похоже, был единственным, кто действительно пытался защищать интересы Компании. Литтлтон поссорился с сэром Николасом Уэйтом и вел сомнительные дела с мадагаскарскими пиратами. Ричардс и Харланд поссорились с сэром Джоном Гейером и калечили корабли Компании, насильно заставляя их матросов пополнять свои собственные экипажи; Мэтьюс же превзошел их всех в возмутительном поведении, о чем будет рассказано в следующем месте.

Захватив судно *"Куэда Мерчант"*, Кидд взял курс на Мадагаскар, где нашел Каллифорда из *"Резолюшн"*, который поначалу отнесся к нему с подозрением, узнав, что у него есть заказ на поимку пиратов. Но Кидд вскоре успокоил его за несколькими чашками бомбейского напитка, клятвенно заверив, что "его душа скорее прожарится в аду", чем он тронет хоть волосок одного из членов команды Каллифорда, и в качестве доказательства доброй воли подарил ему две пушки и якорь. Затем, обнаружив, что *"Приключение"* стало непригодным для плавания, он бросил его и отплыл в Новую Англию на корабле *"Куэда Мерчант"*. В июне 1799 года он достиг Бостона.

Перед прибытием он узнал, что его объявили пиратом, и поручил своему другу обратиться от его имени к лорду Белламонту. От *"Куэды-кузнеца"* избавились, а награбленное поместили в надежное место. По заверениям и ценному подарку леди Белламонт решил, что сможет уладить все дела. Белламонт, похоже, поначалу был в недоумении, как к нему относиться. Он не желал верить всему, что ему говорили. По истечении трех недель он принял решение и арестовал Кидда. Восемь месяцев он просидел в бостонской тюрьме, а затем был отправлен в Лондон для суда и пробыл в Ньюгейте больше года. Одиннадцать членов его команды также были арестованы, двое из них были допущены в качестве свидетелей короля.

В это время буря против министров-вигов набирала силу, и Палата общин готовила статьи импичмента против Сомерса, Орфорда и других. 27 марта 1701 года Кидд был доставлен в палату для допроса, но он не сказал ничего, что могло бы обвинить кого-либо из владельцев *"Приключений"*, поэтому была принята резолюция о том, что он должен быть предан суду в соответствии с законом.

8 и 9 мая он предстал перед судом в Олд-Бейли. Первым обвинением против него было убийство Мура, канонира *"Адвенчера"*. Между ними произошла ссора, в ходе которой Мур обвинил Кидда в том, что тот разорил их всех, на что Кидд назвал его "паршивой собакой"; на что Мур в ярости ответил, что если он и был собакой, то это Кидд сделал его ею. В ответ Кидд швырнул в него ведро и проломил череп. Присяжные признали его виновным. Затем его вместе с девятью членами его команды судили за захват судна *"Куэда"*. Его защитой было то, что судно шло по французскому пропуску, а значит, являлось законным призом, но он уклонился от ответа. Он заявил, что у лорда Белламонта есть несколько французских пропусков на захваченные им корабли, но не хочет их предъявлять. То, что Кидд захватил несколько кораблей по французским пропускам и что эти пропуска находились в руках Белламонта, чрезвычайно вероятно; но невероятно, чтобы французский пропуск для *"Куэды"* находился в руках Белламонта и чтобы он его утаил. Его обвиняли в соучастии в пиратстве Кидда и угрожали импичментом. Все соображения как личного, так и политического

интереса побуждали его снять с себя обвинения и сбить с толку тех, кто обвинял ведущих людей его партии, а также его самого.

Кидд пытался заставить свидетелей, некоторые из которых были к нему благосклонны, сказать, что они видели французский проход, но все, что они могли сказать, это то, что они слышали, как он заявил о его существовании. Свидетели противной стороны утверждали, что он притворился, будто французский канонир "*Куэда Мерчант*" был капитаном, хотя все они знали, что это не так. Когда его спросили: "Капитан Кидд, можете ли вы сделать так, чтобы казалось, что на борту "*Кведаха Мерчант*" был французский пас?", он ответил: "Милорд, эти люди говорят, что слышали, как несколько человек так говорили". В суде присутствовал один из армянских владельцев, но его не стали допрашивать; он также не смог сказать, почему его корабль не был осужден должным образом, как французское судно, захваченное между Плимутом и Нью-Йорком. Он лишь ответил, что не был при дележе товара и ничего об этом не знал. Свою атаку на флот Мокко он не объяснил.

Его признали виновным, а затем судили за захват мавританского корабля (корабля Паркера), мавританского кетча и португальского судна. Каллифорда и еще двух человек судили за захват корабля под названием "*Великий Магоммет*". Трое из команды Кидда были оправданы, остальные были признаны виновными и приговорены к повешению. Каллифорду была предоставлена отсрочка, так как он подчинился Уоррену. Трем членам команды Кидда пришлось несладко. Они подали прошение в соответствии с прокламацией короля, но не одному из комиссаров, назначенных для этой цели, поэтому их прошение оказалось напрасным. 12 мая Кидд с шестью членами своей команды и двумя членами команды Каллифорда был повешен в Экзекушн-доке, обычном месте казни пиратов.

Невозможно проследить карьеру Кидда и изучить его судебный процесс, не придя к выводу, что он заслужил свою судьбу. Нет никаких признаков того, что он был принесен в жертву политической целесообразности. Как только Палата общин не смогла возложить ответственность за пиратство Кидда на лидеров партии вигов, он перестал иметь какое-либо значение для политических целей. Обвинение в соучастии с ним было лишь одним из десяти обвинений против Орфорда, одним из четырнадцати против Сомерса. Говорят, что суд почти не имел с ним дела, но в те времена правосудие не отличалось особой нежностью к преступникам, и присяжные без колебаний оправдали троих из тех, кого судили вместе с ним. Преступникам не разрешалось пользоваться помощью адвоката, за исключением случаев, когда речь шла о праве. Кидд поднял вопрос о праве, и ему разрешили воспользоваться помощью адвоката для его аргументации. Его намерения были ясны с того самого дня, как он покинул Нью-Йорк. Четыре пирата, названные в его поручении, находились тогда у американского побережья; он не предпринимал никаких попыток разыскать их, а сразу взял курс на мыс. Если бы он не мог управлять своей командой, он мог бы обратиться за помощью к Уоррену; вместо этого он скрылся ночью. Его угрозы "*Сиднею*" в Джоханне, его нападение после трехнедельного ожидания на флот Мокка, его задержание Паркера, не говоря уже о его отношениях с Каллифордом, можно истолковать только одним способом. За все время плавания он ни разу не заходил ни в Сурат, ни в Бомбей, ни в Гоа, а плавал как любой другой пират.

Легенда о его зарытых сокровищах дошла до наших дней благодаря тому, что он закопал часть своей добычи, прежде чем попасть в руки Белламонта; но запись суда над ним показывает, что, помимо того, что он получил от купца *Кведаха*, его награбленное состояло в основном из товаров. То, что часть его незаконно нажитого имущества была в свое время возвращена, явствует из акта парламента, принятого в 1705 году и позволявшего короне

"распорядиться имуществом Уильяма Кидда, известного пирата, в пользу Гринвичского госпиталя", который, соответственно, получил 6472-1.

Скандал, вызванный пиратскими действиями Кидда по поручению короны, политическое использование этого в парламенте и легенда об огромном кладе зарытых сокровищ придали ему известность, не оправданную его подвигами. Как следует из записей компании, он не проявил ни одного из тех живописных сорвиголов, которые отличали многих морских путешественников, чьи имена менее известны. В его активе нет ни отчаянных приключений, ни упорных боев. Где бы мы ни увидели его характер, в нем нет ничего, кроме подлой, расчетливой хитрости; и до самого конца он изображал из себя простого, невинного человека, которого позорно недооценили. Его команда всегда была недовольна и готова дезертировать. В нем не было той щедрой открытости, которая сделала братство желанным во многих портах. Каждый, и Тич, и Англия, и дюжина других на его месте бросили бы комиссию на произвол судьбы и бороздили моря под красным флагом. Судя по всему, главной идеей Кидда было то, что он сможет обмануть весь мир, прикрываясь своей комиссией: когда он услышал о выдвинутых против него обвинениях, он поверил, что сможет обезоружить своих обвинителей простой наглостью. На суде он попытался свалить всю вину на свою команду и поклялся, что он "самый невинный из всех", а все свидетели лжесвидетели. Какой бы оттенок ненаправленного героизма ни был присущ любому пирату, в Кидде его точно не было. Он был презренным негодяем и не претендовал на звание народного героя.

Хотя эскадра Литтлтона не захватила ни одного пиратского судна, ее присутствие до осени 1700 года оказало благотворное влияние.[4] Некоторые из них покорились, и число тех, кто продолжал промышлять, значительно сократилось. Многие из них были рады оставить ставшее опасным занятие, к которому их невольно принуждали, а возобновление войны в Европе дало более законный выход самым буйным духам в виде каперства.

Норт, обратившись к Литтлтону с просьбой о покорности, поразмыслил, что срок отсрочки истек, и отказался покинуть Мадагаскар. Там он оставался несколько лет, сражаясь и покоряя туземцев вокруг Сент-Мэри, пока не был окончательно убит ими. Его товарищи "продолжали войну" в течение семи лет, пока полностью не покорили всю страну.

18 декабря 1699 года *лояльный торговец*, капитан Лоут, ост-индеец, стоявший в Столовой бухте, увидел небольшое судно в шестьдесят тонн, вошедшее в гавань под английскими флагами. Это оказалась "*Маргарет*" из Нью-Йорка". Пробудив подозрения Лоута, он послал за капитаном и некоторыми членами команды, которые "признались во всем" и были немедленно посажены в кандалы. Несмотря на протесты голландцев, судно "*Маргарет*" было конфисковано. Через два дня из Сент-Мэри пришел розовый *корабль "Вайн"* с несколькими "пассажирами" на борту. Среди них были пираты, направлявшиеся в Новую Англию, чтобы заявить о своей покорности, в том числе Чиверс и Каллифорд. Лоут захватил бы и их, но вмешались голландцы, и поведение голландского адмирала стало настолько угрожающим, что Лоут прервал свое пребывание здесь и отплыл в Бомбей, которого благополучно достиг, взяв с собой "*Маргарет*" и восемнадцать пленников. По прибытии в Англию Каллифорд был предан суду и осужден, но, как уже говорилось, получил отсрочку.

Пока Кидд находился в Ньюгейте в ожидании суда, был принят закон о более эффективном пресечении пиратства. Опыт показал, что бесполезно издавать прокламации против отдельных людей, но необходимо создать новый механизм для борьбы с гигантским злом, которое грозило стать хроническим. В соответствии с прежним законом, принятым в царствование Генриха VIII, лорд верховный адмирал, лейтенант или комиссар имели право

судить пиратов, но эта процедура давно вышла из употребления. Привлечь к ответственности преступников в дальних морях было практически невозможно, не говоря уже о том, что доставка их в Англию для суда требовала больших затрат и хлопот. Теперь было принято постановление о том, что для суда над пиратами в любом месте на море или на суше, на любом из островов, плантаций, колоний, доминионов, крепостей или факторий Его Величества могут быть созданы суды из семи человек. Необходимо было, чтобы хотя бы один из семи человек был начальником английской фактории, губернатором или членом совета плантации или колонии, или командиром королевского корабля. Эти суды имели право выносить смертные приговоры, а также рассматривать всех лиц, оказывающих помощь или покровительство пиратам, как соучастников и подвергать их тем же наказаниям, что и пиратов. Закон должен был действовать только в течение семи лет. В 1706 году его действие было продлено на семь лет, а в 1714 году - на пять лет.

Амнистия, объявленная некоторым пиратам, повешение других,[5] а также новый закон парламента привели к значительному сокращению этого зла. Мадагаскарские поселения по-прежнему процветали, но на какое-то время европейская торговля была свободна от нападений. Эскадра Литтлтона ушла домой, и ее заменили два королевских корабля, "*Северн*" и "*Скарборо*", которые ничего не предпринимали против пиратов, но своим присутствием заставляли их замолчать.

Северн и *Скарборо* отплыли из Англии в мае 1703 года под командованием коммодора Ричардса, который умер в Джоханне в марте следующего года. Затем командование принял капитан Харланд, который посетил Мадагаскар и Маврикий, где были арестованы два человека, которым впоследствии удалось бежать в Мохилле. Оба корабля вернулись в Англию в октябре 1705 года.

Гамильтон рассказывает, как

"Шотландский корабль под командованием некоего Миллара оказал обществу больше услуг, уничтожив их, чем все позорные эскадры, которые были посланы на их поиски; ибо с грузом крепкого эля и бренди, который он вез, чтобы продать их, в 1704 году он убил более 500 из них, устроив резню, хотя они приняли его корабль и груз в подарок от него, а его люди вошли, большинство из них, в общество пиратов".

[1] Вероятно, это была деревня близ Рас-Маббера, примерно в ста шестидесяти пяти милях к югу от мыса Гвардафуй.

[2] На кораблях такого класса квартирмейстер был следующим по важности после капитана или капитана. Этот инцидент связан со смертью Мура, канонира "*Приключения*", который был убит Киддом в порыве гнева за то, что сказал, что Кидд погубил их всех. Убийство Мура было одним из обвинений, предъявленных Кидду на суде.

[3] Уоррен вернулся из своего первого плавания осенью 1697 года.

[4] Одно небольшое арабское судно, которое опрометчиво напало на "*Харвич*", приняв его за торговое судно, было уничтожено широким боем.

[5] Двадцать человек были осуждены и повешены одной партией в июне 1700 года; среди них был один из мятежников *Мокка*. Вероятно, это был Гильям, которому Кидд предоставил проход в Америку с Мадагаскара и который, как предполагается, был тем человеком, который зарезал капитана Эджкомба.

ГЛАВА III

ВОЗВЫШЕНИЕ КОНАДЖИ АНГРИИ

Наследственное пиратство на Малабарском побережье - рассказ Марко Поло - повествование Фрайера - Кемпсанта - арабские и санганские пираты - нападение на "Президент" - гибель "Джосии" - нападение на "Феникс" - захват "Томаса" - хищения пиратов Персидского залива - мнения директоров Конаджи Ангрия - нападение на английские корабли - уничтожение *Бомбея* - укрепление Кеннери - обретение независимости - захват яхты губернатора - нападение на *Сомерса* и *Грэнтэма* - заключение мира с Бомбеем - его флот - большой рост европейского и туземного пиратства.

Европейцы были не единственными нарушителями. Делийский император, претендовавший на всеобщее господство на суше, не претендовал на власть на море. Пока флот Мокко не страдал, купцам оставалось заботиться о себе самим. На море не было никакой полиции, и каждый торговец должен был полагаться на собственные силы для защиты. Жители Малабарского побережья могли спокойно заниматься своим наследственным пиратским ремеслом. Греческий автор "Перипла Эритрейского моря", писавший в первом веке нашей эры, упоминает о пиратах, населявших побережье между Бомбеем и Гоа. За двести лет до того, как Васко да Гама открыл путь в Индию по морю, Марко Поло рассказал Европе о малабарских пиратах.

"И вы должны знать, что из этого королевства Мелибар и из другого, расположенного рядом с ним, называемого Гозурат, ежегодно отправляется в плавание более сотни корсарских судов. Эти пираты берут с собой жен и детей и остаются в плавании на все лето. Они объединяются в флотилии по 20-30 пиратских судов вместе, а затем образуют так называемый морской кордон, то есть высаживаются так, чтобы между кораблем и судном был интервал в 5-6 миль, так что они покрывают примерно сто миль моря, и ни одно торговое судно не может от них укрыться. Когда какой-нибудь корсар настигает судно, подается сигнал огнем или дымом, и тогда все они направляются к нему, захватывают купцов и грабят их. После грабежа они отпускают их, говоря: "Идите с вами и получите еще больше прибыли, и, возможно, она достанется и нам! Но теперь купцы знают об этом и отправляются в путь, так хорошо укомплектованные и вооруженные, с такими большими кораблями, что не боятся корсаров. Но все же иногда с ними случаются несчастья"[1].

От Персидского залива до мыса Коморин все побережье было оцеплено туземными пиратами, и с ростом могущества махраттов это зло усилилось. Мелкие вожди иногда занимались шантажом, выдавая паспорта тем, кто за них заплатит, заявляя о своем праве грабить все корабли, не имеющие при себе паспортов; но чаще всего обходились без формальностей. Из-за скудости записей о ранних временах и более серьезной враждебности португальцев и голландцев мы почти ничего не слышим об убытках, понесенных местными пиратами, за исключением случаев захвата кораблей с более ценным грузом, чем обычно. Фрайер рассказывает, что в его время скала у Мангалора была известна как остров Жертвоприношения, "в память о кровавой резне, учиненной над некоторыми англичанами пиратами-малабарцами". Далее он рассказывает, как в 1674 году между Гоа и Вингорлой он участвовал в нападении на пиратский корабль, который они настигли, когда тот грабил только что взятый приз, а голландцы наблюдали за схваткой с берега.

"Вскоре мы заставили его отдать свой приз и вступить с нами в бой, что они и делали в течение двух часов, пытаясь взять нас на abordаж и бросая в нас зловонные горшки, которые разбивались без всякой пользы, но так напугали наших гребцов, что мы были вынуждены действовать жестко, чтобы сдержать их. Они стреляли из своих камертонов и

мелкой дробью, бросали камни, размахивали мишенями и метали длинные копья. Они были хорошо укомплектованы - в лодке, в десять раз превышающей размеры нашей баржи, кроме гребцов было не менее шестидесяти человек. У нас не было ни одного, кто мог бы управлять нашей маленькой пушкой, - канонир дезертировал в Гоа.

Однако пираты были отбиты, а Фрайер и его спутники удостоились похвалы голландцев. Эти пираты, вероятно, прибыли из Вингорлы, где вождь Савунт Вари, известный в те дни как "Кемпсант"[2], вел оживленную пиратскую торговлю. Это название представляет собой искажение имени Кхем Савунт, обычного имени вождей Вингорлы; португальцы переделали его в Кемар Санту, "святой сжигатель", из-за его святотатственного отношения к их церквям.

Не было более решительных пиратов, чем арабы из Маската и санганцы из Бейта и Дварки, которые перехватывали торговлю Персидского залива, в то время как грабители Кули из Гузарата брали свою долю добычи. В 1683 году корабль компании "*Президент*" был атакован арабами из Маската с двумя кораблями и четырьмя захватами и сражался с ними с доблестью. Грэбы[3] были, как правило, двухмачтовыми кораблями, от ста пятидесяти до трехсот тонн весом, построенными для того, чтобы брать очень мало воды, и отличными мореходами, особенно при легких ветрах, преобладающих на западном побережье. У них не было бушприта, но главная палуба продолжалась в длинный нависающий нос. Излюбленным способом их использования было то, что двое или трое из них одновременно взбирались на борт своей жертвы и нападали, держа меч в руке, вдоль носа. Будучи построены для боя, а не для торговли, они могли обходить неповоротливые торговые суда из Темзы, а в случае необходимости находить безопасные места в мелководных бухтах и устьях рек вдоль побережья. Сразу три грейфера схватились с "*Президентом*", но абордажники были отбиты, а все три взорваны и затонули, после чего остальная часть эскадры отчалила. "*Президент*" был подожен в шестнадцати местах и потерял одиннадцать человек убитыми и тридцать три ранеными.

В следующем году кетч "*Джосайя*" был атакован санганцами, стоя на якоре, и в пылу схватки взорвался. Несколько человек из команды спаслись в ялике, но большинство погибло, в том числе и командир, лейтенант Питтс, чей отец был известен в Бомбее как "пьяный лейтенант".

В сентябре 1685 года британский военный корабль "*Феникс*", отправленный в двухлетнее плавание по индийским водам, был атакован санганским судном, которое приняло его за торговый корабль. Был почти штиль, и капитан Тиррелл поднял шлюпки, чтобы захватить санганский корабль, но их отбили, и он потопил его парой широких бортов. Сорок один пират был взят в плен, но многие из них отказались от четверти, и сто семь были убиты или утонули. На "*Фениксе*" было три человека убитых, один раненый и двое утонувших. По словам Гамильтона, первый лейтенант сэр Джордж Банг был опасно ранен, но в журнале "*Феникса*" об этом ничего не говорится, хотя там указаны имена погибших.

Три года спустя "*Томас*" капитана Лавендера был менее удачлив. Напав на четыре корабля бейтов, "*Томас*" после мужественного сопротивления попал под обстрел, и все находившиеся на борту погибли.

Их грабежи не ограничивались морем. В 1697 году несколько пиратов Бейта высадились на берег и разграбили деревню в окрестностях Броаха.

Но убытки, причиненные местными пиратами, поначалу были почти незаметны на фоне более серьезных потерь, причиненных европейскими корсарами.

"Что касается этих санганцев и маллабарцев, исповедующих пиратство, - писали директора в 1699 году, - то мы не видим причин, по которым вы не должны вести против них как наступательную, так и оборонительную войну, когда они попадают на пути; но вряд ли стоит держать небольшие суда, чтобы следить за ними, потому что они бедные разбойники и от них ничего нельзя получить в ответ на любое обвинение".

В 1707 году, в год смерти Аурунгзееба, пираты Персидского залива нанесли большой урон. Эскадра из них дошла до Красного моря, перебила флот Мокко и вернулась домой с добычей. В следующем году эскадра из четырнадцати арабских кораблей из Персидского залива, имевшая от тридцати до пятидесяти пушек и семь тысяч человек на борту, появилась на побережье Малабара и напала на Хонор, Мангалор и Баласур(?); но жители, недавно разграбленные сиди, были готовы с оружием и отбили их с потерей четырех или пятисот человек.

"Арабские бесчинства часто занимают мысли Двора, - писали лондонские директора, - но Двор опасается, что не сможет сделать ничего действенного, чтобы сдержать их растущую силу во время нынешней войны, которая находит применение всем нашим военно-морским силам. Кроме того, суд сочувствует Мадрасу в связи с их серьезными потерями от пиратов, что ставит крест на торговле Компании и сказывается на ее доходах".

Как ни досадны были потери, понесенные от хронических набегов арабов и санганцев, они меркли по сравнению с бедами, постигшими пришедшего к власти Конаджи (Канходжи) Ангрию. Рост могущества махраттов при Сиваджи сопровождался созданием грозного флота, который преследовал побережье Конкана, и против которого вождь Сиди, представитель императора на плаву, едва мог устоять. В 1698 году Конаджи Ангрия стал командовать флотом махраттов, получив титул Дарья-Саранга. От имени вождя Сатары он стал хозяином всего побережья от Бомбея до Вингорлы, за исключением территории Сиди. Беззащитные города на юге, вплоть до Траванкора, подвергались нападениям и грабежам, а на море - нападениям на суда местных купцов. Некоторое время он, похоже, не вмешивался в дела судов Компании; по мере увеличения размеров его кораблей он становился все смелее, и в 1702 году его действия стали вызывать опасения. В том же году к нему обратились с просьбой освободить небольшое торговое судно из Каликута с шестью англичанами на борту, которое было захвачено и доставлено в одну из его гаваней. Что вызвало его гнев против англичан, не сообщается, но месяц спустя мы видим, что он отправил в Бомбей сообщение, что даст англичанам повод вспомнить имя Конаджи Ангрия, и эту угрозу он выполнил с большим успехом. Два года спустя мы находим его описанным как "мятежника, независимого от раджи Сиваджи", и мистер Рейнольдс был уполномочен найти его и сказать ему, что ему не разрешается искать, приставать или захватывать суда в водах Бомбея; на что он ответил вызывающе, что он сделал много добра англичанам, которые нарушили его веру, и впредь он будет захватывать их суда везде, где сможет их найти. В 1707 году его корабли напали на *бомбейский* фрегат, который после короткого боя был взорван, и в течение последующих полувеков английское пиратство было бичом для европейской торговли на Западном побережье. В 1710 году Конаджи Ангрия захватил и укрепил Кеннери, а его корабли два дня сражались с "*Годольфином*" в пределах видимости Бомбея, но в итоге были отбиты. Теперь он стал настолько могущественным, что в 1711 году директорам сообщили, что он может захватить любой корабль, кроме самых больших европейских; "вдоль побережья от Сурата до Дабула он берет все частные торговые суда, которые встречает".

Из-за несовершеннолетия и заключения в тюрьму внука Сиваджи, Сахуджи,[4] Махратты были раздираемы внутренними противоречиями, в которых Конаджи Ангрия сыграл свою роль. После смерти Аурунгзеба Сахаджи вновь обрел свободу и был посажен на гудди

Сатары. Из-за его твердости и слабости характера раздоры продолжались, и казалось, что царство Сиваджи вот-вот распадется на несколько независимых вожеств. Среди тех, кто стремился к независимости, был и Конаджи Ангрия. В 1713 году армия, посланная против него под командованием Пейшвы Бхиру Пунта, была разбита, а Бхиру Пунт взят в плен. Появилось сообщение, что Конаджи готовится к походу на Сатару. Балладжи Рао, который впоследствии стал Пейшвой, был поставлен во главе тех войск, которые удалось поспешно собрать, и начал переговоры с Конаджи. Было достигнуто соглашение, по которому Конаджи согласился признать верность Сатаре, в обмен на что ему было подтверждено командование флотом, титул Сурхейла и предоставлено двадцать шесть фортов и укрепленных мест с зависимыми от них деревнями.[5] Первым результатом этого договора стала война с Сиди, которые пользовались некоторыми из этих мест в течение нескольких лет. Конаджи был поддержан оружием Сатары, и Сиди были вынуждены покориться. Теперь Конаджи был независимым вождем. Он был признанным хозяином полосы территории между морем и западными гхатами, простирающейся от порта Бомбея до Вингорлы, не считая территории сиди, то есть, грубо говоря, около двухсот сорока миль в длину и сорока миль в ширину. Благодаря сильно укрепленным гаваням, а также западным гаутам, затрудняющим сухопутный доступ к его территориям, он был в состоянии бросить вызов всем врагам. Более того, он был признанным вождем выносливого населения побережья, потомственных моряков, которые и по сей день поставляют лучших ласкаров для нашего индийского флота.

Подвиги Ангрии на суше не мешали его интересам на море. В ноябре 1712 года он захватил вооруженную яхту губернатора Бомбея вместе с карварским кетчем *"Анна"*. [6] Во время схватки был убит начальник карварской фабрики мистер Чаун, а его молодая жена, ставшая вдовой во второй раз в возрасте восемнадцати лет, стала пленницей Ангрии. Месяц спустя ост-индские корабли *"Сомерс"* и *"Грэнтэм"*, следовавшие из Англии в Бомбей, были атакованы захватом и галиватом, принадлежащими Ангрии, у побережья к северу от Гоа. Из-за того, что в это время был штиль, ост-индские корабли не смогли применить свои орудия: "по этой причине и по искреннему ходатайству всей корабельной компании перед капитаном" шлюпки *"Сомерса"* и *"Грэнтэма"* были подняты на борт, и была предпринята попытка взять пиратов на абордаж. Нападение было отбито с потерей четырех человек убитыми и семнадцати ранеными; но пиратам такое развлечение пришлось не по вкусу, и они ушли.

Узнав о захвате губернаторской яхты, португалец написал письмо с предложением совместного нападения на Ангрию. За несколько месяцев до этого он захватил большую часть португальского "армадо" и вывел из строя конвоировавший его тридцатипушечный корабль. Губернатор Айслаби отклонил предложение португальцев, но оно подействовало на Ангрию. Считая, что заключить мир с англичанами, пока его дела с раджой Сатары еще не урегулированы, политически целесообразно, он отправил в Бомбей гонца с предложением отдать все суда, товары и пленных, захваченные у Компании, если к нему пришлют кредитоспособного англичанина, чтобы договориться о мире на будущее. Айслаби потребовал, чтобы в будущем английские корабли не подвергались приставаниям; чтобы между Махимом и Кеннери не вмешивались корабли любой нации, прибывающие в Бомбей; чтобы английские купцы могли свободно торговать в портах Ангрии, уплачивая обычные пошлины; и чтобы Ангрия не несла ответственность за любой ущерб, причиненный в будущем кораблями, принадлежащими его махраттам-начальникам. Взамен губернатор обязался выдавать пропуска только кораблям, принадлежащим купцам, признанным Компанией, и предоставлять людям Ангрии полные возможности для торговли в Бомбее при условии уплаты обычных пошлин. На эти условия Ангрия согласился, но не смог получить согласия губернатора на дополнительные условия вопиющего характера: он должен был получать от

Компании порох и дробь за плату; ему должно быть выделено место для изготовления пороха; если его будут преследовать враги, он должен получать помощь от Компании; торговые суда не должны конвоироваться в гавань Бомбея или из нее.

Оставалась обязанность послать к нему "кредитного англичанина", чтобы "доставить ему товары". Совет, "зная, что он человек дурных принципов", счел нецелесообразным поручать кому-либо столь рискованную службу, но лейтенант Макинтош, получив вознаграждение в тысячу рупий, взялся за дело и отбыл в Колабу с 30 000 рупий в качестве выкупа за пленных европейцев, договором, скрепленным печатью Совета, и кораблями, которые должны были доставить возвращенные товары.

На некоторое время Ангрия была защищена от нападений, но, поскольку его руки были свободны со стороны Сатары, а положение было более надежным, чем когда-либо, было маловероятно, что мир продлится долго. Имея флот из тридцати и сорока вооруженных судов, остров Кеннери в своем владении в пределах видимости от гавани Бомбея, Ангрия и его преемники продолжали оставаться угрозой для существования Бомбея, а территория Англии стала Альсатией индийских морей, где отчаянные преступники всех национальностей были желанными гостями.

В последующие несколько лет пиратство в индийских морях значительно возросло. Ангрия была практически в безопасности в своих укреплениях вдоль побережья и грабила все корабли, которые не были достаточно сильны, чтобы защитить себя. Его лучшими кораблями командовали европейцы, как правило, голландцы. Подписание Утрехтского мира привело новый рой европейских авантюристов к сбору урожая на морях. Каперы, игнорируя мир, под предлогом войны с Францией и Испанией грабили корабли всех наций. Конден,[7] Уайт, Англия, Тейлор и многие другие сделали Мадагаскар своей штаб-квартирой и подражали подвигам Эвери и Кидда. Пираты Бейта были столь же озорны, как и прежде, а арабы из Маската могли собрать в 1715 году корабль в семьдесят четыре пушки, два - в шестьдесят, один - в пятьдесят, восемнадцать - от тридцати двух до двенадцати пушек каждый, и множество более мелких судов, на которых было не менее четырех пушек. Компания была вынуждена полагаться на собственные силы, поскольку в индийских водах не было ни одного королевского корабля. Немногочисленные вооруженные суда, принадлежащие Бомбею, конвоировали более ценные суда вдоль побережья. Более крупные корабли, совершавшие океанское путешествие между Индией и Европой, плавали в компании для взаимной защиты.

[1] Yule's "Marco Polo".

[2] "Кемпасон" и "Король Кемши" Даунинга.

[3] От арабского *ghorab*, "ворон".

[4] Известны в английских летописях того времени как Соу Раджа и Южный Раджа.

[5] Главными крепостями были Кеннери, Колаба, Северндруг, Визиадруг или Герирах, Джиегур, Деогур, Маникдруг, Футтехгур, Оочитгур и Есвунтдруг.

[6] См. стр. 264.

[7] Имя этого пирата также передается как Конгдон и Кондент.

ГЛАВА IV

ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ГУБЕРНАТОР

Прибытие г-на Буна в качестве губернатора - он строит корабли и улучшает оборону Бомбея - отчаянная схватка *"Морнинг Стар"* с санганцами - Александр Гамильтон - экспедиция против Вингорлы - неудача - Гамильтон становится коммодором - экспедиция против Карвара - десант разбит - успешная стычка - дезертирство новобранцев Гоа - подкрепление - десант снова разбит - раджа заключает мир - Гамильтон уходит с поста коммодора - безносая компания - Ангрия возобновляет атаки - десантная экспедиция против Герии - рассказ Даунинга - подготовка к атаке на Кеннери.

26 декабря 1715 года в Бомбее был *праздник*. Из Англии прибыли ост-индские корабли *"Стэнхоуп"* и *"Куин"*, на которых находился новый губернатор, мистер Чарльз Бун, и три новых советника. Его предшественник, мистер Эйслаби, отплыл в Англию в октябре. На месте высадки новоприбывших встретили члены прежнего совета, а также главные жители и купцы Бомбея. Тридцать одно орудие приветствовало их залпом, а когда они ступили на берег, три роты солдат отсалютовали им тремя залпами из стрелкового оружия.

Бун был человеком совсем иного склада, чем его предшественники. Ссоры, интриги и корысть, которые были столь губительны во время пребывания на посту Чайлда, Уэйта и Гейера, были ему отвратительны. Он был ревностным слугой Компании, чьи интересы он всячески старался отстаивать с помощью имевшихся в его распоряжении недостаточных средств. Проезжая по побережью, он побывал в тех местах, где у Компании были фактории, и к моменту прибытия в Бомбей уже полностью осознал, что пиратский вопрос требует серьезного подхода.

В то время Бомбей был открытым городом, только фабрика была укреплена. Вскоре после получения Бомбея от короны директора приказали укрепить его, но отказались нанимать квалифицированных офицеров, поскольку "мы знаем, что инженерам свойственно придумывать диковинки, которые стоят очень дорого". Единственной защитой города были башни Мартелло, расположенные вдоль берега. За девятнадцать лет до времени Буна арабы из Маската совершили набег на Сальсетт, опустошая, сжигая и грабя все, что им вздумается, убив португальских священников и уведя в рабство четырнадцать сотен пленников. С тех пор возникла грозная сила Ангрии, но ничего не было сделано для укрепления обороны поселения. Первой заботой Буна стала прокладка ограждающей стены, строительство которой должно было быть оплачено за счет взносов местных купцов.

В то же время он приступил к строительству боевых кораблей. Уже через несколько месяцев после его прибытия под флагом Компании ходили восемнадцатипушечная *"Британия"*, построенная в Карваре, шестнадцатипушечная *"Слава"*, построенная в Сурате, и шестнадцатипушечная *"Месть"*, построенная в Бомбее. Построить корабли было проще, чем набрать на них матросов, учитывая мизерное жалованье, выдаваемое Компанией, и привлекательность службы под началом туземных вождей. Многие экипажи были иностранцами, которые были готовы пойти на службу к Ангрии, если бы их побудила к этому склонность, а основную часть экипажей составляли индийские ласкары. Через несколько месяцев на воду была спущена двадцатичетырехпушечная *"Победа"*, и через два года после прибытия Бун имел в своем распоряжении прекрасный флот, состоящий из девятнадцати фрегатов, грейферов, кетчей, галиотов и гребных галер, на которых было двести двадцать орудий, а также бомбардирский и брандерный корабли. С такими силами многое должно было быть достигнуто, но на протяжении всего срока пребывания на посту Буна его усилия подрывались некомпетентностью и недисциплинированностью тех, от кого зависело

осуществление его замыслов, а эффективность кораблей снижалась из-за того, что они использовались для перевозки грузов вдоль побережья.

В марте 1717 года Бомбей был взбудоражен прибытием частного судна *"Утренняя звезда"*, которое после долгой и суровой схватки спаслось от пиратов Бейта. Это происшествие описано Гамильтоном, но он скромно скрывает, что сам командовал *"Утренней звездой"*, главным владельцем которой был. Корабль направлялся из Гомброна в Сурат с ценным грузом, о котором пираты имели сведения, и для его захвата были снаряжены две эскадры. 20 марта на него напали восемь пиратских кораблей, самый большой из которых был весом в пятьсот тонн, три других - почти в триста тонн каждый, а остальные - галеры и шибары, или полугалеты. Между собой они несли около двух тысяч человек. На борту *"Утренней звезды"* было всего шесть европейцев, несколько местных купцов и около тридцати пяти или сорока ласкаров, половина из которых заслуживала доверия. Первое нападение было совершено только самым крупным из пиратских кораблей, и оно было отбито с потерями для нападавших. Во время боя Гамильтону копьем пронзили бедро. До конца этого дня и весь следующий нападения больше не было, но пираты держались в ожидании нового нападения. 22-го числа оно было совершено. Двое самых крупных пиратов пробили *"Утреннюю звезду"* насквозь, один - нос, другой - четверть, а трое других высыпали на палубу своих товарищей. В течение четырех часов шел отчаянный бой, шесть судов были заперты вместе. В разгар боя туземные купцы перешли на борт пиратов, чтобы попытаться выкупить себя, и их сопровождала половина ласкаров, которые дезертировали от своего командира; только европейцы и семнадцать ласкаров остались сражаться с кораблем. Корабль загорелся в трех местах, прогорели крыша и полупалуба. Два пиратских корабля тоже загорелись, что заставило их ослабить усилия. В суматохе Гамильтону удалось отсоединить свой корабль и отплыть; пять пиратских кораблей были так запутаны, что не могли преследовать, а два из них получили такие повреждения, что стали тонуть. Поэтому Гамильтон вывел свой корабль в целостности и сохранности, совершив такой галантный подвиг, какого еще не было. Семь его людей были убиты и столько же ранены, и, не найдя в Сурате хирурга, он отправился в Бомбей. Туземные купцы, унесенные пиратами, были вынуждены заплатить выкуп в 6000 фунтов стерлингов и привезли известие о том, что пираты устроили большую резню, а их коммодор по возвращении в Бейт лишился головы за то, что позволил сбежать столь богатому призу.

В апреле Бун отправил корабли *"Слава"* и *"Британия"* под командованием коммодора Уикеса для нападения на Вингорлу. На их борту находилась рота сепоев под командованием Стэнтона, одного из военных офицеров Компании. По пути к ним присоединилась *"Месть"*, а также десять или двенадцать галиватов. Уикес, судя по всему, был робок и некомпетентен, а силы были совершенно недостаточны для этой цели. Несколько дней было потрачено на безуспешные попытки найти место для высадки на скалистом, избитом прибоем берегу, в то время как крепость обстреливали с разных точек. Между Уиксом и Стэнтоном произошла жестокая ссора, и экспедиция вернулась в Бомбей. Это была первая, но не самая серьезная неудача Буна. Для всех отправленных им военных экспедиций было характерно, что, хотя он неутомимо готовил вооружение, все остальные детали, необходимые для успеха, оставались на волю случая. Совет решил, что Уикес не годится на должность коммодора, и сместил его. Чтобы занять его место, ветерана Александра Гамильтона, чья недавняя защита *"Утренней звезды"* показала его боеспособность, убедили отказаться от частной торговли и назначили главнокомандующим всеми фрегатами Компании с жалованьем 80 рупий в месяц. Его корабль, *"Утренняя звезда"*, также был нанят Советом.

Как только закончился муссон, он должен был отправиться в экспедицию, чтобы освободить Карварскую факторию, которую осаждал раджа Сунда. Начальником фактории в это время был мистер Джордж Тейлор. Весной 1717 года бомбейское торговое судно с английским пропуском и английскими знаменами было захвачено раджей, который заключил команду в тюрьму. В мае судно *"Элизабет"*, принадлежащее мистеру Стратту, частному торговцу из Сурата, с сокровищами на 15 000 фунтов стерлингов на борту, выбросилось на берег недалеко от Карвара. Прежде чем более половины сокровищ удалось доставить в целости и сохранности на фабрику, раджа послал вооруженные силы, чтобы захватить корабль как джетсам, заключить в тюрьму капитана и команду и осадить фабрику. Поэтому Гамильтон был отправлен вниз с небольшой эскадрой и несколькими солдатами. К счастью, фабрика была исключительно хорошо снабжена. 30 августа *"Утренняя звезда"* с пятью галиватами и шлюпом прибыла к Карвару и блокировала гавань до прибытия Гамильтона и остальных сил 12 сентября. Командовал сухопутными войсками Мидфорд, один из факторов Компании. 13 сентября войска под командованием Мидфорда и Стэнтон были высажены на берег во время сильного прилива, который пригнал галиваты[1] к берегу и расстроил их, сбросив всю партию в воду. Мидфорд с некоторыми из своих людей боролся на берегу, но Стэнтон вытащили из воды без чувств. 2) Посреди этой сцены смятения на них внезапно напали всадники раджи. Полуутонувшие, недисциплинированные, с испорченными водой боеприпасами, они могли оказать лишь слабое сопротивление. Мидфорд и его английский сержант Хилл были тяжело ранены и взяты в плен, вместе с пятью европейцами и сорока семью топасами, шестьдесят человек были убиты, а два галивата потеряны. Жалким топасам отрезали носы, пять голов европейцев в насмешку выставили перед фабрикой, а Мидфорда и Хилла поочередно уговаривали и угрожали, чтобы склонить их к службе у раджи.

Вследствие этого бедствия фабрика запросила мира, но условия раджи были настолько унижительны, что их отвергли, и было решено ждать дальнейших подкреплений из Бомбея; но до их прибытия прошло два месяца. Тем временем на берегу был выставлен пост из четырехсот человек для охраны запасов воды, необходимых для ежедневного использования. Это послужило поводом для стычки, которая несколько обеспокоила захватчиков. Однажды рано утром пост был атакован противником, который, к своему удивлению, обнаружил, что попал под обстрел пушек нескольких небольших судов *"Гамильтон"*, стоявших на якоре недалеко от берега. После часовой канонады они разбились и бежали, преследуемые отрядом на берегу, который насчитывал около двухсот человек. Ободренный этим успехом, Стэнтон продолжал досаждал радже небольшими ночными нападениями и сжег несколько его деревень, а в море нанес ему еще больший ущерб, перехватив его корабли, груженные солью и другими предметами первой необходимости, и особенно три, доставившие арабских лошадей из Маската; хотя похитителям пришлось немало потрудиться, чтобы обеспечить их водой и провиантом. Тем временем завод, находившийся в пяти-шести милях вверх по реке, на северном берегу, продолжали инвестировать, и, чтобы предотвратить любые коммуникации с эскадрой, через реку был установлен бум, которым командовала батарея на южной стороне. Несмотря на это, связь поддерживалась через португальскую факторию, и лейтенанту Форбсу не раз удавалось проплыть туда и обратно на гребной лодке, но отправить провизию было невозможно.

Примерно в это время Гамильтон докладывает в Бомбей.

"Новобранцы из Гоа имели стычку с врагом на рассвете 28 сентября, где они вели себя храбро, но при попытке сжечь несколько деревень после этого они сообщили об этом врагу и дезертировали с некоторым количеством оружия и гранато".

Наконец из Бомбея прибыло долгожданное подкрепление под командованием капитана Гордона, увеличившее численность экспедиции до 2250 человек, включая моряков, и было решено высадиться на берег. Два приза были оборудованы как плавучие батареи, с защищенными от выстрелов фальшбортами, и были высажены на берег для борьбы с батареями раджи. В четыре часа утра 16 ноября 1250 человек под командованием Гордона были высажены на берег без помех со стороны противника, который был готов обратиться в бегство перед такими силами. Идея Гордона состояла в том, чтобы наступать полым квадратом, что, несмотря на насмешки Гамильтона над ним как над "пресноводным сухопутным офицером", было достаточно хорошим формированием в данных обстоятельствах; но столько времени ушло на приведение людей в требуемый строй из-за неопытности и отсутствия дисциплины как среди офицеров, так и среди людей, что враг снова воспрянул духом и выдвинулся им навстречу. Когда квадрат, наконец, двинулся вперед, с Гордоном во главе, их встретил жаркий огонь, и Гордон был целью каждого прицела. Вскоре он упал, раненный в грудь, и капитан Смит, которого все называли "Старухой" и на которого было возложено командование, сразу же дал команду отступить. По словам Гамильтона, "он снял свой красный плащ и исчез". Всадники раджи с мечом в руках набросились на беспорядочные ряды; люди бросили оружие и бежали к лодкам, оставив на поле боя около двухсот пятидесяти человек. К счастью, плавучие батареи прикрывали высадку и не позволили врагу, понесшему некоторые потери, собрать трофеи павших. Восемьдесят моряков были отправлены на берег и принесли около двухсот мушкетов, выброшенных в бегстве, большинство из которых были заряжены. Так бесславно закончились попытки высадки.

К тому времени фабрика испытывала большие трудности с продовольствием, и это новое бедствие сделало мир необходимым; раджа, несмотря на свои успехи, стремился к соглашению. Расходы на содержание такого количества вооруженных людей грозили ему разорением; морская блокада и задержание лошадей были событиями, на которые он не рассчитывал; и, что еще хуже, его северные границы преследовал Соу Баджах, "что очень склоняло его к миру"; поэтому соглашение было быстро достигнуто, и 29 ноября был провозглашен мир на легких для обеих сторон условиях. Экспедиция обошлась компании в 68 372 рупии наличными. Неспособность десанта продвинуться дальше, чем на расстояние выстрела корабельных орудий, свидетельствует об их военной несостоятельности.

Короткий шестимесячный опыт работы в Компании вызвал у Александра Гамильтона полное отвращение. Сразу же по возвращении в Бомбей он оставил пост главнокомандующего их военными кораблями и возобновил свою деятельность в качестве частного торговца. Его отношения с военными офицерами во время экспедиции, по-видимому, были удовлетворительными, но против Тейлора, главы карварской фабрики, он выдвинул ряд обвинений, обвинив его в том, что именно он стал причиной разлада с раджей, проявив неосмотрительность и недобросовестность. В ответ Тейлор обвинил Гамильтона в том, что тот не принял должных мер для разгрузки фабрики. Совет расследовал эти обвинения и ограничился предупреждением Тейлору, чтобы тот впредь вел себя лучше.

Несчастные топасы, которым отрезали носы, были сформированы в роту морской пехоты, а их жалованье было увеличено до 5 рупий в месяц.[3] Таким странным образом, по-видимому, зародился Бомбейский батальон морской пехоты.

Некоторое представление о сунда-раджах того периода мы получаем из письма Карвара, датированного 20 января 1698 года.

"Он" (раджа Сунда) "так жаждет денег, что собирается принести в жертву двенадцать мужчин и двенадцать женщин с детьми, чтобы получить два горшка с сокровищами, которые, как сказал ему один из его магов, зарыты рядом с его дворцом".

Пока эти события происходили в Карваре, Бун оказался вовлечен в неприятности с Ангрией. Некоторое время после договора, заключенного Айслаби, Ангрия с уважением относился к бомбейским торговым судам, но в последнее время он снова начал показывать зубы. В начале 1716 года он взял в качестве приза судно Компании, стоявшее в гавани, и еще одно, принадлежавшее частному купцу. Четыре частных судна из Махима стоимостью 30 000 ксерафимов также были захвачены им, а его корабли, торгующие в Бомбее, отказались платить портовые сборы. Пока Гамильтон был занят в Карваре, флот Англии атаковал и захватил корабль "Успех", "Ост-Индияман", следовавший из Сурата. С обедневшим казначейством, ослабленными и дезорганизованными после Карварской авантюры силами и отсутствием боеприпасов в магазинах Бун оказался не в состоянии предпринимать активные действия в настоящее время.

В тщетной надежде образумить Ангрию было написано письмо с извинением, которое встретило враждебный ответ, за которым быстро последовал захват "Выдры", бенгальского корабля. Было получено второе письмо с отказом, и 7 мая, несмотря на нехватку ресурсов, Совет решил нанести удар. Была организована экспедиция против Гери, и двадцать галливатов были отправлены вниз, укомплектованные сепаями, чтобы вернуть, если возможно, захваченные суда, "если они будут атакованы, отбить силу силой, и, если возможно, разграбить его страну". Официальный отчет об экспедиции выглядит следующим образом

4 июня. Два галливата вернулись, разграбив город в стране Англии, и привели шестнадцать пленников.

9 июня - вернулись наши галливаты, потеряв из-за нерадивости главного офицера около пятидесяти человек и разрушив один город в Англии.

Даунинг, который присутствовал при этом, рассказывает о нападении на Герию, хотя и ошибается в дате. Так как это единственный отчет, который мы имеем о произошедшем, будет лучше привести его своими словами.

"10-го числа того же дня президент осмотрел сухопутные войска на берегу и убедился, что все приведено в надлежащий и достаточный порядок. Майор Вейн, главный инженер компании, опробовал все мортиры и кохорны, которые в то время были установлены и запаслись для экспедиции. Мистер Джон Минимс был назначен главным инженером для управления этими мортирами и когерерами, которые сослужили отличную службу. Мы двинулись вдоль побережья к Герею, который находится не более чем в двенадцати часах плавания от Бомбея, куда мы со всем нашим флотом вскоре прибыли и смело вошли в гавань. Капитан Берлью (Беллью?) стал коммодором и занял линию от самой восточной части укреплений до внешней части гавани. Все наши малые галеры и галиотеки находились в укрытии со стороны гавани. Но у них были сильные укрепления с обеих сторон, поэтому мы оставили наши самые сильные корабли в гавани, чтобы проделать брешь в стенах и взять замок штурмом. Скалы были очень высокими и такими скользкими, что на них едва можно было встать без посоха, и, следовательно, это было не самое удобное место для того, чтобы расположить людей в какой-либо оборонительной позе. Мы пытались протащить туда пожарный корабль, но не смогли, так как с восточной стороны форта у них была бухта или ручей, где они разместили большую часть своего флота и сделали сильную переправу через нее; Так что мы не могли досадить им иначе, кроме как очень густо забрасывая гарнизон

своими бомбами и кохорнами, что мы и делали в течение значительного времени, и надеялись после первого и второго дня осады, что изгоним их из этого крепкого замка, но вскоре убедились, что место это неприступно. Ибо, поскольку мы бросали снаряды так быстро, как только могли, в обычное время, охлаждая свои камеры, прежде чем снова заряжать; после того как мы обошли два или три дома в замке, снаряды падали на камни внутри замка, и их вес и сила падения разбивали их без того, чтобы они взрывались..... Что касается штурма стен, то они были так высоки, что наши лестницы не доставали до их вершины....".

"На второй день мы высадили все наши силы, воспользовавшись возможностью прилива..... Мы высадили их на берег и двинулись в поход по стране без помех; только время от времени из замка раздавался выстрел или два, что причиняло нам небольшой ущерб. Мы попытались провести армию до их кораблей и поджечь их; но когда мы приблизились к ним на расстояние мили, земля была болотистой и настолько грязной из-за весенних приливов, что мы не смогли пройти дальше. При нашем отступлении они очень мешали нам, стреляя из замка, и мы были вынуждены подойти к стенам замка, чтобы снова снять наши силы. Здесь галантный капитан Гордон был снова легко ранен..... Я сомневаюсь, что во время осады в замке было сто человек....".

"Мы сняли наши силы 18 апреля и отправились в Бомбей, чтобы отремонтировать наши фрегаты и позаботиться о наших раненых, которых у нас было немало".

Ничуть не обескураженный неудачей, Бун сразу же приступил к подготовке новой атаки на Ангрию. На этот раз объектом атаки было решено сделать Кеннери, находящийся в пределах видимости от гавани Бомбея, и в течение всего муссона велись приготовления.

[1] Галейваты, или галливаты, были большими гребными судами с двумя мачтами, от сорока до семидесяти тонн, с четырьмя-восемью пушками.

[2] В письме, написанном три года спустя о поведении военных офицеров, говорится, что "Стэнтон был пьян в то время, когда должен был действовать при Карваре".

[3] Бомбейские консультации, 22 января 1718 года.

ГЛАВА V

СЛУГИ КОМПАНИИ

Гражданские служащие Компании - Их сравнение с англичанами, уехавшими в Америку - Их жалкое жалованье - Военные служащие Компании - Относятся с недоверием - Мятаж Шакстона - Капитан Кейгвин - Нарушенные обещания и плохое обращение. Кейгвин берет на себя управление Бомбеем - его мудрое правление - подчинение короне - низкий статус военных офицеров Компании - речь лорда Эгмонта - факторы и писатели в качестве генералов и полковников - плохое качество простых солдат - плохое обращение с ними - жалоба на Мидфорд - скупость директоров.

Здесь будет полезно рассмотреть разницу в людях, отправленных Англией в Ост- и Вест-Индию в течение семнадцатого и части восемнадцатого веков. В Вест-Индию отправлялись представители помещичьего дворянства из каждого графства Англии. От короны были получены хартии, наделявшие поместьями, а иногда и целыми островами, людей из древних родов. Рабы были дешевы, а выращивание сахара приносило огромные богатства; весь механизм английской жизни был воспроизведен в тропиках - графства, приходы; шерифы, ректорства, десятины, установленная церковь и т. д. Те же причины, что отправили

кавалеров в Виргинию, привели к меньшей миграции в Вест-Индию. Во время Реставрации люди, завоевавшие Ямайку для Кромвеля, не захотели возвращаться в Англию. Восстание Монмута и изгнание Стюартов вызвали новый приток. Но, будь то кавалеры, круглоголовые или якобиты, они были выходцами из класса землевладельцев в Англии. Свидетельства этого можно до сих пор прочесть на старых вест-индских кладбищах, где на разрушающихся памятниках видны тщательно выгравированные гербы, а в надписях указаны семьи и дома в Англии, из которых происходили те, кого они увековечивали.

В Ост-Индии ничего подобного не было. О приобретении земли для сельского хозяйства не могло быть и речи. Единственной возможностью была торговля, и она была монополизирована Компанией. Кроме как в качестве слуги Компании, англичанин не имел на Востоке никакого юридического статуса. Основная прибыль шла акционерам в Лондоне. Если по истечении двадцати пяти лет или около того слуга Компании мог вернуться в Англию с несколькими тысячами, заработанными частной торговлей, он был счастливчиком. Только частные торговцы и несколько губернаторов могли сколотить состояние. Трястись дерево пагоды начало только после Плассея. В результате люди, отправлявшиеся в Индию, принадлежали к совершенно иному классу, чем те, кто отправлялся в Америку и Вест-Индию; это были молодые люди из небольших торговых семей в Лондоне, Гринвиче и Дептфорде или из таких портовых городов, как Бристоль и Плимут. Среди них были беспокойные и авантурные духи, которым жизнь в Англии казалась слишком примитивной или слишком обременительной. Для таких людей Индия долгое время считалась полезной отдушиной. "Если вы не можете придумать, как отправить пожертвования или получить кредит, все потеряно, и я должен отправиться в Индию", - с горьким юмором писал Вильгельм Третий в момент отчаянного кризиса в своих делах. Фрайер рассказывает (1698 г.), как Компания принимала мальчиков из Блюкоата в качестве учеников в течение семи лет, после чего их должны были сделать писателями, если они могли предоставить требуемое обеспечение. Заработная плата, которую они получали от Компании, была лишь номинальной. Бомбейская платежная ведомость за январь 1716 года показывает нам официальные оклады того времени. Губернатор получал 300 фунтов стерлингов в год. Рядом с ним стояли восемь купцов, которые вместе с ним составляли Совет и получали, соответственно, один 100 фунтов, один 70 фунтов, два 50 фунтов и четыре 40 фунтов каждый. Ниже них шли три старших фактора по 30 фунтов, три младших фактора по 15 фунтов и семь писателей по 5 фунтов.[1] Сказку завершают бухгалтер и капеллан, которые получали по 100 фунтов. Писатель при поступлении на службу должен был найти залог в 500 фунтов, который увеличивался до 1000 фунтов, когда он становился фактором. Неженатые слуги компании жили за счет компании; женатые получали пособие на проживание, и для них был организован общественный стол. Фактически компания обращалась с ними, как с подмастерьями на складе в церковном дворе Святого Павла, и, если принять во внимание условия их службы, неудивительно, что среди них было немало нечестных людей. Однако, несмотря на эти условия, они были не хуже и не лучше людей своего времени. По мере того как первоначальная Компания обретала стабильность благодаря инкорпорации своего соперника, созданного в 1698 году,[2] что положило конец положению дел, которое обещало быть разорительным для обеих, и благодаря бессрочному гранту, выданному в следующем году после инкорпорации, происходило постепенное улучшение качества их государственных служащих. Хотя в течение многих лет после этого не происходило повышения жалованья младшим офицерам, открывшиеся перед ними более широкие возможности для торговли привлекли на службу лучших людей, среди которых было несколько кадетов из хороших семей.

Как ни прискорбно было проявление военной некомпетентности при Карваре и в последующих случаях, оно не вызывает удивления, если принять во внимание состояние солдат Компании. Политика Компании заключалась в том, чтобы держать офицеров и солдат в состоянии унижительного подчинения, не позволять офицерам иметь какую-либо власть над своими людьми, а обещания по выплате жалованья часто нарушались.

Когда Компания впервые получила Бомбей от короны, королевским войскам на острове было предложено остаться на службе Компании в том же звании и с тем же жалованием, но с условием, что они могут уйти в отставку, когда захотят - условие, которое делало дисциплину невозможной. Большая часть из них приняла условия. Два года спустя для заполнения вакансий была отправлена рота под командованием капитана Шакстона. Шакстон, очевидно, был человеком с хорошими способностями и положением; он прошел суровую военную школу времен гражданских войн. В дополнение к военному командованию он должен был стать фактором, а если после испытания его квалификация позволит, то и занять должность заместителя губернатора. Мужчины были наняты на три года.

Пробыв в Бомбее два года, Шакстон убедился, что в условиях скупого правления Компании эффективность работы невозможна, а две европейские компании, содержащиеся для обороны острова, можно было поддерживать в рабочем состоянии, лишь заполняя вакансии туземцами. Четыре года спустя[3] вспыхнул мятеж, в котором Шакстон поддержал требования своих людей. Они жаловались, что им причитается месячное жалованье, обещанное при заключении контракта, и требовали увольнения, поскольку срок их службы истек. Президент Аунгер повел себя благоразумно и твердо. Он умиротворил людей, удовлетворив их требования, а главарей привлек к военному суду. Трое из них были приговорены к смерти, один из них, капрал Фейк, был расстрелян, а двое других помилованы. Затем Шакстон предстал перед судом, был признан виновным по некоторым пунктам обвинения и отправлен в Англию для наказания по воле короля.

Через два года был сформирован конный отряд и отправлен под командованием капитана Ричарда Кейгвина, который должен был командовать гарнизоном с жалованием 120 фунтов в год. Кейгвин был человеком из хорошей корнуоллской семьи, который поступил на службу в королевский флот в 1665 году и участвовал в памятном четырехдневном сражении Монка с голландцами в следующем году. Когда остров Святой Елены был отвоеван у голландцев (1673), он отличился, командуя лодками, совершавшими нападение, и был оставлен губернатором острова до тех пор, пока он не перешел под управление Ост-Индской компании. В награду за свои заслуги компания назначила его военным комендантом в Бомбее. Спустя два года компания в целях экономии сократила военное ведомство до двух лейтенантов, двух прапорщиков и ста восьмидесяти восьми рядовых. Конный отряд был расформирован, Кейгвин уволен со службы, а тридцати солдатам, откомандированным в Сурат для защиты завода от Сиваджи, было отказано в дополнительном довольствии, что вызвало большое недовольство. Вскоре директора встревожило незащищенное состояние Бомбея, и они снова отправили Кейгвина с войсками и артиллерией, чтобы он получил главное военное командование и третье место в Совете. Чтобы покрыть расходы, остальные офицеры были вынуждены страдать в звании и жаловании, и все небольшое войско впало в опасное состояние недовольства. Помимо прочих сокращений жалованья своим военным, директора снизили обменный курс - мера, которая затронула как людей, так и офицеров; и, не довольствуясь тем, что эти изменения носили перспективный характер, они настояли на том, чтобы офицеры вернули излишки полученного. У Кейгвина были и свои личные претензии. Он, как и остальные купцы и факторы, требовал суточных денег, поскольку стол

Компании был упразднен.[4] После долгих препирательств ему была выдана субсидия с условием, что она будет возвращена в случае отказа директоров. Его тошнило от Компании, от ее жадности и эгоистичной экономии за счет слуг, от нарушенных обещаний и глупых изменений политики в военных делах, от интриг сэра Джона Чайлда в Сурате и от планов его брата, сэра Джосаи Чайлда, в Англии. Как и многие другие англичане, он считал Компанию аномалией, опасной для власти короны, и его недоверие усиливалось из-за бесхозяйственности и коррупции, существовавших среди их слуг на Востоке.

27 декабря 1683 года он схватил мистера Уорда, заместителя губернатора, и тех членов Совета, которые были на его стороне, собрал войска и издал прокламацию, в которой объявил, что власть Компании закончилась, и что остров отныне находится под защитой короля. С общего согласия он был избран губернатором и сразу же приступил к восстановлению порядка. Войска и жители были призваны присягнуть на верность королю и отказаться от повиновения Компании, и это требование было повсеместно выполнено. Были назначены чиновники, устранены недовольства, поощрялась торговля, которая велась без помех до тех пор, пока власть Кейгвина не оспаривалась. Деньги, прибывающие из Англии, помещались в форт с заявлением, что они будут использованы только для защиты острова, и Кейгвин направил королю и герцогу Йоркскому письма, в которых излагал свою решимость удерживать остров для короля до тех пор, пока не будет известно о благоволении его величества, а также причины, которые привели к восстанию; одна из них - необходимость сохранить остров, чтобы он не стал завоеванием туземных держав.

Никогда еще Бомбей не управлялся так хорошо, как в течение одиннадцати месяцев правления Кейгвина. Сиди направил к нему дружескую депутацию. От раджи Сатары он получил подтверждение статей, согласованных с Сиваджи, субсидию на создание фабрик в Куддалоре и Тевенапатаме, освобождение от пошлин в Карнатике и выплату двенадцати тысяч пагод в качестве компенсации за убытки, понесенные в различных местах, ранее разграбленных махраттами. Не было ни беспорядков, ни кровопролития; единственное, что было зафиксировано, - это рана, полученная самим Кейгвином в ссоре за столом. Энтузиазм Кейгвина был столь велик, что когда сначала комиссары, а затем и сам сэр Джон Чайлд прибыли из Сурата, чтобы попытаться восстановить власть Компании, с трудом удалось удержать экипажи их судов от присоединения к Кейгвину и его сторонникам.[5] Для Компании было хорошо, что он был человеком с твердым характером, а не авантюристом. По прибытии сэра Томаса Грэнтэма из Англии в ноябре 1684 года Кейгвин сдал ему остров, как офицеру короля, на условиях бесплатного помилования для себя и своих сообщников, и отправился в Англию.[6] Сокровища Компании остались нетронутыми, и, если не считать опасного духа против Компании, который был возбужден, Бомбей находился в лучшем состоянии, чем во время восстания.

После этого Компания решила больше не иметь ничего общего с профессиональными солдатами. Это было время, когда в Англии под озорной проповедью агитаторов росло враждебное чувство к постоянной армии, которое достигло своего апогея тринадцать лет спустя. Они брали на службу людей низкого происхождения, лишенных военной подготовки, которые не имели бы влияния на своих людей и подчинялись любому обращению. Бун, обращаясь к директорам в 1720 году, пишет

"Хорошо известно, что слуги Компании во всех поселениях, где я бывал, редко общаются с военными, особенно с членами Совета. Время от времени они могут пригласить одного из них на обед, что является одолжением; но люди, которых он выделяет, не являются компанией для вашего секунданта".

О социальном статусе офицеров Компании стало известно позднее, когда был принят закон о распространении действия Акта о мятеже на Ост-Индию и остров Святой Елены, поскольку право Компании на военное положение было поставлено под сомнение. Выступая против этого законопроекта, граф Эгмонт сказал.

"Если я правильно понял, среди офицеров Компании есть люди с очень низким характером. Один из них раньше был трубачом на раритетном шоу в этой стране, а когда его уволили с этой почетной службы, он записался в Компанию как простой солдат и, полагаю, был произведен в офицеры одним из этих губернаторов за то, что трубил лучше, чем это мог сделать любой другой человек в стране. Другой, как мне сказали, был низкого рода цирюльником - одним из наших цирюльников, которые бреются за пенни, - здесь, в Лондоне. А еще один был здешним мясником, и, когда он не на службе, говорят, он все еще занимается там своим ремеслом. Можем ли мы думать, что такие офицеры не будут презираемы джентльменами, которые имеют честь носить поручение Его Величества?"

Он обосновывал свое несогласие с законопроектом непригодностью офицеров Компании к осуществлению власти и плохими отношениями, которые непременно возникнут между ними и офицерами короля[7].

В кварталах им не разрешалось отдавать приказы своим людям и контролировать их, самые незначительные вопросы оставались в ведении купцов и факторов. Это дошло до такой степени, что в течение пятидесяти лет после этого ни одному военному офицеру не разрешалось раздавать напутствия и контрсигналы[8] Их единственной обязанностью было командовать людьми под оружием. Комиссии давались и отменялись Советом без согласования с директорами.

При таком обращении не могло быть ни самоуважения, ни гордости за свою профессию. Об их общем поведении мы можем получить некоторое представление из записи, касающейся лейтенанта Паркера в это время. Он предстал перед Советом за пьянство, драки со своими людьми и посещение развратных домов, за что Совет лишил его комиссии; но поскольку он был "выдающимся человеком в дисциплинировании (бурении) солдат", его назначили адъютантом полка, пока он не покажет пример лучшего поведения. Когда предстояло сражаться, командование принимали факторы и писари, которым временно присваивались звания капитанов, полковников и т. д. Мидфорд, Браун, Коуэн и другие, о которых мы слышим, что они командуют войсками, были лишь солдатами на время. Еще в 1676 году директора предписывали своим гражданским служащим изучать военную дисциплину, чтобы в случае внезапного нападения они могли взять в руки оружие. Клайв был далеко не первым из служащих Компании, кто отложил перо ради меча, но он был первым, кто сделал это навсегда.

О низком качестве офицеров Компании в первой половине века говорит тот факт, что среди многих, кто отличился в тяжелых боях, продолжавшихся с 1751 по 1764 год, мы находим только двоих, не закончивших службу у короля. Это Клайв, поступивший на службу в Компанию в качестве писателя, и Престон, который был отправлен в Индию в качестве инженера-строителя. О чисто военных офицерах Компании мы почти ничего не слышим.

Люди были хуже офицеров. Вместо крепких сельскохозяйственных рабочих и сыновей фермеров, заполнявших ряды королевских полков, они были "отбросами самых мерзких профессий в Лондоне", как описал их Орм пятьдесят лет спустя; "худшими в своем роде", по словам Клайва. Представители всех национальностей, возрастов и цветов кожи, плохо вооруженные, плохо накормленные и плохо оплаченные, они были почти лишены дисциплины. Туземные вожди соперничали друг с другом в привлечении европейцев к себе

на службу, так что никто, кроме самых жалких, не оставался служить Компании. В лучшем случае они были лишь заводскими охранниками, которых держали для сопровождения и демонстрации; и это всегда была практика Компании - оставлять офицеров и людей на службе до любого возраста. Однажды Бун написал директорам, что "не стоит слишком отвращать людей". Как ни жалко было их жалование в шестнадцать лари[9] в месяц, они жаловались Совету, что Мидфорд утаивал по два лари в месяц от каждого человека. На что Мидфорд ответил, что он никогда не получал и не брал с солдат больше, чем другие офицеры, по всему острову Бомбей; этот ответ, очевидно, удовлетворил Совет. Настоящее недовольство людей, по-видимому, заключалось в том, что Мидфорд, не будучи военным офицером, не имел права делать вычеты. Директора тщательно следили за тем, чтобы порох не тратился на упражнения; "но иногда люди должны быть привычны к стрельбе, чтобы во время боя они не вздрагивали от шума или отдачи оружия". Выводить таких офицеров и людей на поле боя означало навлечь на себя беду. Солдат не делают, одевая людей в форму и вкладывая им в руки мушкеты.

[Иллюстрация: Карта]

[1] Согласно инструкциям Компании, принятым в 1675 году, писатели должны были не получать жалования в течение первых пяти лет, а после этого - 10 фунтов в год. В 1699 году суд директоров установил жалование купцам в 60 фунтов, факторам - в 40 фунтов, а писателям - в 20 фунтов в год (Брюс); но в 1716 году жалование было таким, как указано выше.

[2] Лондонская компания и Английская Ост-Индская компания были объединены в 1708 году.

[3] 1674.

[4] После этого она была восстановлена и вновь упразднена во времена Буна.

[5] Бомбей подчинялся Суратской фабрике до 1685 года.

[6] Через четыре года после возвращения в Англию Кейгвин получил под командование фрегат. В 1690 году он сопровождал экспедицию против французов в Вест-Индии и пал во главе своих людей при штурме Бастера, Сент-Кристоферс.-*Dic. Nat. Bio.*

[7] Hansard, 1754.

[8] Первый общий приказ, изданный главнокомандующим в Мадрасе, был от 22 ноября 1772 года.

[9] Лари - хорошо известные крючковые деньги Персидского залива. Он стоил стоил около шести пенсов.

ГЛАВА VI

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ КЕННЕРИ

Захват Сиваджи Кеннери - морские действия - Минчин и Кейгвин - Бомбей под угрозой - вмешательство Сиди - Конаджи Ангрия занимает Кеннери - Бун отплывает с экспедицией - Мануэль де Кастро - бесполезные действия - высадка и отпор - вторая высадка - предательство Мануэля де Кастро - Гидеон Рассел - плохое поведение двух капитанов - поражение - атака прекращена - *St. Георгий - Фрам* - Мануэль де Кастро наказан - Бомбейская стена достроена - Ангрия делает предложение о мире - Бун перехитрил.

Островок Кеннери, расположенный примерно в десяти милях от устья гавани и в трех от материка, долгое время был занозой в боку бомбейской торговли. Во времена первой оккупации Бомбея он был необитаем. В 1679 году его внезапно занял Сиваджи, который начал укреплять его. Опасность этого для Бомбея была сразу же замечена, и часть гарнизона была отправлена на небольших судах, впоследствии усиленных фрегатом "*Ревендж*", чтобы перехватить сообщение между Кеннери и материком. 18 октября флот Махратты приблизился и вступил в бой. Через полчаса фрегат "*Голубь*" спустил флаги и был захвачен, а все мелкие суда ушли в Бомбей, оставив "*Возмездие*", как и его более знаменитого тезку, одного среди врагов. К счастью, на борту находились два крепких англичанина - Минчин, коммодор компании, и Кейгвин, командующий гарнизоном. Минчин и Кейгвин, не смотря ни на что, галантно сражались за свой корабль; все попытки взять его на abordаж были отбиты с потерями, пять мараттских галиватов были потоплены, и, наконец, весь мараттский флот обратился в бегство, преследуемый "*Возмездием*", и нашел убежище на мелководье в устье реки Неготны. Через два дня они вышли снова, но обнаружили, что Кейгвин и Минчин настолько готовы вступить в бой, что отказались от попытки достичь Кеннери. Таким образом, в течение некоторого времени "*Месть*", усиленная фрегатом "*Хантер*" и несколькими небольшими судами из Бомбея, поддерживала частичную блокаду реки Неготна. Несмотря на все усилия, несколько судов махраттов время от времени обходили блокаду и снабжали Кеннери провизией и оружием. Это неожиданное противодействие со стороны компании торговцев заставило Сиваджи решить вопрос нападением на Бомбей, который был не в состоянии оказать какое-либо сопротивление. Он отправил пять тысяч человек в Кальян и потребовал у португальцев разрешения высадиться в Тане и двинуться на Бомбей. В разрешении было отказано, но совет Бомбея был так встревожен, опасаясь, что португальцы в конце концов уступят, что начал переговоры с Сиваджи. Тем временем захват Кеннери встревожил Сиваджи, который направил свой флот в гавань Бомбея и предложил сотрудничество президенту, который принял его с некоторыми опасениями. Вскоре выяснилось, что Сиди намерен оставить Кеннери себе, если ему удастся захватить его, что показалось Совету столь же плохим, как если бы он находился в руках Сиваджи, поэтому английская эскадра держалась в стороне, пока продолжалась борьба за Кеннери между Сиди и махраттами. Сиваджи был слишком занят другими делами, чтобы беспокоиться о Бомбее, и в марте 1680 года был заключен мирный договор. Его борьба с Сиди за владение Кеннери продолжалась, результаты которой не зафиксированы; но в конце концов обе стороны, похоже, оставили это место в покое. В 1710 году Конаджи Ангрия захватил островок и укрепил его.

К концу октября все было готово. Прибыли корабли из Англии с товарами и деньгами для ежегодных инвестиций, и они присоединились к экспедиции. Чтобы положить конец ссорам между командирами, которые ознаменовали неудачу предыдущих экспедиций, Бун решил сам принять командование; поэтому 1 ноября он поднял свой флаг на борту ост-индского судна *Addison*, взяв с собой мистера Уолтера Брауна и других факторов и писателей. В это время на службе находился португалец-перебежчик, некто Мануэль де Кастро, который служил у Англии до того, как Бун дал ему работу. Он присутствовал при нападении Гамильтона на Карвар, когда его поведение вызвало недоверие всех присутствующих. Хвастаясь своим знанием гаваней Англии, он завоевал доверие Совета и был назначен коммодором галиватов Компании. Но несколько английских капитанов отказались служить под его началом, заявив, что знают его характер лучше, чем губернатор, поэтому Бун удовлетворился тем, что дал ему командование только пятью галиватами. 2-го числа эскадра снялась с якоря, а на следующий день бросила якорь у Кеннери. Она состояла из кораблей "*Аддисон*" и "*Дартмут*" (*East Indiamen*), фрегата "*Виктория*", грабберов "*Ревендж*" и "*Дефанс*", галеры "*Фэйм*", кетча "*Хантер*", двух бомбард и сорока восьми галиотов. 6-го

числа к ним присоединился "*Моррис*", а 12-го - "*Стэнхоуп*", "*Ист-Индиамен*". Сразу после постановки на якорь была произведена бесполезная бомбардировка форта Кеннери, но расстояние было столь велико, что ничего не дало, кроме траты боеприпасов. Затем корабли сблизилась и снова открыли огонь, а "*Дартмут*" подошел и сделал несколько широких выстрелов. Пока это продолжалось, "*Победа*" и "*Месть*" получили сигнал атаковать два грейфера, которые были замечены выходящими из гавани; но, когда четырнадцать галиватов вышли на помощь грейферам, они были отозваны. 4-е число было потрачено на подготовку к высадке, и галиваты гребли вокруг острова, чтобы выбрать место для высадки. В конце концов было решено, что солдаты и морские пехотинцы должны высадиться с наветренной стороны, а сепай, прикрываемые огнем грабберов и галиватов, - с подветренной, на противоположной стороне острова. Но когда наступило утро, сепои категорически отказались высаживаться, несмотря на самые суровые меры.[1] Солдаты и морские пехотинцы, числом триста человек, высадились, но были отбиты с потерями в восемнадцать убитых и пятьдесят раненых, "больше от силы камней, сплетенных из скал, чем от яростного оружия". Некоторые потери были вызваны разрывом пушки на борту одного из галиватов. Мануэль де Кастро со своей эскадрой галиватов получил приказ лечь у устья гавани и не допустить подкрепления к Кеннери. Тем не менее, он позволил пяти галиватам Англии проскользнуть туда с боеприпасами и провизией для осажденных, в которых они, как считалось, очень нуждались.

6-го числа началась подготовка к новому нападению, и из числа моряков были вызваны добровольцы, за службу которым полагалось по сорок рупий, что по существующему курсу равнялось пяти фунтам стерлингов. Потеря ноги или руки должна была компенсироваться суммой в 30 фунтов стерлингов по возвращении в Англию и пожизненной работой в Компании. Женатым мужчинам обещали, что в случае гибели их вдовы получают 30 фунтов стерлингов, а также по 10 фунтов стерлингов на каждого ребенка. Эти предложения позволили получить около сорока добровольцев, которых должен был возглавить Гидеон Рассел, помощник *Морриса*.

Рано утром следующего дня атакующая сторона была посажена в лодки, чтобы высадиться под огнем "*Британии*", "*Славы*" и "*Мести*", но оказалось, что сильное течение мешает высадке, и лодки были вынуждены лежать под сильным огнем, пока не изменился прилив. В довершение всего Мануэль де Кастро пустил два своих галивата на берег под пушки крепости, так что пятьдесят или шестьдесят человек были убиты или ранены, прежде чем удалось высадиться. В десять часов лодки потянулись к месту высадки, но прилив был еще настолько сильным, что их запутали, и многие из атакующих так и не высадились. Сепай снова отказались высаживаться. Небольшой отряд моряков во главе с Гидеоном Расселом атаковал шлюз под ливнем выстрелов и камней, и вскоре Рассел упал, тяжело раненный. Его отнесли на корабль "*Моррис*", где он умер на следующий день. Моряки продолжили атаку под командованием Клемента Даунинга, поддержанного майором Стэнтоном, капитаном Коксиджем и солдатами. Джон Стил, помощник плотника на "*Моррисе*", своим широким топором обтесал ворота и уже почти ворвался внутрь, когда из-за трусости двух капитанов Стэнтона атака сорвалась. Один из них бросил меч, который отнес Буну, который, вернувшись в Бомбей, приказал сломать его во главе гарнизона. Другой, более храбрый, смело подошел к воротам и выстрелил из пистолета, но пуля отскочила и попала ему в нос, после чего он приказал барабанам бить отбой, а солдатам вернуться в лодки, оставив небольшую горстку моряков продолжать атаку. Те, в свою очередь, видя безнадежность дальнейших попыток, отступили к своим лодкам и уплыли под шквальным огнем, оставив множество раненых на расправу врагу. Это была старая история, которая так часто повторялась в подобных случаях: плохо спланированная атака, проведенная наполовину

недисциплинированными людьми под руководством одного или двух решительных лидеров; как только лидеры были выведены из строя, остальные отступили с большими или меньшими потерями.

Несколько дней продолжалась бесполезная бомбардировка, и несколько раз стреляли по Колабе; но Кеннери теперь был хорошо обеспечен боеприпасами и мог ответить двумя выстрелами на каждый выстрел бомбейской эскадры. 11-го числа Ангрия послала флаг перемирия, чтобы предложить условия, которые были отвергнуты. 14-го числа Бун вернулся в Бомбей на корабле "*Дартмут*", видя, что ничего больше сделать нельзя, и 24-го числа вся эскадра, израсходовав все свои боеприпасы, отплыла в Бомбей. Их возвращение, по-видимому, было ускорено появлением флота Ангрии из Герии, который на некоторое время взял Бомбей на мушку.

Неудача нападения на Кеннери на его собственных глазах показала Буну, что без определенной помощи со стороны Англии он мало чего сможет добиться в борьбе с Ангрией, чьи корабли теперь стояли у гавани, затрудняя вход и выход торговых судов. Трижды "*Моррис*" выходил в море и трижды возвращался обратно, прежде чем смог отправиться в обратное плавание в Европу. В результате обращений Буна директора отправили шестидесятипушечный корабль "*Сент-Джордж*" для охраны гавани. Его прибытие лишь показало некомпетентность многих морских офицеров компании в то время. При постановке корабля на берег для очистки днища после плавания из Англии его спина была сломана, и "*Сент-Джордж*" превратился в полную развалину.

Тем временем, рассчитывая на будущую кампанию против опорных пунктов Ангрии, Бун приступил к строительству плавучей батареи. *Прам*, как его называли, был спроектирован с защищенными от выстрелов бортами, чтобы нести двенадцать 48-пушечных орудий; но, как выяснится вскоре, его судьба была столь же бесславной, как и у "*Святого Георгия*".

Собственные наблюдения убедили Буна в вероломстве Мануэля де Кастро. По возвращении в Бомбей ренегат был заключен в кандалы и отправлен на остров Святой Елены. Там его уличили в подстрекательстве к мятежу среди каторжников и рабов. Его депортировали, и вскоре он снова поступил на службу в Ангрию.

Тем временем строительство стены вокруг города, которое было одним из самых ранних проектов Буна, близилось к завершению. Она была построена полностью или почти полностью на пожертвования местных купцов, и Бун доложил директорам, что, когда все пространство будет застроено, арендная плата за землю будет приносить в казну Компании 8890 рупий в год. Примерно в это же время была закончена и церковь, строительство которой было начато Айслаби. Первоначальная часовня на территории завода уже не могла вместить растущее английское население, к тому же находилась в разрушенном состоянии.

Как и другие вожди побережья, власти Бомбея выдавали пропуска торговцам, живущим под их защитой, а в войне с Ангрией они переняли практику других вождей - не признавать неприкосновенность судов, не имеющих пропусков от них самих. В это время каттиаварские торговцы жаловались на захват двух кораблей, на которых были защитные пропуска из Ангрии. В ответ им было сказано, что они должны иметь английские пропуска. Компания находилась в состоянии войны с Ангрией, и ее власть увеличивалась за счет тех, кто платил ей за защиту. Поэтому, как и все нейтралы, они должны были страдать в войне, к которой не имели никакого отношения.

Опасаясь нового нападения после муссона, Ангрия начала обманные переговоры о заключении мирного договора через своего феодала Сахуджи. Бун регулярно принимал гостей и с удовлетворением объявлял директорам о заключении договора, по которому Ангрия обязывался восстановить все захваченные им корабли и суда, кроме безнадежно обветшавшего "*Успеха*", за который он должен был заплатить 10 000 рупий или вернуть товары на эту сумму. Взамен захваченных грузов он должен был выплатить 50 000 рупий или предоставить товары равной стоимости, а в течение двух лет он должен был выплатить еще 10 000 рупий, за которых Сахуджи обязался быть поручителем. Бун сообщил, что захватил у Ангрии призов на сумму 9785 рупий, что вместе с вышеуказанным платежом и двухпроцентным военным налогом с жителей Бомбея позволит возместить Компании потери и расходы на экспедиции. В целом перспективы расширения торговли были более радужными, но, пока Ангрия удерживала Колабу, он считал, что постоянного мира быть не может. Вскоре он был обманут. Как только Ангрия убедился, что еще один сезон ему ничего не угрожает, он расторг договор, и к началу нового года его пиратские похождения возобновились.

[1] "Убил и ранил нескольких из них, но все без толку" - журнал *Аддисона*.

ГЛАВА VII

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ ГЕРИИ

Неприятности с португальцами - снова мадагаскарские пираты - гибель "*Кассандры*" - храбрая защита *капитана* Макрея - одноногий пират - Ричард Лазенби - экспедиция против Герии - мистер Уолтер Браун - его некомпетентность. Уолтер Браун - его некомпетентность - высадка Гордона - неподчинение и пьянство - прибытие "*Фрама*" - *общая* атака - неудача - союз с Кемпсантом - нападение на Деогур - мадагаскарские пираты, Англия и Тейлор - бесславное бегство - судьба "*Фрама*" - *Браун* снова отправлен на юг - пираты в Кочине - бегство на Мадагаскар - их ярость против Макрея и Англии - Англия выброшена на берег - Тейлор захватывает корабль в Гоа - богатый приз - губернатор Макрей.

Помимо других неприятностей, Бун в это время оказался втянут в ссору с португальцами. Сдача Бомбея англичанам с самого начала была крайне неприятна властям Гоа, которые понимали ценность этого места лучше, чем власти в Лиссабоне; они так истолковали договор, по которому Бомбей был передан англичанам, что к моменту передачи им удалось сохранить за собой все, кроме острова Бомбей. Англичане были вынуждены отказаться от всех притязаний на Салсетт и другие зависимые от Бомбея территории, от исключительного владения гаванью, а также согласиться с тем, что португальские резиденты должны быть освобождены от уплаты таможенных пошлин и иметь полную свободу торговли с португальскими заведениями в Салсетте. Последнее условие было отвергнуто Англией, но португальцы продолжали требовать его выполнения, ущемляя положение англичан взиманием пошлин и препятствуя проходу грузов, а также предоставляя убежище дезертирам и беглецам всех мастей. Договор обеспечивал веротерпимость римско-католической религии, а в Бомбее оставалось большое поселение францисканских монахов, которые не пытались скрыть свою враждебность к правительству Компании. Помимо других вероломных действий, Буну приходилось жаловаться на то, что монахи подделывали его солдат и рабов и подстрекали их к дезертирству. Чтобы положить конец этому злу, он изгнал всех португальских монахов, а на их место поставил итальянского епископа и несколько итальянских монахов-кармелитов. Власти Гоа посчитали это ущемлением прав короля Португалии. В отместку всем римским католикам в Бомбее было запрещено признавать власть итальянского епископа и монахов, а португальскому генералу Севера было приказано

запретить все сношения с Бомбеем и подвергать жесточайшим наказаниям всех лиц, пытающихся попасть туда или покинуть его.

"Те, кто попадет в плен, должны быть выпороты и посажены на галеры на пять лет, а если они знатного происхождения, то должны заплатить тысячу ксерафимов вместо работы на галерах и быть перевезены на пять лет в крепость Диу"[1].

Казалось, что к другим бедам Буна добавится португальская война. К счастью, возобладали более умеренные советы, и в сентябре вице-король написал Буну примирительное письмо, в котором сообщал о своем скором отъезде. Через несколько дней в Гоа прибыл новый вице-король, Франсиско Жозе де Сампайо и Кастро. Пока шла ссора, туземный корабль из Сурата, направлявшийся в Джидду, был захвачен у Бассейна европейским пиратским судном. Вероятно, это был английский корабль *Victory*, о котором мы еще услышим. Корабль и груз, оцениваемый в двенадцать лакхов, были унесены, а пассажиры и команда сошли на берег на Малабарском холме.

Месяц спустя Бун получил сведения о серьезном ущербе для торговли Компании со стороны мадагаскарских пиратов. 7 августа *"Гринвич"* капитана Кирби и *"Кассандра"* капитана Джеймса Макрея, везущие обычную годовую инвестицию в Бомбей и Сурат, находились на дорогах Джоханны, занимаясь водопоем. Рядом с ними на якоре стоял остендский корабль, зашедший с той же целью. За несколько дней до этого они получили сведения, что французский пират Оливер ла Буш[2] налетел на риф у Майотты, потерял свой корабль и занялся постройкой нового. Подумав, что нельзя упускать возможность застать пиратов в невыгодном положении, Макрей и Кирби решили отправиться на их поиски и напасть на них. Они только закончили свои приготовления, как в поле зрения появились два странных паруса. Это оказались *"Победа"*, корабль французской постройки с сорока шестью пушками, которым командовал известный пират Эдвард Ингленд, и *"Фэнси"*, корабль голландской постройки с двадцатью четырьмя пушками, которым командовал Тейлор. Макрей и Кирби приготовились оказать им горячий прием, а корабль из Остенде пообещал быть рядом с ними. Они были настолько далеки от того, чтобы просто попытаться сбежать, что с нетерпением ждали солидного вознаграждения, которое компания должна была дать им за поимку пиратов. Из того, что последовало за этим, легко понять, что именно Макрейс был их вдохновителем. Тросы были перерезаны, и они вышли в море, но из-за легкого встречного ветра продвинулись не очень далеко. К следующему утру пираты сомкнулись и пошли вниз с черным флагом (череп и скрещенные кости) на носу, красным флагом на носу и крестом святого Георгия на мичманском флаге. *Гринвич* и Остендер, имея лучший ветер, чем *"Кассандра"*, удалились на некоторое расстояние. Напрасно Макрей стрелял из пушки в пушку по *"Гринвичу"*, чтобы заставить Кирби оттолкнуться. Капитан *"Гринвича"* самым подлым образом продолжал идти своим курсом, увлекая за собой *"Остендер"*, пока не оказался далеко с наветренной стороны; тогда, на расстоянии двух или трех миль, он причалил и стал наблюдать за судьбой *"Кассандры"*.

Кассандра была новым кораблем в 380 тонн, совершавшим свое первое плавание. Макрей был хорошим моряком, с прекрасной командой, которая была приставлена к нему, и был полон решимости сражаться за свой корабль до последнего. В начале боя он сделал несколько выстрелов по *"Победе"* между ветром и водой, что заставило Англию держаться подальше, пока он не устранил течь. Тейлор достал шлюпки *"Фэнси"* и попытался отбуксировать ее к борту, чтобы взять *"Кассандру"* на abordаж, но меткие стрелки *"Кассандры"* так хорошо показали себя, что от этой затеи пришлось отказаться. К исходу трех часов *"Победа"* устранила повреждения и снова приблизилась. Макрей потерял так много членов своей команды, что, потеряв всякую надежду на помощь Кирби, решил вытащить

свой корабль на берег. За ним последовал *"Фэнси"*, набравший меньше воды, с намерением взять его на abordаж, но сел на мель в пределах пушечного выстрела, направив нос в сторону *"Кассандры"*, и бой возобновился с еще большей силой. Так и лежали оба корабля на мели, осыпая друг друга яростными ударами, пока команда *"Фэнси"*, обнаружив, что огонь *"Кассандры"* слишком горяч для них, не бросила пушки и не сбежала вниз. Если бы Кирби пришел на помощь в этот момент, триумф Макрея был бы обеспечен; но Кирби выбрал именно этот момент, чтобы отступить и взять курс на Бомбей. Англия на *"Победе"*, видя, что *"Гринвич"* может быть проигнорирован, послала три шлюпки с людьми на подкрепление *"Фэнси"*; к тому времени на борту *"Кассандры"* было столько убитых и раненых, что команда, пав духом, отказалась от дальнейшей борьбы с кораблем. Тринадцать человек были убиты и двадцать четыре ранены, в том числе и сам Макрей, которого ранило в голову мушкетным шаром; так что часть людей на длинной лодке, а часть вплавь добрались до берега, оставив на борту трех раненых, которых нельзя было сдвинуть с места, и которых зарезали пираты.

Не считая безопасным задерживаться на побережье, Макрей и его команда поспешили вглубь страны и на следующее утро добрались до города местного вождя, расположенного в двадцати пяти милях от него. Изможденные усталостью и ранами, почти голые, они находились в жалком состоянии. Туземцы приняли их радушно, снабдили всем необходимым и отказались выдать пиратам, которые предложили за них награду.

После того как первая ярость пиратов от понесенных ими тяжелых потерь утихла, а успокоил их, несомненно, захват прекрасного нового корабля с 75 000 фунтов стерлингов на борту в виде твердой наличности, Макрей решился вступить с ними в контакт. Некоторые из них плавали с ним, и его репутация внимательного отношения к своим людям была хорошо известна. При всех своих недостатках они не были людьми, способными сильно возмущаться после того, как их первая ярость остыла, по поводу потерь, понесенных в честном бою; поэтому Англия дала ему обещание обеспечить безопасность, и он решился войти в их число. Корабли *"Кассандра"* и *"Фэнси"* были отправлены в плавание, и Макрей был принят на борт своего собственного корабля с его собственными спиртными напитками и провизией. Его положение было небезопасным, ведь среди пиратов было немало жестоких парней. Англия, имевшая репутацию человека, хорошо обращающегося с пленниками, подружилась с ним, но Тейлор, чье влияние было самым большим среди самых жестоких бродяг, настоял на том, чтобы с ним покончили. В разгар ссоры вмешался свирепого вида парень с деревянной ногой и поясом, полным пушечных ядер, и стал клянуть у Макрея, который думал, что настал его последний момент.[3] Он был приятно удивлен, когда грубиян взял его за руку и поклялся, что сделает фарш из первого, кто его обидит; и еще больше клясть, что Макрей - честный человек и раньше плавал с ним. На этом спор закончился. Тейлора пичкали пуншем до тех пор, пока он не согласился отдать Макрею *"Фэнси"* вместе с частью груза *"Кассандры"*, и не успел он опомниться от своего веселья, как Макрей снова благополучно сошел на берег.

Как только пираты покинули побережье на *"Победе"* и *"Кассандре"*, Макрей принялся за работу, чтобы починить изрядно потрепанную *"Фэнси"*, и через несколько дней отплыл в Бомбей с сорока одним человеком из своей корабельной команды, среди которых было два пассажира и двенадцать солдат. После сорока восьми дней ужасных страданий, почти голые, полуголодные, с пинтой воды в день на каждого, они достигли Бомбея 26 октября. Для Компании было бы хорошо, если бы у них было больше таких капитанов, как Макрей. Его прибытие вызвало недоброжелательное отношение к Кирби, о позорном дезертирстве которого теперь стало известно.

Пираты задержали только одного из команды "*Кассандры*" - Ричарда Лазенби, помощника плотника, которого они заставили не по своей воле отправиться с ними. Сохранился любопытный рассказ Лазенби о его плавании с пиратами. Он рассказывает о жестоких пытках, которым подвергались все захваченные туземцы; о том, что на Малабарском побережье у них были друзья, особенно среди голландцев в Кочине, которые покупали их добычу, снабжали их провизией и давали им информацию о вооруженных кораблях, которых следовало избегать, и богатых призах, которые можно было перехватить. Тем, кто желал оставить торговлю, давали проезд в Европу на французских кораблях с их незаконно нажитым доходом; в конце концов, после того как он стал свидетелем захвата португальского вице-короля, о котором будет рассказано ниже, его высадили на берег в Бурбоне, откуда со временем он добрался до Англии.

После возобновления войны Ангрией в начале года Бун решил нанести еще один удар по Герии, и на протяжении всего муссона велись приготовления к действиям в сентябре. Большие надежды возлагались на корабль "*Пхрам*", который, однако, не был готов к отплытию экспедиции. Руководство делами по этому случаю было возложено на мистера Уолтера Брауна, который был назван по этому случаю "адмиралом флота и главнокомандующим всеми силами". 13 сентября был поднят якорь, а утром 19-го они прибыли в Гериах. В Дабуле, куда они обратились за новостями, они узнали, что скоро можно будет ожидать "*Фрам*" и "*Чандос*", но нет никаких шансов, что корабль капитана Джонсона будет готов принять участие в экспедиции. Что это была за машина капитана Джонсона, мы не знаем, но эта информация "сильно обескуражила солдат". Эскадра состояла из "*Лондона*", который выступал в качестве флагмана, фрегата "*Победа*", грейферов "*Месть*" и "*Дефанс*", галеры "*Хантер*", двух галиотов, бомбардирского судна, пожарного корабля и нескольких рыбацких лодок для высадки десанта. Войска для экспедиции состояли из 350 солдат и топасов и 80 отборных сепоев. Судя по всему, Браун был совершенно некомпетентен для такого командования, и этому предприятию суждено было пополнить еще один печальный список неудач. Первым делом он заставил *Лондон* обмениваться бесполезными выстрелами с фортом на расстоянии мили. На следующий день бомбардировке было приказано подойти к форту на расстояние пистолетного выстрела и ночью обстрелять его. Были выпущены один снаряд и одна туша, ни один из которых не прошел и половины пути, поскольку мортиры были сконструированы так неудачно, что в их камеры не мог поместиться достаточный заряд пороха. Это несчастье заставило людей роптать".

21-го числа Браун провел совещание со своими офицерами и предложил высадить ночью триста человек в миле от города, чтобы застать его врасплох при свете дня. Офицеры протестовали против этого плана; они справедливо заметили, что было бы глупо совершать такую атаку до прибытия всех сил. *Прам* и *Чандос* со взводами европейцев должны были еще подойти. Они утверждали, что гарнизон одного только форта насчитывает тысячу человек, не говоря уже о небольшом городе, обнесенном стеной, который необходимо взять, прежде чем атаковать форт. Такое предложение вряд ли могло укрепить их доверие к Брауну. В войсках уже начались болезни, и вечером того же дня капитан Джеремайя Истхоуп умер от лихорадки. Браун был сторонником немедленных действий, не имея никакого определенного плана.

22-го числа Гордон получил приказ высадиться на берег с пятьюдесятью людьми и занять небольшое здание на вершине холма на северном берегу реки. Что он должен был там делать, неизвестно. Вскоре было замечено несколько лодок, полных людей, которые переправились из форта, чтобы вступить в бой с Гордоном, поэтому к нему было отправлено подкрепление из пятидесяти человек. Добравшись до холма, Гордон обнаружил, что то, что

было принято за здание, представляет собой лишь естественную груду сыпучих камней, какие часто встречаются на деканских холмах, и ему ничего не оставалось, как высадиться обратно. Он в полном порядке отступил к месту высадки, за ним на расстоянии мушкетного выстрела следовал противник. Несколько раз он сталкивался с противником, но тот всегда уклонялся от ближнего боя. Ничего не было сделано для прикрытия места высадки, и только после сильнейших уговоров тех, кто находился на борту, Брауну пришлось отдать приказ *"Возмездию"* и *"Охотнику"* занять позицию и прикрыть высадку группы Гордона. Несмотря на эту предосторожность, лейтенант, сержант, квартирмейстер *"Лондона"* и шесть человек были убиты, а около двадцати человек ранены. Трудно представить себе что-то более слабое и бесцельное, чем вся эта операция.

На следующий день бомбардиры снова отправились обстреливать форт, и результат был тот же, что и раньше. Разговор оживился наказанием сержанта Пассмора, на которого Гордон донес за трусливое поведение. Его отправили в обход флота, чтобы он получил по десять ударов плетью у каждого корабля. Следующие три дня прошли в безделье, в ожидании *"Фрама"*, от которого так много ждали. На корабле не было дисциплины, но было много крепких напитков. Чтобы заставить людей хорошо сражаться, Браун придумал снабжать их ромом в неограниченном количестве: офицеры не отставали от людей в возлияниях, и то небольшое, что существовало в дисциплине, вскоре исчезло. Приказы не выполнялись, а пьянство, насилие и неподчинение царили бесконтрольно. Когда Брауну были сделаны замечания, он отказался прекратить поставки спиртного, заявив, что нельзя лишать людей чувства юмора в такой момент, и они должны пить, как им вздумается: все это должным образом записано капитаном Аптоном с *лондонского* корабля. Враг тем временем деловито строил новые батареи, а лодки, полные вооруженных людей, постоянно пересекали реку, но ничего не предпринималось для их перехвата.

Наконец прибыли корабли *"Чандос"*, *"Пелхэм"* и *"Фрам"*, которые провели десять дней в плавании из Бомбея. Брауну не пришло в голову ничего лучшего, как сразу же послать *"Фрам"* для обстрела форта. При открытии огня выяснилось, что порты корабля так низки, а лафеты так высоки, что пушки могут стрелять только в том случае, если они опущены так, чтобы ударить по воде на расстоянии двадцати ярдов. Так что корабль снова вывели со смертельным ранением одного человека, а офицеры и солдаты были настолько обескуражены, что заявили, что, если не удастся привести его в порядок, бесполезно пытаться что-либо предпринять. Корабельные плотники принялись за работу на *"Пхраме"*, а уныние и пьянство усиливались. Пятьдесят человек с *"Чандоса"*, которые еще не успели оценить неспособность Брауна, вызвались за сорок рупий за голову присоединиться к десанту; но ни один моряк эскадры не согласился бы "ни при каких обстоятельствах" подняться на борт *"Пхрама"*, пока увеличенное вознаграждение не обеспечило бы услуги матросов *"Чандоса"*.

К 29-му числу все было готово к грандиозной атаке. Два десантных отряда, один из трехсот сорока солдат под командованием капитана Стэнтона, другой из двухсот тридцати семи моряков под командованием капитана Вудворда, были приведены в готовность, и вскоре после полудня флот вошел во внутреннюю гавань, за исключением *"Фрама"*, который занялся фортом из внешней гавани. Лейтенант Уайз был выбран как подходящий человек для командования и наведения орудий *"Прама"*, что он делал настолько плохо, что его выстрелы падали в основном во внутренней гавани. Махратты были полностью готовы к этому, и канонада продолжалась всю вторую половину дня, пока на закате не прекратилась. Пять человек на борту *"Пхрама"* были ранены, но он вступил в бой на слишком большом расстоянии, чтобы причинить большой вред. Браун, находившийся на *"Лондоне"*, держался

в стороне и ограничился тем, что отправил шесть дюжин вина и аррака людям на борту "*Фрама*", а также приказал Стэнтону, находившемуся на борту, ночью войти в гавань и возобновить бой следующим утром. На следующий день стрельба возобновилась, и было решено сместить лейтенанта Уайза, который был постоянно пьян, и позволить матросам наводить свои орудия. Более близкое расстояние привело к многочисленным жертвам на борту "*Фрама*". Среди солдат были убиты мистер Туладай и четыре человека, а также множество раненых. Среди моряков также было несколько убитых и раненых. Многие потери были вызваны взрывом пушки на борту "*Пхрама*". В результате взрыва на противоположной стороне палубы загорелась пушка, заряженная виноградом и направленная на лодку, полную топасов. Пламя из пушки подожгло их патронные ящики, и бедняги были страшно обожжены и ранены. Пожар на кораблях во внутренней гавани позволил уничтожить несколько кораблей Англии, укрывшихся в реке; один пятисоттонный, один двухсоттонный и десять меньших были подожжены и сгорели. К ночи все решили, что сделали достаточно, и сообщили об этом Стэнтону, и, несмотря на увещевания Брауна, воспользовались попутным ветром, чтобы выйти. В полночь капитан "*Возмездия*" Вудворд в панике доложил Брауну, что оставил свое судно на скалах недалеко от форта и что и судно, и команда практически погибли. Через полчаса после этого "*Месть*" была замечена выходящей из форта вместе с другими судами. Ее вообще не было на берегу, и единственным выводом было то, что Вудворд был напуган до смерти; за трусость его посадили в кандалы.

Так закончилось грандиозное нападение, и ничего лучшего ожидать не приходилось. "Ежедневно на корабле происходят постоянные беспорядки из-за того, что офицеры чрезмерно пьют и не выполняют никаких приказов", - писал капитан "*Лондона*" Аптон. Несколько дней спустя он рассказывает, как капитан С. и мистер Д.[4] дрались на кулаках в круглой рубке перед мистером Брауном, который не обратил на это никакого внимания.

Следующие несколько дней ушли на устранение повреждений. Пока они занимались этим, от Кемпсанта пришли гонцы с предложением объединить усилия с англичанами для нападения на Англию. Между двумя вождями возникла ссора из-за того, что Ангрия разграбила несколько кораблей Кемпсанта. Кемпсонт решил, что сначала следует атаковать форт Англии в Деогуре, в семи лигах к югу; поэтому 7 октября часть флота была отправлена на разведку.

16 октября, получив из Гоа свежие запасы аррака, воды и провизии, Браун созвал совещание офицеров на борту "*Аддисона*" и предложил еще раз высадиться под орудиями "*Фрамса*". Но офицеры были удручены, недисциплинированы и не контролировали себя. Возражения сыпались одно за другим, а закончился военный совет тем, что другие офицеры эскадры, узнавшие о происходящем, поднялись на борт и в спокойных выражениях заявили Брауну, что не будут иметь с этим ничего общего. Один из них в порыве гнева заявил Брауну, что тот сошел с ума и не понимает, о чем идет речь, что было вполне правдой. На следующий день была предпринята глупая высадка, после чего Браун решил отказаться от этой попытки и перенести атаку на Деогур.

Деогур, или, как его иногда называли, Тамана, был одним из десяти главных фортов, уступленных Англии в 1713 году. Он занимал небольшую, но хорошую гавань, образованную рекой Тамана. Это был самый южный опорный пункт Англии. Название Тамана до сих пор можно найти в небольшом местечке в десяти милях вверх по реке. Сюда Браун привел свою эскадру 18 октября. Последовала обычная бесполезная и безвредная бомбардировка, причем и "*Фрам*", и бомбометы были одинаково неэффективны. Затем, когда Браун предложил высадить десант для штурма, офицеры отказались поддержать его, и так, с некоторыми дополнительными потерями, атака на Деогур закончилась. Ни слова не

говорится о помощи, оказанной "Кемпсантом". На рассвете 21-го числа вся эскадра отплыла на север, но история о некомпетентности Брауна не была завершена.

Немного раньше полудня следующего утра вдали показались четыре странных паруса, которые, как выяснилось вскоре, оказались страшными мадагаскарскими пиратами с кораблями "*Кассандра*", "*Победа*" и двумя только что захваченными призами. Вид их поверг Брауна в ужас, хотя небольшое размышление показало бы ему, что у пиратов практически не было бы повода нападать на вооруженные корабли, не несущие ценного товара. Он приказал всей своей эскадре бросить якорь у Герии, что, должно быть, озадачило его недавних противников в этом месте. Надеясь ускользнуть от пиратских кораблей, ночью снялись с якоря, и эскадра поплыла на север, не соблюдая порядка, и флот сильно разбрелся.

Случилось так, что пираты приняли их за флот Англии и стояли к северу в поисках добычи, не думая нападать на них. Не имея никаких враждебных намерений ни с одной из сторон, две эскадры смешались. Когда было еще темно, *лондонцев* напугала пушечная пальба, пролетевшая над ними, и в слабом утреннем свете они увидели большой корабль на своей четверти. Спросив по телефону его название, они получили ответ, что это "*Победа*". Браун предпочел поверить, что это его собственный корабль с таким же названием; но на его ответный окрик с названием "*Лондон*" ответили залпом, на что "*Ревендж*" и "*Дефайенс*", находившиеся близко за кормой, открыли сильный огонь. С обеих сторон не было желания сражаться. Пираты сначала были в смятении, обнаружив свою ошибку: они выбросили свои призы на дрейф, сбросив паруса за борт, и, имея всего триста человек экипажа, сорок из которых были неграми, не были достаточно сильны, чтобы вступить в бой с бомбейской эскадрой. Но Англия была человеком, который предпочитал сражаться, а не бежать, поэтому, набравшись смелости, "*Кассандра*" пронеслась сквозь флот, обстреляв "*Виктори*", "*Чандос*" и "*Фрам*". *Чандос*", буксировавший "*Фрам*", тут же отбросил его. Флот разбежался во все стороны, как стадо овец, когда по нему пробегает незнакомая собака. Эптон с "*Лондона*", трусливый парень, убеждал Брауна, что им не стоит вступать в бой, поскольку Бун послал их атаковать Герию, но не дал им никаких указаний относительно мадагаскарских пиратов. Браун, похоже, не нуждался в долгих уговорах и собрал все паруса, чтобы скрыться; в то же время он поднял свой флаг, чтобы показать, что не намерен сражаться, что вызвало негодование его собственных матросов и насмешки пиратов. Затем он отдал приказ на галиоте сжечь "*Фрам*", и таким образом бесполезной машине, от которой так много ждали и которая стоила так много денег и труда, пришел конец.

Эти глупые действия дали Англии возможность оценить своих антагонистов. Наблюдая за безразличием флота, он решил, что лучший способ спастись - это "сыграть с ними в быка-бездельника", и принялся за работу, чтобы преследовать их на север. Превосходные мореходные качества пиратов позволяли им делать все, что им заблагорассудится.

Когда они догнали самый задний из кораблей, на которых еще оставался Браун, они подняли паруса и стреляли в них до тех пор, пока те снова не ушли далеко вперед. Таким бесславным образом большая часть флота два дня тащилась за пиратами, как отара овец подгоняемая парой овчарок, пока наконец не нашла убежище в Гоа. Солдаты, находившиеся на борту "*Лондона*", улучшили это событие, ворвавшись в "*Лазаретто*" и напившись вина, которое они там нашли. Часть флота направилась в Карвар, а остальные нашли убежище под пушками Анжедивы. Пираты, выполнив свою цель, повернули на юг и взяли "*Елизавету*", стоявшую на якоре у Оноре.

Вскоре пришло возмущенное письмо от Буна, в котором Брауну предписывалось идти на юг и во что бы то ни стало вступить в схватку с пиратами; так несчастный Браун снова вышел в море. Весть о захвате *"Елизаветы"* была для него достаточной: на третий день он снова повернул на север и направился в Бомбей, чтобы как можно скорее помириться с разгневанным губернатором. Нетрудно представить себе отвращение Буна к провалу своих планов и никчемности тех, на кого ему приходилось полагаться; но следует признать, что эти беспорядочные атаки, сначала на одно место, потом на другое, не были рассчитаны на достижение чего-либо полезного. Если бы он сосредоточил свои усилия на Кеннери, он мог бы сделать воды Бомбея более безопасными.

Вину за неудачу Браун возложил на неповиновение своих офицеров, которое было настолько вопиющим, что скрывало его собственную неспособность; поэтому 12 декабря Бун снова отправил его на поиски пиратов и для защиты деревенских судов, доставляющих перец из южных факторий. Он взял с собой отличную эскадру: *"Гринвич"* - 42 пушки, *"Чандос"* - 40 пушек, *"Победа"* - 26 пушек, *"Британия"* - 24 пушки, *"Возмездие"* - 16 пушек и пожарный корабль. Сговорчивый Аптон остался позади, и рядом с собой в качестве командира экспедиции, а на самом деле ее движущей силы, он взял галантного Макрея. Англия и Тейлор тем временем были вынуждены бежать к Лаккадивам из-за нехватки воды и провизии. Не получив желаемого, они снова двинулись на север, в Кочин, где голландские власти оказали им королевский прием. Их снабдили всем необходимым, в том числе подарили губернатору лодку, груженную арраком, и шестьдесят тюков сахара, за все это было заплачено, а лодочникам бросили горсти дукатонов, чтобы они их расхватили. Прекрасные часы и золотые часы, найденные на *"Кассандре"* при захвате, были отправлены в подарок дочери губернатора, а при входе и выходе из гавани с обеих сторон были произведены торжественные салюты. Неудивительно, что им были рады на всем побережье. Покидая Кочин, они сели на небольшое судно из Телличерри, шедшее по бомбейскому пропуску. От хозяина они узнали, что бомбейская эскадра с Макреем во главе крейсирует в поисках их. Весть о "неблагодарности" Макрея привела их в ярость, и они наперебой придумывали пытки, которым подвергнут его, если он снова попадет в их руки, а гнев свой они вымещали на Англии и всех, кто встал на защиту Макрея после захвата *"Кассандры"*. Вскоре их заметил Браун, который нагнал их и приказал отплыть. Такое поведение, столь непохожее на их предыдущий опыт, пришлось им не по вкусу. Они взяли курс на юг и в течение двух дней находились в погоне, пока благодаря превосходному плаванию не потеряли своих преследователей.

Столь необычная перемена в поведении бомбейской эскадры показала им, что индийское побережье больше не является безопасным местом для честных путешественников. Целесообразно было перебраться в другое место, и они отплыли на Маврикий. Проклятия в адрес Макрея были громкими и глубокими. С негоданием они обращались так хорошо, что подарили ему корабль и другие подарки, а теперь он выступает против них с оружием в руках! Никакая судьба не могла быть настолько плохой для такого человека. Они были жестоко обмануты. Чтобы утихомирить свой гнев, они обратились к Англии. Если бы не его глупость с Макреем, этого бы не случилось. Тейлор был прав с самого начала. В будущем они будут следовать только ему. В гневе они сначала говорили о том, чтобы повесить Англию, но возобладали более умеренные советы, и было решено сдать его в плен на Маврикий, что и было сделано. Англия и трое других, подружившихся с Макреем, были отправлены на берег, среди них, несомненно, был и одноногий пират, и со временем добрались до острова Святой Марии[5].

В Сент-Мэри командование *"Победой"* было передано Оливеру Ла Бушу, или Ла Бузе, чьи усилия в кораблестроении, очевидно, не увенчались успехом, и оба корабля в компании вскоре взяли, вероятно, самый богатый приз, который когда-либо попадал в руки пиратов. Бывший вице-король Гоа, конде де Эрисейра, в январе отплыл в Лиссабон на семидесятипушечном корабле *"Ностра Сенхора де Кабо"*, взяв с собой богатый груз драгоценностей для португальского правительства и доходы от частной торговли за три года своего вице-королевства. У мыса они попали в сильный шторм, в результате которого корабль был разобран на части, многие пушки пришлось выбросить за борт, а корабль был вынужден вернуться в Бурбон для ремонта. Тейлор и Ла Буз, убедившись в беспомощности корабля вице-короля, приплыли на якорную стоянку под английскими флагами. На салют с корабля вице-короля был дан залп, и в возникшей неразберихе португальское судно было взято на abordage и уведено почти без сопротивления. Редко или никогда подобный приз не попадал в руки пиратов так легко. Выручка в виде бриллиантов и денег была самой желанной для разбойников. Одни только драгоценности оценивались более чем в три миллиона долларов. Наличные составляли пятьсот тысяч крон, и вице-король был вынужден собрать еще две тысячи крон в качестве личного выкупа, который был бы выше, если бы он не убедил их, что часть драгоценностей и денег на борту - его собственная собственность.

Бурбон был французским владением, но губернатор, месье Дефорж, был вынужден соблюдать *большую осмотрительность* в отношениях с пиратами, которые приходили и уходили по своему усмотрению. Бернарден де Сен-Пьер, посетивший Бурбон почти пятьдесят лет спустя, повторяет традицию, согласно которой Ла Буз сидел за столом между вице-королем и губернатором и в знак великодушия выплатил вице-королю выкуп. Далее он рассказывает, что Ла Буз в конце концов поселился на острове и был повешен несколько лет спустя.

Тейлор, продолжая плавание на *"Кассандре"*, захватил прекрасное остендское судно и привел его в Сент-Мэри. Пока большинство пиратов находилось на берегу, пленники одолели тех немногих, кто остался их охранять, и ушли с корабля. Последний раз о *"Кассандре"* мы узнаем из частного письма, написанного директорам в мае 1723 года с Ямайки, в котором говорится, что *"Кассандра"* лежала в Портобелло, а Тейлор вел переговоры с капитаном английского корабля о помиловании. Переговоры, очевидно, провалились, так как Тейлор в итоге получил заказ от испанцев. В письме рассказывается, как команда хвасталась, что у них есть двенадцать сотен фунтов золота и серебра на каждого человека, а также большой запас бриллиантов и множество богатых вещей. Джонсон рассказывает историю о том, как один человек, получив за свою долю один большой алмаз вместо множества маленьких, разбил его молотком, чтобы у него было столько же "искр", сколько и у других.

Защита Макреем *"Кассандры"*, а также смелость и умение, которые он проявил в общении с пиратами, привлекли к нему всеобщее внимание. Сын бедного айрширского крестьянина, он прошел путь от мачты до командира корабля. Вскоре после его возвращения в Англию директора назначили его своим куратором на западном побережье Суматры, а перед отплытием ему было дано временное поручение занять пост президента Мадраса, если появится вакансия. Восемнадцать месяцев спустя он занял место губернатора в форте Сент-Джордж. Шесть лет его пребывания на этом посту были отмечены усилиями, направленными на то, чтобы положить конец многим злоупотреблениям, которые выросли в делах Компании. Он покинул Индию с состоянием в 100 000 фунтов стерлингов, нажитых частной торговлей, и поселился неподалеку от места своего рождения, которое не посещал с тех пор, как покинул его мальчиком. Он умер в 1746 году.

ПРИМЕЧАНИЕ. Рассказ о плавании Англии на "*Кассандре*", приведенный в "Истории пиратов" Джонсона, очевидно, взят из рассказа Лазенби директорам Е.И.С. Рассказ Макрея о захвате "*Кассандры*", приведенный Джонсоном, по-видимому, также был частью аналогичного отчета директорам, но сам отчет исчез. Дополнительную информацию можно найти в журналах судов "*Гринвич*" и "*Лондон*".

[1] Прокламация, изданная в Гоа 19 июля 1720 года (Дэнверс).

[2] Это был Оливер Левассер, иначе Ла Буз из Кале, известный французский пират. Англичане называли его Ла Буш, а в одном судовом журнале - Лепуз. Когда Вудс Роджерс вступил в должность губернатора Багамских островов, Ла Буш и Англия отплыли на Мадагаскар.

[3] Стивенсон в "Острове сокровищ", очевидно, взял свое представление о Джоне Сильвере, одноногом пирате, из этого инцидента. "Как корабль окрестили, - заставляет он себя сказать, - так пусть он и остается, говорю я. Так было и с "*Кассандрой*", которая привезла нас всех домой из Малабара, после того как Англия взяла вице-короля Индий..... Сначала с Англией, потом с Флинтом; такова моя история".

[4] Вероятно, Стэнтон и Драге.

[5] В рассказе Лэзенби Англия упоминается как Сигар, что, вероятно, было его настоящим именем, а Англия - лишь *псевдоним*.

ГЛАВА VIII

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ КОЛАБЫ

Меры, принятые в Англии против пиратов - Вудс Роджерс на Багамах - Эдвард Тич - Халлонер Огл - Бартоломью Робертс убит - Мэтьюз отправлен в Ост-Индию - дуэли морских офицеров - португальский союз - экспедиция против Колабы - Нападение - поражение - раскол в союзе - плутовство против Буна - его отъезд - планы Мэтьюза - его оскорбительное поведение - он ссорится со всеми - отправляется на Мадагаскар - король Рантер-Бей - Мэтьюз отправляется в Бенгалию.

Пока их силы были заняты французской войной и восстанием в Хайленде, английское министерство было бессильно сдерживать бесчинства пиратов, которые стали невыносимыми как в Ост-, так и в Вест-Индии. Теперь в Европе был мир, и можно было согласовать меры, чтобы положить конец этому злу. Как обычно, за Утрехтским миром последовал рост пиратства, поскольку каперы были лишены работы.

5 сентября 1717 года была опубликована королевская прокламация, предлагавшая всем пиратам на американском побережье, сдавшимся в течение года, бесплатное помилование за все пиратства, совершенные до 5 января. В качестве вознаграждения за поимку пиратских кораблей каждому капитану полагалось 100 фунтов стерлингов, другим офицерам - 40 фунтов, старшинам - 30 фунтов, а рядовым матросам - 20 фунтов при осуждении преступников. Пиратам предлагалось вознаграждение в 200 фунтов стерлингов за сдачу капитана или командира пиратского судна до 6 сентября 1718 года. Эффект от прокламации в сочетании с мерами, принятыми на Багамах, был очень велик. К 1 июля 1719 года, до которого было продлено время отсрочки, все, кроме трех или четырех самых отчаянных разбойников, отошли от дел. Но против самых дерзких из них требовались более решительные меры.

Было бесполезно выслеживать пиратов на море, пока их прибежища на Багамах и Мадагаскаре могли процветать, и, поскольку вест-индские бродяги были наиболее опасны для европейской торговли, в первую очередь были взяты под контроль Багамы.

Во время войны Багамы дважды захватывались и грабились французами и испанцами; всякое подобие власти исчезло, и, по оценкам, на Провиденсе и в его окрестностях насчитывалось до двух тысяч пиратов. В 1718 году капитан Вудс Роджерс взял острова в аренду на двадцать один год у владельцев и получил полномочия губернатора; он отплыл в Провиденс с военно-морскими силами и полномочиями, чтобы объявить амнистию всем, кто подчинится. Пять или шесть известных пиратских капитанов заключили мир с правительством, а также некоторые из их экипажей, хотя некоторые из них вскоре вернулись к своему прежнему ремеслу. Англия, Ла Буз и другие ускользнули и направились на Мадагаскар. Затем был создан совет, состоящий из шести авантюристов и шести жителей, которые сами никогда не были пиратами. Затем последовала покорность других; некоторых повесили, и на Багамах восстановился своеобразный порядок.

В это время у берегов Вирджинии и Северной Каролины орудовало множество пиратов, самым известным из которых был Эдвард Тич *по прозвищу* Черная Борода, бристолец, начавший свою пиратскую карьеру весной 1717 года; это самая зловещая фигура в летописи пиратства. Пиратские капитаны, как правило, выбирались своими экипажами, и если их поведение не устраивало мореплавателей, их смещали, а иногда предавали смерти или бросали в тюрьму; но Тич, столь же бесстрашный, сколь и безжалостный, управлял своей командой с помощью террора. В качестве примера его дикого юмора рассказывают, что однажды во время попойки он задул свет и выстрелил из двух пистолетов в своих собутыльников, тяжело ранив Израэля Хэндса, своего парусного мастера. Когда его спросили, зачем он это сделал, он проклял их и сказал, что если он не будет время от времени убивать кого-нибудь из них, то они забудут, кто он такой. Команда была настолько впечатлена его злодеяниями, что считала, что на борту находится дьявол, который время от времени появлялся среди них как один из членов команды, но не мог быть идентифицирован как принадлежащий к корабельной компании. Однажды он сразился с тридцатипушечным кораблем "*Скарборо*" и победил его. Он смело сходил на берег, когда ему заблагорассудится, заставил губернатора Северной Каролины жениться на нем и снабжать его лекарствами для своей команды. С лицом, покрытым черными волосами, и бородой экстравагантной длины, причудливо перевязанной лентами, он представлял собой дику и грубую фигуру, наводившую ужас на все побережье.

Выдержка из дневника, который он вел и который был найден после его смерти, приводится у
Джонсон -

"Такой день, Рум весь на улице: наша компания несколько трезва: Среди нас чертовское смятение! - Роги замышляют заговор; большие разговоры о разлуке; поэтому я стал искать прииз; в такой день взял один, с большим количеством спиртного на борту, так что компания была горячеей, чертовски горячеей, потом все снова пошло хорошо".

Губернатора Северной Каролины Идена подозревали в том, что он участвовал в грабеже Тича, и его поведение было настолько подозрительным, что его можно было списать только на нечестность или крайнее бессердечие; поэтому, попав в беду, плантаторы Северной Каролины обратились за помощью к губернатору Виргинии. В это время в реке Джеймс стояли два военных корабля, "*Жемчужина*" и "*Лайм*", но их размеры были слишком велики,

чтобы позволить им обследовать бухты и заливы, часто посещаемые Тичем; поэтому были снаряжены два небольших шлюпа без пушек, которыми командовал Мейнард, первый лейтенант *"Жемчужины"*. В то же время в Вирджинии была опубликована прокламация, предлагающая вознаграждение за поимку пиратов, причем за Тича назначалась особая награда в 100 фунтов стерлингов. Хотя все было спланировано с большой секретностью. Тич получал предупреждения от друзей на берегу, но не обращал на них внимания, и Мейнард застал его на якоре в небольшой бухте.

Обрезав трос, Тич попытался выйти в море, но сел на мель. Мейнард бросил якорь на расстоянии полупушечного выстрела и принялся за работу, чтобы облегчить шлюпы, а Тич выкрикивал проклятия и угрозы, на что Мейнард отвечал, что не ждет и не даст четверти. Как раз в тот момент, когда Мейнард был готов атаковать, Тич поднялся на борт и обрушился на шлюпы, обстреляв их широким бортом, который частично вывел из строя один шлюп и убил или ранил двадцать человек на шлюпе Мейнарда. Не теряя надежды, Мейнард спрятал своих людей в укрытие и прогнал пирата на борт, но тут же был атакован Тичем с четырнадцатью людьми. Тич и Мейнард сошлись врукопашную, и произошла отчаянная схватка: Тич дрался, как свирепый зверь. Меч Мейнарда сломался, но его спас один из его людей, пришедший ему на помощь, и в конце концов Тич упал замертво на палубу шлюпа с двадцатью пятью ранами. Второй шлюп тем временем взял пиратский корабль на abordаж и захватил его, а Мейнард отплыл обратно в реку Джеймс с головой Тича на бушприте. Пятнадцать пиратов были взяты живыми, а тринадцать из них повешены.

Через год после смерти Тича на американском побережье появился Бартоломью Робертс, валлиец из Хаверфордвеста, который в течение двух лет был бичом американских и африканских торговцев. О нем говорили, что он был трезвенником и постоянно пил чай, что вызывало подозрения у его команды. Его воздержанность не мешала ему быть самым беспринципным и злобным пиратом, бороздившим моря. Однажды в одной из гаваней Ньюфаундленда он сжег и потопил двадцать одно судно, уничтожил рыбные промыслы и станы и натворил столько бед, сколько мог, из чистого беспутства. В другой раз он захватил работорговца с восьмьюдесятью рабами на борту и сжег его, всех рабов, потому что освобождение несчастных от оков стоило слишком много времени и хлопот. В то же время он был человеком порядка и метода. Он разработал свод правил, под которыми подписалась его команда, где, в частности, говорилось, что на борт нельзя пускать женщин; кости и азартные игры запрещены; свет гасится в 8 часов; музыканты освобождаются от игры по воскресеньям. Капеллан замка Кейп-Кост был захвачен, и его заставили присоединиться к пиратам, пообещав, что от него ничего не потребуется, кроме как готовить пунш и читать молитвы. Когда он отказался от этой должности, все церковное имущество было возвращено ему, "кроме трех молитвенников и бутылочного винта".

В погоню за Робертсом британское правительство отправило капитана Чаллонера Огле с кораблями *"Ласточка"* и *"Веймут"*. Не найдя его в американских водах. Огл направился к африканскому берегу и 5 февраля 1722 года, отделившись от *"Уэймута"*, настиг пиратов, стоявших на якоре у мыса Лопес. Поставив *"Ласточку"* и управляя парусами, как будто в смятении и тревоге, Огл вышел в море, преследуемый *"Рейнджером"*. Когда *"Рейнджер"* оказался далеко от суши, ему позволили спуститься, и пиратская команда внезапно оказалась под огнем шестидесятипушечного корабля, для которого их собственные тридцать два орудия негодились, и после короткого боя черный флаг был спущен. 10-го числа Огл снова вступил в бой с *"Ройял Форчун"*, выставив флаги, чтобы пираты поверили, что его корабль захвачен *"Рейнджером"*. Робертс отчаянно сражался, когда обнаружил эту уловку. Одетый в богатый малиновый дамаст, в шляпе - алое перо, на шее - золотая цепь с большим

бриллиантовым крестом, он оказал достойное своей репутации сопротивление, решив скорее взорвать свой корабль, чем сдаться. На штурвале он поднял черный флаг, на котором были изображены скелет и человек с пылающим мечом; джек был черным, с изображением человека, стоящего на двух черепах, а на штанге мичмана - Георгиевский прапорщик. После отчаянной схватки Робертс был убит виноградным выстрелом, а *"Роял Форчун"* взят на abordаж, причем пираты сопротивлялись до последнего. Из двухсот семидесяти шести человек, захваченных на двух кораблях, пятьдесят два были казнены, все они были англичанами. За умелое и галантное поведение Огл был посвящен в рыцари.

Восстановление власти на Багамах привело к увеличению числа мадагаскарских пиратов, поэтому commodore Томас Мэтьюс был отправлен в Ост-Индию с сильной эскадрой, состоящей из кораблей *"Лайон"* (50 орудий), *"Солсбери"* (40 орудий), *"Эксетер"* (50 орудий) и *"Шорхэм"* (20 орудий). Корабль компании *"Грэнтэм"* также был передан в его распоряжение, чтобы служить в качестве складочного судна. Во время успешного сражения Байнга с испанцами у мыса Пассаро (август 1718 г.) Мэтьюс достойно командовал *"Кентом"*, но, за исключением храбрости, он, очевидно, не обладал ни одним качеством для самостоятельного командования. Сдержанный, властный по отношению к подчиненным и наглый по отношению ко всем остальным, с кем он вступал в контакт, он был совершенно лишен рассудительности и благоразумия. Двадцать лет спустя, когда он стал более известен, Уолпол писал о его "жестоких манерах", а Гораций Манн прозвал его *"Il Furibondo"*. Худшего выбора для данной работы и быть не могло.

Директора пожелали, чтобы эскадра, прежде чем идти в Бомбей, направилась в бухту Святого Августина и остров Святой Марии. Бурбона, где, как предполагалось, образовалось новое пиратское поселение; после этого эскадра должна была направиться к устью Красного моря, где пираты, по всей вероятности, будут поджидать индийские корабли в июле и августе. Но у Мэтьюса были свои взгляды, и его мало волновали желания директоров, которые намеревались открыть торговлю с Мадагаскаром и в качестве предварительного шага хотели, чтобы пиратские поселения были выкорчеваны.

В феврале 1721 года эскадра отплыла из Спитхеда с приказом встретиться в бухте Святого Августина. Вскоре после выхода из Ла-Манша корабли *"Солсбери"* и *"Эксетер"* попали в шторм и были вынуждены зайти в Лиссабон для устранения повреждений. Мэтьюс продолжил плавание с кораблями *"Лайон"* и *"Шорхэм"* до залива Святого Августина. В то время он не обнаружил там пиратских кораблей, и здравый смысл требовал, чтобы он дождался *"Солсбери"* и *"Эксетера"*. Вместо этого он продолжил плавание в Бомбей, куда прибыл 27 сентября. Перед отплытием он передал туземцам бухты Святого Августина письмо для капитана *"Солсбери"* Кокберна, в котором приводилось множество сведений об эскадре. Эти действия были настолько непродуманными и так хорошо рассчитанными, чтобы нанести ущерб цели прихода эскадры в индийские воды, что на эскадре считали, что Мэтьюс сделал это специально, чтобы усыпить бдительность пиратов. Было ли это его намерением или нет, но это показывает, какого мнения о нем придерживались те, кто находился под его командованием. Вскоре после отъезда Мэтьюса Тейлор и Ла Буз достигли бухты Святого Августина, прочитали письмо и сразу же отплыли в форт Дофин, расположенный на юго-восточной оконечности Мадагаскара. Вскоре после этого прибыли корабли *"Солсбери"* и *"Эксетер"*, которые, не получив никаких известий ни о Мэтьюсе, ни о пиратах, отплыли в Бомбей. Эти действия не предвещали успеха экспедиции. Пираты имели сведения о том, что эскадра находится в Индийском море, и, несомненно, впредь время от времени получали информацию о ее передвижениях через свои различные источники информации. Тейлор,

довольный своими успехами, отплыл в Вест-Индию и сдался испанцам, которые дали ему поручение.

Первым делом Мэтьюса после того, как он бросил якорь, было заставить туземные суда в гавани, принадлежащие бомбейским торговцам, снять английские цвета, которые они имели привычку выставлять, а затем он вступил в перепалку с губернатором по поводу того, кто должен давать первый салют, и этот вопрос не был решен без многочисленных сообщений, отправленных туда и обратно. Офицеры эскадры, взяв пример с Мэтьюса, "выглядели настолько выше нас, - рассказывает Даунинг, - насколько это было возможно в силу величия их амбиций". Ежедневно то один, то другой из них устраивал дуэли, а джентльмены флота постоянно посылали вызовы по всему острову". Дуэли, похоже, происходили в основном между морскими офицерами, которые, должно быть, были очень ссорились. Во время плавания из Англии мистер Митчелл и мистер Сазерленд, "сын милорда Сазерленда", поссорились, и Митчелл, считая себя оскорбленным, потребовал увольнения по прибытии в Бомбей, что и было сделано. Затем он послал вызов Сазерленду, который ранил его и сделал инвалидом. Но не все дуэли были столь безобидны. Через несколько дней после этого Сазерленд и Далримпл, "внук сэра Дэвида Далримпла, адвоката Его Величества в Шотландии", оба мичманы, поссорились из-за костей и на следующее утро провели дуэль без секундантов; Далримпл был ранен в тело и убит на месте - судьба, которая, очевидно, была не совсем незаслуженной. Сазерленда судили военным трибуналом, признали виновным в убийстве и приговорили к смертной казни; но поскольку смертный приговор должен был подписать король, было решено доставить его пленником в Англию. Прибыв на Барбадос, он совершил побег и оставался там до тех пор, пока ему не было даровано вольное помилование. Вскоре после этого между Степни, вторым лейтенантом, и Беркли, третьим лейтенантом корабля "*Солсбери*", состоялась дуэль, вызванная ссорой из-за здоровья одной дамы, в ходе которой оба были тяжело ранены. Степни умер через две недели после дуэли, но, поскольку хирург засвидетельствовал, что он не умер от раны, Беркли не был привлечен к военному суду.

Тем временем шли большие приготовления к новому походу на Ангрию, и пока шли эти препирательства между подчиненными, губернатор и Мэтьюс занимались планированием нападения. Задолго до прибытия Мэтьюса начались переговоры между португальским вице-королем Франсиско Жозе де Сампайо и Кастро и Бомбейским советом о совместном нападении на Колабу. Под руководством мистера Роберта Коуэна, который в марте был командирован в Гоа с этой целью, был составлен договор о взаимном сотрудничестве, по которому Бомбейский совет обязывался предоставить две тысячи человек и пять кораблей. Португальские власти обязывались предоставить равные силы. Переговоры были завершены только в начале сентября, и Коуэн, в знак признания проявленных им способностей, получил место в Совете. Объединенные силы должны были собраться в Чауле, который в то время был португальским владением, и двинуться в поход по суше, чтобы атаковать Колабу. Забыв старую поговорку о продаже шкуры медведя, пока животное еще живо, было решено, что Колаба после захвата станет собственностью Португалии, а Гериак будет передан англичанам. Таким образом, прибытие эскадры Мэтьюса стало долгожданным дополнением к вооружению Бомбея.

Для экспедиционных сил был сформирован лагерь, в порядке вещей стало бурение, Коуэн был назначен генералом, а офицерам флота, вызвавшимся служить на суше, были даны различные поручения в качестве полковников, майоров и капитанов. 30 октября был

объявлен семидневный пост, чтобы заручиться Божественным благословением на это предприятие, а капеллану было поручено произнести соответствующую проповедь.

29 ноября экспедиция покинула Бомбей и бросила якорь у Чаула, где уже собрались португальские войска. Английские силы состояли из 655 европейцев и топасов, отряда из 40 всадников и 1514 сепоев. Мэтьюс также предоставил 200 моряков, из которых 50 должны были обслуживать пушки. Артиллерия состояла из двух 24-фунтовых, двух 18-фунтовых, четырех 9-фунтовых, шести малых полевых орудий, двух мортир и восьми кохорнов. Португальские войска состояли из 1000 европейцев, 160 всадников, 350 волонтеров и 2400 сепоев, с шестью 24-фунтовыми, шестью 18-фунтовыми, десятью полевыми орудиями и восемью мортирами, которыми командовал генерал Севера. Присутствовал и вице-король. Таких сил, в сочетании с военными моряками, было достаточно, чтобы при должном руководстве уничтожить все крепости Англии на побережье.

Некоторая задержка была вызвана необходимостью построить мост через реку Рагоцим, после чего армия двинулась вперед, чтобы затем быстро остановиться, пока из Бомбея не будет доставлено достаточное количество транспорта. 12 декабря, совершив марш вокруг верховьев реки Алибаг, армия расположилась лагерем недалеко от форта Алибаг, а военные корабли встали на якорь на дорогах. Во время похода время от времени видели несколько всадников Англии. Однажды, когда вице-король в сопровождении Мэтьюса, Коуэна и других командиров ехал осматривать местность, к ним под прикрытием кактусовой изгороди подъехал всадник и метнул копье, ранив Мэтьюса в бедро. Мэтьюс тщетно преследовал его, злясь на свою рану и на то, что его пистолеты не стреляют.

13-го числа был предпринят штурм форта, хотя тяжелые орудия еще не были высажены. За пределами форта находилось пятнадцать сотен конных и тысяча пеших, посланных Сахуджи на помощь Англии. Португальцы должны были выступить против них, а пятьсот английских солдат и пехотинцев во главе с морскими офицерами - форсировать ворота и взбираться на вал. Здравый смысл требовал, чтобы силы Сахуджи за пределами форта были уничтожены, а тяжелые орудия, с таким трудом доставленные из Чаула, были установлены и использованы, прежде чем предпринимать какие-либо попытки штурма; но среди командиров царил удручающее отсутствие обычных способностей. В четыре часа пополудни небольшой отряд под командованием Братвейта, первого лейтенанта *Лиона*, который по случаю получил звание полковника, двинулся на штурм. Ворота были заблокированы, и их нельзя было форсировать; многие лестницы оказались слишком короткими, и дело свелось к борьбе небольшого числа людей, забравшихся на вал, за то, чтобы удержаться, в то время как остальные оставались под огнем со стен. В разгар этой борьбы отряд Сахуджи напал на португальцев, которые в диком смятении разбили их и бежали, оставив англичан на произвол судьбы. Штурмующие, видя опасность, отступили, оставив за собой множество раненых, все силы сдали позиции, и вскоре в лагерь ворвались всадники Махратты, за которыми, к счастью, никто не последовал. Тридцать три человека были убиты и двадцать семь ранены; среди последних - лейтенант Беллами из военно-морского флота, который вел себя очень смело и храбро. Сильно пострадали морские пехотинцы Мэтьюса. Несмотря на недостаток дисциплины, они проявили немало храбрости. Все полевые орудия и большое количество боеприпасов попали в руки махраттов. Всю вину возложили на португальцев, которым приписывали предательство. Мэтьюс, всегда буйный, налетел на генерала Севера и напал на него,^[1] а с вице-королем обошелся не намного лучше. Еще немного предприимчивости со стороны махраттов - и все силы были бы уничтожены. На следующий день было высажено несколько тяжелых орудий и построена батарея из четырех орудий. Но португальцам этого было достаточно, и они были намерены отступить.

С самого начала между неравнодушными союзниками не было особого радушия. В английском лагере Коуэн был лишен военного опыта и инстинкта и не пользовался доверием людей, привыкших к поражениям при нападении на английские крепости, а Мэтьюс, жестокий и властный, претендовал на право руководить операциями, о которых он ничего не знал. Португальцы, со своей стороны, гордившиеся воспоминаниями о великом положении, которое они когда-то занимали на Малабарском побережье и которое, хотя и быстро приходило в упадок, все еще неизмеримо превосходило положение английских купцов, были возмущены постоянным пьянством, ссорами и отсутствием дисциплины среди англичан, и возмущены обвинением в предательстве, для которого не было никаких оснований. Притворившись больным, вице-король отправился на свой корабль. Ангрия увидела возможность разорвать союз и начала с ним переговоры. 17-го числа вице-король написал англичанам письмо с предложением приостановить вооружение. С нехорошей милостью они вынуждены были согласиться, видя в переговорах, которые противоречили договору о том, что ни один из них не должен действовать отдельно, еще одно подтверждение своих подозрений в вероломстве. Ангрия предоставила португальцам полную компенсацию за нанесенные обиды и заключила с ними наступательный и оборонительный союз. Англичане были предоставлены сами себе. Полные гнева, они сразу же высадились на берег и 28-го числа отплыли в Бомбей.

Пока войска были заняты в Колабе, мальванцы[2] пытались отвлечь внимание Англии, нападая на английские корабли под видом португальских; в то время они находились в состоянии войны с Гоа. Раджа Сунда также напал на частный английский корабль, но был отбит. В заливе бомбейский шлюп "*Принц*" захватил маскатский корабль с четырнадцатью пушками, но через несколько дней был вынужден отдать свой приз маскатской эскадре.

Невозможно не сочувствовать разочарованию Буна в связи с неудачей этой давно запланированной экспедиции, на которую он рассчитывал как на венец своего президентства. Пришло время ему вернуться в Англию. Его преемник, мистер Уильям. Фиппс, прибывший из Мокко в августе, занял второе место в Совете в ожидании отъезда Буна. Последний год пребывания Буна в Бомбее был омрачен опасной интригой против него, возглавляемой Паркером и Брэддилом, двумя членами Совета. Расследование показало, что они замыслили захватить его персону и даже высказывали угрозы в адрес его жизни. Будучи арестованными и получив приказ покинуть Бомбей, они бежали в Гоа. Через некоторое время Брэддилл добрался на маленькой лодке до Бомбея и попросил защиты на борту "*Лайона*", которую ему с готовностью предоставил Мэтьюс. Поскольку имя Брэддила фигурирует среди присутствовавших на совете в Бомбее в 1723 году, ему, должно быть, удалось заключить мир с Компанией. В те времена под властью Компании попустительствовали всем, кроме самых тяжких преступлений, если они не были направлены непосредственно против торговли Компании. Заговор против свободы губернатора мог быть прощен, но за помощь, оказанную Остендерам, не было *locus poenitentiae*.

9 января Бун сошел на борт "*Лондона*", передав полномочия губернатора мистеру Фиппсу, после чего ему были выражены добрые пожелания. За шесть лет работы на этом посту он зарекомендовал себя как верный и ревностный слуга Компании: "джентльмен, обладающий такой же честью и здравым смыслом, как и все, кто когда-либо сидел в этом кресле", по словам Гамильтона. Он нашел Бомбей с чахнувшей торговлей и открытым для нападок. Под его заботливым присмотром торговля наладилась, и купцы из Бенгалии и Мадраса сочли выгодным обосноваться здесь. Была построена хорошая стена, защищающая город от внезапных набегов, и созданы солидные военно-морские силы для сдерживания пиратства. Он заслуживает памяти как первый губернатор Бомбея, который пытался активными мерами

подавить пиратов на побережье. Хотя его экспедиции против них были одинаково безуспешны, он научил Ангрию, что торговля Компании не может подвергаться безнаказанным нападениям, и его неудача была полностью обусловлена бесполезностью его инструментов. При его отплытии салют был дан из всех орудий на берегу и на плаву, кроме эскадры Мэтьюса, которая не сделала ни одного выстрела. Когда он плыл вдоль побережья в сопровождении кораблей *"Виктория"* и *"Месть"*, груженных товарами для Карвара и Андженго, его атаковала эскадра Ангрии, но он отбил ее. У Анжедивы он наткнулся на грейферы Кемпсанта, грабившие корабль, который он спас. Один из грейферов был захвачен, а другой вытеснен на берег; так он был удовлетворен небольшим успехом над своими заядлыми врагами, прощаясь с индийским побережьем.

Как только Мэтьюс вернулся в Бомбей после фиаско в Алибаге, он занялся тем, что, по его мнению, было главной причиной его приезда в Индию, - частной торговлей. Интересы Компании его ничуть не волновали; по сути, все, что вредило Компании, находило в нем защитника. Что касается пиратов, то, если они не попадались ему на пути, он не собирался особо беспокоиться о них. Его единственной целью было обогатиться, открыв собственную частную торговлю, и с этой целью он отплыл в Сурат. С собой он взял миссис Брэдлилл и миссис Уайч с множеством сундуков с сокровищами, несмотря на уговоры Фиппса: поместья обеих были арестованы Советом. В Сурате он попытался собрать крупную сумму для участия в китайской торговле; но произвол королевских чиновников вызвал такое недоверие среди местных купцов, что он не добился успеха. Через три недели он снова вернулся в Бомбей и сразу же вступил в гневную переписку с Советом. Не ограничившись язвительным обменом письмами, он прикрепил на морских воротах оскорбительную прокламацию. Фиппс приказал снять ее, на что Мэтьюс написал, что, если она не будет немедленно заменена, он опубликует ее под барабанный бой по всему Бомбею, и, если будет оказано сопротивление, он не оставит на этом месте ни одного дома. В этой дилемме Совет согласился на замену, но, чтобы спасти свое достоинство, добавил уведомление о том, что она была разрешена секретарем. Трудно понять, как это улучшило дело. Однако на следующий день Мэтьюс отплыл на Мадагаскар, так что, несомненно, прокламация недолго оставалась в силе после его отъезда.

Его отсутствие в Бомбее, хотя Фиппс и Совет, несомненно, восприняли как облегчение, вероятно, в скором времени стало причиной сожаления о неприятностях, которые вскоре настигли их: но пока мы проследим за его передвижениями. Не довольствуясь ссорами с Советом, Мэтьюс вскоре оказался на расстоянии кинжала от своих собственных капитанов. Сначала он предложил им использовать их корабли в торговле при условии, что две трети прибыли будут принадлежать ему. Капитаны отказались от этого предложения. У него уже была ссора с Кокберном, его вторым командиром, первая из многих, которые должны были последовать. Перед отплытием из Бомбея он поссорился с сэром Робертом Джонсоном с корабля *"Эксетер"*. Джонсон отказался от командования и отправился в Англию на одном из кораблей Компании, который был потерян со всеми людьми во время плаванья. Вместе с сэром Робертом Джонсоном погиб и его сын, лейтенант военно-морского флота. Братуэйт был назначен командиром корабля *"Эксетер"*. К тому времени уже стало широко известно, что любой, у кого были неприятности с Компанией, мог найти у Мэтьюса покровительство и защиту. Он заявил португальским чиновникам, что суда Компании - всего лишь торговцы, а потому не имеют права на салют из пушки в пушку. Этот вопрос о салютах был очень важным в глазах Мэтьюса. На каждом торговом судне, каким бы маленьким оно ни было, стояли пушки, и салютов было очень много. Принимая такие салюты, Мэтьюс всегда отвечал на три или четыре пушки меньше, чем ему давали. В одном случае есть запись о том, что он ответил

только одной пушкой.[3] Где бы Мэтьюс ни находил возможность понизить кредит или навредить интересам Компании, он ею пользовался.

Достигнув бухты Карпентера на Маврикии, он обнаружил наглое послание от пиратов, "написанное на могиле капитана Карпентера кусочком угля", о том, что они ждали его и отправились в Порт-Дофин. Далее эскадра направилась в Бурбон, где продала французам несколько бочек аррака и мадейры с очень хорошей прибылью, а затем проследовала в Чарнок-Пойнт, остров Святой Марии, Мадагаскар. Здесь они обнаружили обломки нескольких торговых судов, выброшенных на берег пиратами. На берегу лежали их грузы: фарфоровая посуда, богатые лекарства и пряности, ткани, оружие и другие предметы, которые пираты выбросили на берег. Мужчины заходили по колено в перец, гвоздику и корицу - так велико было их количество. На мелководье лежали останки прекрасного джиддского корабля, захваченного с тринадцатью лаками сокровищ на борту пиратом по имени Конден, который командовал судном под названием *"Летающий дракон"*. Мэтьюс сразу же начал переносить пушки и те товары, которые пострадали меньше всего, на свои корабли. Сначала на берег был отправлен флаг перемирия для связи с Англией и другими пиратами, но оказалось, что они скрылись в глубине острова. Неделью спустя появился белый человек в сопровождении хорошо вооруженной охраны из туземцев. Он рассказал им, что является жителем Ямайки по имени Джон Плантайн, что был пиратом, но устал от торговли и поселился на этом месте. Этот Джон Плантайн был известным в пиратском мире человеком. Все англичане плавали с ним и относились к нему с большим уважением и некоторым страхом. Он стал хозяином значительной территории, так что пираты прозвали его королем Рантер-Бей[4]. Он пригласил Мэтьюса посетить свой замок, где тот развлекал некоторых офицеров эскадры. Первой мыслью Мэтьюса было захватить его, но, обнаружив, что с Джоном Плантейном было много вооруженных туземцев, кроме шотландца и датчанина, и что в его замке было установлено много пушек, он решил торговать с ним. Пираты не скрывали, что участвовали в захвате корабля вице-короля Гоа и богатого туземного судна с восемнадцатью лаками рупий на борту. Так что шляпы, туфли, чулки, вино и аррак были переданы Джону Плантейну, за что он заплатил хорошую цену золотом и бриллиантами. Несмотря на свои представления о пиратстве, Джон Плантен показал себя более честным человеком, чем Мэтьюс. Обильно расплатившись за купленные вещи, он оставил бочки с вином и арраком на берегу под небольшой охраной. Как только Мэтьюс отвернулся, он укомплектовал свои лодки и вывез все спиртное, за которое ему заплатили, а также часть туземной охраны. После этого он отплыл в Бенгалию, утешая себя мыслью, что не похож на "тех мерзких пиратов, которые, совершив множество злодеяний, поселились среди язычников, чтобы предаваться всевозможным порокам"[5].

После двухнедельного пребывания в Чарнокз-Пойнте эскадра обогнула северную часть Мадагаскара и направилась в залив Манигаро (Мананкара), откуда взяла курс на Иоганну. Как впоследствии заметили директора, Мэтьюсу следовало бы разделить эскадру и обыскать оба побережья большого острова; но его сердце не было занято поисками пиратов; его интересовала только торговля. Отправив *"Солсбери"* и *"Эксетер"* в крейсерство к Сокотре, он повел *"Лайон"* и *"Шорхэм"* в Бенгалию, а в начале августа встал на якорь в Хугли, недалеко от Даймонд-Харбор. Там он оставался до конца октября. В Бенгальском заливе не было пиратов, но торговля сахаром была очень прибыльной, и он хотел вложить в нее деньги.

В Калькутте он пробыл недолго, не вступая в перепалку с Советом по поводу миссис Гиффорд, которая, как миссис Чаун, уже упоминалась на этих страницах[6], и , чей третий муж погиб в резне в Андженго за восемнадцать месяцев до этого. Улетая из Андженго, она прихватила с собой фабричные книги и все деньги, которые смогла прибрать к рукам.

Поскольку у Компании были большие претензии к имуществу Гиффорда, Совет был вынужден заставить ее расторгнуть договор. Мэтьюс поддержал ее ссору, как и всех, кто был в дурной книге Компании, и, наперекор Совету, увез ее в Бомбей, а затем в Англию.

[1] 'Thrust his cane in his mouth.'-*Downing*.

[2] Мальван - небольшая укрепленная гавань, принадлежавшая Колапору, примерно в шестидесяти милях к северу от Гоа. Мальваны были известными пиратами.

[3] Когда Уотсон приехал в Индию, он отвечал салютом на салют.

[4] Возможно, залив Аутонгил.

[5] Этот рассказ о посещении Мэтьюсом Мадагаскара в значительной степени опирается на повествование Клемента Даунинга, который в то время имел звание мичмана на борту "*Солсбери*". Оно подтверждается вахтенными журналами кораблей "*Лайон*" и "*Солсбери*". Он не пытается скрыть свое мнение о проступках Мэтьюса. Он также приводит историю Джона Плантейна, который в конце концов добрался до Герии и поступил на службу к Англии.

[6] См. с. 80.

ГЛАВА IX

НЕСПОКОЙНЫЙ ГОД В БОМБЕЕ

Потеря галеры "*Хантер*" - Ссора с португальцами - Союз португальцев с Англией - Война с обеими странами - Двойной триумф - Португальцы заключают мир - Ангрия покорилась - Мэтьюс вновь появляется - Неприятности, вызванные им - Возвращение в Англию - Военный трибунал - Последний Мэтьюс.

Год, последовавший за отъездом Буна, выдался в Бомбее волнительным. 27 февраля галеры "*Орел*" и "*Охотник*", находившиеся у Бассейна и конвоировавшие суратский корабль, были атакованы четырьмя граблями Англии. После пятичасового боя, во время которого "*Охотник*" предпринял три попытки взять судно на abordaj, от неудачного выстрела воспламенился порох, и галера взорвалась, погибла каждая душа на борту. Аналогичный взрыв, хотя и менее серьезный, произошел на борту "*Орла*", что вынудило его укрыться в разбитом состоянии в гавани Сарагона. Здесь португальцы проявили такую недружелюбность, что Совет был вынужден послать другие галеры, чтобы защитить и увести "*Орла*".

С момента заключения португальского договора с Англией между Гоа и Бомбеем велась гневная переписка, и вскоре старые поводы для ссор возродились. Главной из них стало взимание пошлин в определенных местах. Генерал Севера, который за год до этого пытался навязать ссору, несомненно, уязвленный обращением, которое он получил от Мэтьюса во время осады Алибага, начал взимать пошлины с провизии, поступающей из Бомбея на португальскую территорию. В ответ Фиппс взимал таможенные пошлины в Махиме, который португальцы всегда считали свободным для обеих наций. Ссора разгоралась все сильнее. Генерал Севера запретил всякое сообщение с Бомбеем, а 26 мая в Махиме был обстрелян британский галиват. Совет решил отстаивать свои права, но был не в состоянии сделать это. Тем временем стало известно, что португальцы обратились за помощью к Англии. 23 июня отряд из Бомбея высадился и разрушил португальский форт в Корлеме, а также обстрелял Бандару. Капитан Лоадер с "*Ревенджа*" без приказа сжег необорудованную деревню на Элефанте, за что был отстранен от командования; но через неделю его восстановили в должности. Отсутствие судоходства на некоторое время помешало активному ведению

военных действий со стороны Совета. Они были вынуждены оставаться в обороне, в то время как португальские галеры крейсировали у острова, совершая время от времени набеги, убивая одного или двух ополченцев и сжигая деревни. Махим, Рива и Дарви подверглись набегам, но с небольшой выгодой для нападавших. 28 августа ночью португальцы высадились на берег и разрушили форт в Уорли, чему способствовало предательство одного из португальцев-перебежчиков. 3 и 4 сентября были отбиты две попытки высадки в Бреше, и Совет был ободрен прибытием кораблей "*Солсбери*" и "*Эксетер*" из плавания по Красному морю.

Кокберн с "*Солсбери*", менее жестокий, чем Мэтьюс, сразу же предоставил в распоряжение Совета два пинаса и семьдесят шесть человек. Также была снаряжена небольшая экспедиция из одиннадцати галиотов под командованием Стэнтона, и была захвачена батарея, возведенная португальцами в Сурее, чтобы препятствовать доставке провизии в Бомбей. Один человек с "*Эксетера*" был убит, а другой ранен. Как раз в это время пришло известие о том, что Ангрия готовит экспедицию из пяти тысяч человек для нападения на Карвар, и "*Эксетер*" отплыл туда для защиты завода.

В начале ноября ситуация изменилась. Получив известие о том, что некоторые рейдеры Англии крейсируют у Уорли, туда были отправлены "*Виктория*" и "*Месть*", укомплектованные экипажами с "*Солсбери*". После жаркого боя командор "Англии", голландец, был убит, а его корабль с шестнадцатью пушками захвачен.

В тот же день, когда захваченный корабль был доставлен в Бомбей, в гавань вошли еще два захваченных судна. Директора отправили из Англии три галеры - "*Бомбей*", "*Бенгал*" и "*Форт Сент-Джордж*", укомплектованные матросами с Темзы. Когда они шли вдоль побережья, их два дня преследовали два странных судна без флагов. Решив положить этому конец, на третий день, 1 ноября, у мыса Рамус они укоротили парус и призвали незнакомцев показать свои цвета. Оказалось, что это португальцы, и на английские приветствия они ответили угрозами и криками неповиновения. Тогда "*Бенгал*" выстрелил по носу ведущего судна, на что получил ответный залп, убивший второго помощника и двух матросов. "*Бомбей*" приблизился, а "*Форт Сент-Джордж*" переключил свое внимание на второй захват. Через полчаса оба португальских корабля сняли свои цвета, и галеры продолжили свой путь к Бомбею с двумя призами, на каждом из которых было по двадцать пушек. Такова была разница, которую принесло наличие британских моряков вместо жалких команд, которые до сих пор обслуживали корабли Компании.

Для Бомбейского совета было хорошо, что Мэтьюс отсутствовал в это время. В течение двух с половиной месяцев он стоял на якоре в Хугли. В начале декабря он добрался до Бомбея и сразу же возобновил свои распри с Советом и капитанами. Кокберн с корабля "*Солсбери*" был помещен под арест, предположительно за помощь, которую он оказал Совету. Через некоторое время его перевели на корабль "*Эксетер*" и приказали следовать в Англию.

Подплыв к побережью, Мэтьюс зашел в Гоа и сообщил вице-королю о своем неодобрении действий Компании и о том, что его эскадра скоро покинет индийские моря. Но вице-королю уже надоело воевать. Захват его граблями привел его в чувство. Он возложил всю вину за недавние военные действия на генерала Севера, и с Советом было достигнуто мирное соглашение, а Мэтьюс был проигнорирован.

Несмотря на то, что Мэтьюсу не удалось уничтожить мадагаскарских пиратов, присутствие его эскадры в индийских водах заставило их искать безопасности в Вест-Индии, и с этого момента они перестали быть опасными для торговых судов Индии. Мадагаскарские поселения продолжали существовать, пока не умерли естественной смертью. Ангрия тоже

была усмирена убийством своего командора и захватом его кораблей. В течение многих лет морская торговля Бомбея не подвергалась столь незначительным притеснениям, как в последующие три-четыре года.

Мэтьюс отослал домой два своих корабля, а сам остался торговать еще год, в течение которого он не упускал возможности беспокоить и оскорблять офицеров Компании. Все, кто расходился во взглядах с Советом, находили в нем защитника. Один маклер из племени парси, по имени Боманджи, был арестован за мошенничество; Мэтьюс потребовал его выдачи. Совет поместил Боманджи в тюрьму в форте, чтобы предотвратить его похищение. Мэтьюс пообещал сыновьям Боманджи, что заберет одного из них в Англию, и обязался заставить директоров увидеть все в правильном свете. Люди, обвиненные в отвратительных преступлениях, получили от него одобрение. Он сказал Совету, что они всего лишь торговцы и не имеют права никого наказывать. Только корона имеет право наказывать. Он (Мэтьюс) представлял корону и был подотчетен только королю Англии. Можно представить себе, с каким удовлетворением в конце года Совет узнал, что Мэтьюс действительно уезжает.

В декабре 1723 года он отплыл в Англию. За два года пребывания в индийских морях он не сделал ничего из того, что должен был сделать, и сделал почти все, чего не должен был делать. Он был послан для подавления пиратов и защиты интересов Компании. Он не захватил ни одного пиратского корабля и не искоренил ни одного пиратского притона. Заявив, что на него, как на королевского офицера, не распространяются положения устава Компании, он занимался частной торговлей и даже имел дело с пиратами. Он попирали власть Компании везде, где она существовала, и подстрекал других к сопротивлению. Каждый, у кого возникали разногласия с Компанией, получал от него защиту. Он заявил властям Гоа, что суда Компании - всего лишь торговцы, а потому не имеют права на салюты, которые им всегда отдавали. Он отказался выдать матросов Компании, которых подстрекал дезертировать на его корабль. Он запретил бомбейским торговцам поднимать британские флаги, но разрешил это делать своим друзьям. Он ездил торговать в Бенгалию и Мокку, где не было пиратов; два с половиной месяца он провел на Хугли; три с половиной месяца он провел в Мадрасе и Сент-Дэвиде для торговых целей; и, когда шла ссора между бомбейскими властями и португальцами, он заявил, что пришлет вице-королю Гоа петицию, как старухе, если тот не захватит все корабли Компании. Он поссорился со всеми своими капитанами, и один из них, сэр Роберт Джонсон, был обязан ему своей смертью. В Сурате он нашел уволенного слугу Компании, некоего мистера Уайча, на отъезд которого губернатор наложил эмбарго, пока его счета не будут погашены. Вопреки приказу губернатора Мэтьюс взял его и одиннадцать сундуков с сокровищами на борт своего корабля и высадил на берег в Каликуте, откуда он бежал на территорию Франции. Из Сурата он также перевез в Англию сына маклера Рустумджи Навроджи, чтобы тот беспокоил директоров. Он похитил миссис Гиффорд и привез ее в Англию на своем корабле. Последним его действием на побережье был заход в Андженго, чтобы получить имущество, на которое она претендовала: вероятно, он также приобрел груз перца.

Неудивительно, что по прибытии в Англию в июле 1724 года гнев директоров разгорелся против него, и отчет о его плохом поведении был направлен государственному секретарю. Морские власти потребовали от директоров предъявить свидетелей по обвинению в торговле с пиратами. Сделать это было непросто, поскольку все свидетели находились под командованием Мэтьюса, поэтому обвинение было снято, а директора подали на него иск в Суд казначейства за нарушение устава частной торговли.

Тем временем у военно-морских властей были свои счета с Мэтьюсом; капитан Мейн с корабля "*Шорхэм*" выдвинул против него различные обвинения. В последнюю неделю

декабря 1724 года он предстал перед военным трибуналом на борту корабля "Сэндвич" в реке Медуэй, и решение суда было зафиксировано следующим образом.

"Суд, ознакомившись с жалобами директоров компании E.I. Co. о нескольких нарушениях, допущенных капитаном Томасом Мэтьюсом во время командования эскадрой кораблей Его Величества, отправленных в Ост-Индию; трижды было сделано объявление, присутствуют ли какие-либо лица от имени указанных директоров, чтобы доказать несколько содержащихся в них вопросов, и, не явившись, суд приступил к рассмотрению жалоб, представленных капитаном Ковилом Мейном, и, строго изучив все подробности и вопросы, содержащиеся в них, и заслушав различных свидетелей под присягой, они единодушно пришли к мнению, что упомянутый капитан Мэтьюс во всех отношениях выполнял свои инструкции, за исключением того, что он принимал товары на борт до того, как вступил в силу поздний Акт Парламента, учреждающий закон для более эффективного подавления пиратства, но не после этого; И, как показалось суду, он посылал людей на торговые корабли нерегулярно, и, обнаружив, что он подпадает под 33-ю статью войны, они постановили, что он должен быть лишен четырехмесячного жалованья, и что это должно быть использовано в пользу Сундука Чатема, и настоящим он лишен соответствующего жалованья."

Шесть недель спустя директора получили постановление против него в суде казначейства на сумму 13 676 фунтов стерлингов 17_s. 6_d., которая, согласно парламентскому акту, была удвоена в качестве штрафа.

В 1742 году Мэтьюс вновь обрел благосклонность английского министерства. Он был назначен министром в Турине и главнокомандующим в Средиземноморье. В феврале 1744 года он столкнулся с объединенным французским и испанским флотом у Тулона. Его поведение с подчиненными настолько возбудило их недоброжелательность, что второй командир и многие капитаны отказались следовать за ним. Союзный флот спасся, потеряв только один корабль. Оба адмирала и пять капитанов были отправлены в отставку, и это последнее, что мы слышали о Мэтьюсе. Воспоминания о его поведении надолго засели в памяти директоров, и прошло двадцать лет, прежде чем они снова смогли заставить себя ходатайствовать о посылке королевской эскадры в Индийские моря[1].

[1] Эскадра под командованием Барнета, которая была отправлена в 1744 году, после объявления войны с Францией.

ГЛАВА X

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ КОНФЛИКТА

Дело г-на Кургенвен - смерть Конаджи Ангрия - ссоры его сыновей - португальская интервенция - Сумбхаджи Ангрия - политические изменения - бедствие *Бомбея* и *бенгальских* галер - *Окхам* отбивает флот Ангрия - *Кули* - потеря *Дерби* - *Махратты* изгоняют португальцев из *Салсетта* - капитан *Инчберд* - *Маннаджи* Ангрия доставляет неприятности - голландская эскадра Эскадра отбита у *Герии* - *Галлантные* действия *Харрингтона* - *Сумбхаджи* атакует *Колабу* - *Англичане* помогают *Маннаджи* - Потеря *Антилопы* - Смерть *Сумбхаджи* Ангрия - *Туладжи* Ангрия - *Захват Ансона* - *Туладжи* берет *Рестаурацию* - *Сила* *Туладжи* - Эскадра *Лисла* - Постройка *Протектора* и *Гардиана*.

В качестве примера бед, которым подвергались люди из-за пиратства Англии, можно привести случай с мистером Кургенвеном, частным торговцем из Мадраса. Отправившись в торговое путешествие в Китай, он отплыл из Сурата в августе 1720 года на корабле "Шарлотта". Не успел он отойти от побережья, как был захвачен флотом Англии и доставлен

в Герию. Там он пробыл почти десять лет, все это время его заставляли носить кандалы и работать как раб. Несмотря на письма, которые он успел отправить в Бомбей, похоже, ничего не было сделано, чтобы добиться его свободы. Наконец, заплатив выкуп, он был освобожден и присоединился к своей жене в Англии. Но путы, которые он так долго носил, повредили одну из его ног, и потребовалась ампутация. Пока он приходил в себя после операции, лопнула артерия, и он умер на месте.

После отъезда Буна из Индии нападения на ангийские крепости прекратились. Отныне они считались неприступными, и преемники Буна довольствовались проверкой ангийской мощи на море.

В июне 1729 года Конаджи Ангрия умер. Он оставил двух законных сыновей, Сахаджи и Сумбхаджи, и трех незаконных, Толаджи, Маннаджи и Йессаджи. Сахаджи обосновался в Колабе, а Сумбхаджи Ангрия остался в Северндруге, чтобы продолжать хищническую политику своего отца. В марте 1734 года Сахаджи умер, и Маннаджи и Йессаджи были отправлены удерживать Колабу для Сумбхаджи. Вскоре Маннаджи поссорился с Сумбхаджи и Йессаджи и бежал в Чаул. Португальцы поддержали его ссору и предоставили ему силы для нападения на Колабу, которая была взята; Маннаджи галантно возглавил штурм с мечом в руке. Он сразу же заключил Йессаджи в тюрьму и выколол ему глаза. Как только португальские войска были выведены, Сумбхаджи атаковал Колабу. Маннаджи призвал на помощь Пейшву, который заставил Сумбхаджи снять осаду и получил взамен ангийские крепости Култа и Раджмачи, а Маннаджи провозгласил свою верность Пейшве и отныне находился под его защитой. Португальцы, разгневанные на Маннаджи, который нарушил свои обещания уступить им некоторые районы в обмен на помощь в захвате Колабы, объединились с Сумбхаджи Ангрия против него. Это навлекло на них враждебность двора махраттов, которые после двухлетних жестоких боев изгнали их из Салсета и всех их владений в окрестностях Бомбея, в то время как англичане равнодушно взирали на борьбу, которая велась у их дверей.

Чтобы укрепиться против голландцев, португальцы уступили Бомбей англичанам, а затем, проявив недобросовестность в удержании Салсета и Таны, вскрыли язву, которая так и не зажила. Поддерживая распри Маннаджи, они заслужили вражду Сумбхаджи, а присоединившись к распрям Сумбхаджи против Маннаджи, они обрушили на себя грозную силу Пейшвы. Вскоре Сумбхаджи снова обратился против них, и они остались без единого союзника, чтобы бороться, как могли. Их вмешательство в ангийские распри стало окончательной причиной падения португальской власти на Западном побережье.

Старые политические ориентиры быстро исчезали. Повсюду рушилась могольская власть, образовывались новые княжества. Пейшва избавился от верности Сатаре, и его армии заявили о себе по всему Хиндостану и Декану; в Гузерате Гайковар установил власть махраттов. Голландцы и французы перестали добиваться успехов, власть португальцев пошла на убыль, Сиди теряли территории под ударами Маннаджи и Пейшвы, а власть ангийцев была раздроблена. Тем временем положение Компании на западном побережье неуклонно улучшалось. Европейские пираты перестали преследовать индийские моря; Маннаджи Ангрия счел необходимым поддерживать хорошие отношения с англичанами, хотя время от времени враждебные действия показывали, что ему нельзя доверять; в то время как Пейшва, чьи цели были направлены внутрь страны, не ссорился с ними и заключили договор с Бомбеем. Торговля процветала, хотя пиратство Сумбхаджи Ангрии, несмотря на его вражду с Маннаджи, время от времени приносило убытки. Ангийские

корабли, лучше укомплектованные и лучше снабженные, уже не довольствовались отражением нападений, а смело отправлялись на поиски судов Сумбхаджи, захватывая их или вынуждая искать убежища в укрепленных гаванях.

Подробно описывать все происходившие столкновения было бы утомительно, но некоторые из них можно упомянуть, чтобы составить представление о военных действиях, которые продолжались в течение тридцати лет после отказа Буна от должности.

В октябре 1730 года были получены сведения об английских галливатах, крейсирующих к северу от Бомбея, и несколько бомбейских галливатов были отправлены туда, и в результате умелых действий захватили три из них, на каждом из которых было по пять пушек. Месяц спустя *бомбейские* и *бенгальские* галеры были атакованы у Колабы четырьмя граблями и пятнадцатью галливатами. В это время был штиль: вражеские грейферы были отбуксированы под корму галеры и открыли шквальный огонь. Галеры могли отвечать только огнем из стрелкового оружия и сильно пострадали. Несколько попыток высадиться на борт были отбиты, когда в результате неудачного выстрела на борту "*Бенгала*" взорвались две бочки с мушкетными патронами. Четверть палубы была взорвана, и в суматохе противник взял корабль на абордаж. Первый лейтенант, хотя и был ранен, прыгнул за борт и поплыл к "*Бомбею*", который также находился в бедственном положении. На нем произошел аналогичный взрыв, в результате которого погибли капитан, первый лейтенант и многие члены экипажа. В этот момент подул попутный ветер, подняв на борт "*Победу*", которая была свидетелем боя, но не смогла принять в нем участия, и ангрийцы отчалили. В этом бою компания потеряла не менее восьмидесяти европейцев.

В январе 1732 года ост-индский корабль "*Окхэм*", шедший к побережью при слабом ветре, был атакован у Дабула английской эскадрой из пяти грейферов и трех галливатов. На закате они подошли на расстояние выстрела, и до темноты велась безобидная канонада с большого расстояния. В час ночи, когда взошла луна, они снова приблизились и атаковали "*Оккам*" в своей излюбленной манере - с кормы. В течение некоторого времени "*Ост-Индиаман*" подвергался обстрелу из десяти девятифунтовок, на что мог ответить только двумя кормовыми пушками. Капитан Джобсон, обнаружив, что его такелаж сильно изрезан, и понимая, что потеря мачты, скорее всего, повлечет за собой гибель корабля, решил заманить их в ближнюю каюту при поднявшемся хорошем ветре. План был объяснен команде, которая воспряла духом и была ободрена обещанием двухмесячного жалования. Все пушки были укомплектованы, а огонь двух кормовых канонеров был ослаблен, как будто боеприпасы были на исходе. Приманка сработала; грейферы подтянулись к "*Оккаму*", их экипажи ликовали и трубили в трубы. На расстоянии кабельтова "*Оккам*" внезапно взял галс и, набрав новый курс, оказался посреди грейферов, обстреливая их круглой дробью и виноградом, а также залпами из стрелкового оружия. Этот неожиданный маневр заставил ангрийцев отступить, и "*Оккам*" вернулся на прежний курс. На рассвете в погоне остались только четыре грейфера, пятый, очевидно, получил серьезные повреждения. Поднялся сильный бриз, и команда жаждала новой схватки, поэтому "*Окхэм*" снова взял галс и встал на защиту грейферов. Но с них было достаточно, и они избегали сближения. Наилучшие шансы на успех были в штиль и при легком воздухе. С таким противником, как Джобсон, при сильном ветре шансы были невелики; они потеряли много людей, поэтому, побродив вокруг несколько часов, они ушли в Северндруг.

В 1734 году много хлопот доставили бродяги Кули, которые засели на побережье Гузерата. Их оплот находился в Султанпоре, на реке Куорла, и они пользовались покровительством нескольких богатых людей, которые участвовали в их грабежах. Против них была отправлена эскадра под командованием капитана Рэдфорда Нанна, которая захватила пять

вооруженных судов и сожгла еще четырнадцать. Чтобы спасти других от захвата, они сами сожгли еще около пятидесяти небольших парусников. Шесть месяцев спустя еще десять их лодок были сожжены, а две взяты в плен. Под этими ударами они на некоторое время затихли.

В декабре 1735 года из-за плохого поведения капитана в руки Сумбхаджи Ангрии попало ценное судно. Ост-индский корабль "*Дерби*", везущий из Англии большой груз военно-морских товаров и обычные сокровища для инвестиций, должен был прибыть в Бомбей в ноябре. Капитан, Ансельм, был интриганом и пожелал остаться в Индии на год, а не возвращаться в Англию сразу, как было договорено. Поэтому он задержался на месяц в Джоханне и взял курс на север вдоль африканского побережья. Получив попутный ветер, который привел бы его прямо в Бомбей, не рискуя работать вдоль Малабарского побережья, он взял курс на широту Гоа, а затем двинулся на север, делая как можно больше задержек, чтобы не достичь Бомбея до января. 26 декабря английская эскадра из пяти граблей и четырех галиотов подошла к "*Дерби*" у Северндруга и занялась своим излюбленным способом нападения на большой корабль - с кормы. Ветра было мало, и "*Дерби*" не мог ни держаться, ни идти. Сначала удалось поднять только два орудия; в орудийной рубке не было ни одного орудия, и команда не получила никакого поощрения. За два года до этого директора разрешили капитанам судов, идущих в обратном направлении, в случае серьезного нападения поднимать на палубу два сундука с сокровищами, чтобы после боя раздать их корабельной команде, дабы поощрить их к достойному сопротивлению. Капитаны кораблей, идущих в обратном направлении, были уполномочены обещать 2000 фунтов стерлингов своим командам при тех же обстоятельствах. Ансельм ничего подобного не сделал. Команда, недовольная, сражалась без особого духа; многие из них отказались встать к пушкам. Грот- и миззен-мачты были сбиты, семь человек, включая первого помощника, погибли, пятеро были опасно и еще несколько легко ранены. Тем не менее многие офицеры и люди хотели продолжать бой, но капитан настоял на сдаче, и "*Дерби*" со 115 пленными, среди которых было две дамы, был отведен в Северндруг.

Таких потерь у компании не было уже много лет. Столь необходимые морские запасы пошли на оснащение флота Ангрии, а деньги, вложенные в сезон, были потеряны. Вся бомбейская торговля была нарушена. Ангрия, желая мира, начала переговоры. Совет, желая выкупить пленных, предложил шестимесячное перемирие, и после одиннадцати месяцев плена пленные были отправлены в Бомбей, за исключением трех человек, перешедших на службу к Ангрии.

В декабре 1736 года "*Кинг Джордж*" и три других судна захватили большой захват, принадлежавший Сумбхаджи Ангрии, вместе со 120 пленниками. Захваченный суратский корабль также был возвращен.

1738 год был тревожным для Бомбея. Махратты были заняты осадой Бассейна, который португальцы защищали с отчаянной храбростью. Корабли Сумбхаджи активно действовали на побережье, а Маннаджи был неспокоен и не внушал доверия. Коммодор Бэгвелл с четырьмя лучшими кораблями Компании - "*Victory*", "*King George*", "*Princess Caroline*" и "*Resolution*" - был отправлен в крейсерство против Сумбхаджи, а капитан Инчберд был направлен с дружественной миссией к Маннаджи. 22 декабря Бэгвелл заметил флот Сумбхаджи, состоящий из девяти граблей и тринадцати галиватов, выходящих из Гери. Он пустился в погоню и заставил их укрыться в устье реки Раджапоре, где они встали на якорь. Бэгвелл, не зная навигации и имея экипажи, сильно пораженные цингой, смело набросился на них; они оборвали тросы и бросились в реку. Прежде чем они смогли выбраться из-под обстрела, он успел сделать несколько широких залпов с близкого расстояния, убив главного

адмирала Англии и нанеся ему значительные повреждения. Опасаясь потерять несколько своих кораблей на мелководье, он был вынужден отступить, при этом один мичман был убит.

Воспользовавшись временным замешательством Сумбхаджи, Маннаджи атаковал и захватил у португальцев Каранджу. Затем, воодушевленный успехом и вопреки своим дружеским заверениям, он захватил три безоружных бомбейских торговых судна и два, принадлежавших Сурату. Чтобы наказать его, капитан Инчберд был послан с небольшой эскадрой и захватил восемь его боевых галиватов, а также несколько рыбацких лодок. Начались переговоры, которые то прерывались, то возобновлялись, во время которых Маннаджи нагло водрузил свой флаг на острове Элефанта. Поскольку армия махраттов находилась в Салсете, совет Бомбея не решился доводить дело до крайности, и, призвав на помощь Чимнаджи Аппу, брата Пейшвы, они заключили мир с Маннаджи. В то же время Бомбей сумел заключить с Пейшвой договор о дружбе, который обеспечил англичанам торговые возможности в его владениях.

Пока все это происходило, голландская эскадра из семи военных кораблей и семи шлюпов напала на Герию и была отбита. Чуть позже Сумбхаджи захватил *"Юпитер"*, французский корабль с сорока пушками, с четырьмя сотнями рабов на борту. Для англичан, голландцев, французов и португальцев его крепости были неприступны.

В январе 1740 года в галантном бою участвовал корабль *"Харрингтон"* капитана Дженкинса. *Харрингтон* возвращался из плавания в Китай и, подойдя к побережью, соединился с кораблями *"Пултней"*, *"Церера"* и *"Галифакс"*. Между Телличерри и Бомбеем они были атакованы пятнадцатью парусами флота Англии. Четыре граббера бросились наперерез *"Харрингтону"*, но были встречены таким метким огнем, что упали за корму. После этого четыре корабля Компании выстроились в одну линию и были атакованы с кормы кораблями Англии. Основная тяжесть боя выпала на долю *"Харрингтона"*. Дженкинс обучил свой экипаж и был готов к такому способу атаки. После пяти часов интенсивной стрельбы английские корабли отступили, демонстрируя замешательство и потери. На рассвете следующего утра они атаковали снова. *Церера* упала на подветренный борт, и три граббера атаковали ее, а еще три надвигались на *Харрингтон* с подветренной стороны. Не обращая внимания на нападавших, Дженкинс обрушился на *"Цереру"* и отбросил их; затем, подняв ветер, он стал ждать атаки остальных. Три подветренных судна были подтянуты на буксире в пределах досягаемости, и в течение следующих двух или трех часов *"Харрингтон"* сражался со всеми шестью, почти в одиночку. Ветер ослаб, *"Церера"* и *"Галифакс"* находились вне зоны выстрела, и только *"Пултней"* мог оказать помощь с большого расстояния. Орудия *"Харрингтона"* так хорошо работали, что он наносил больше повреждений, чем получал, и к десяти часам четыре грейфера отказались от борьбы и были отбуксированы в наветренную сторону. Два других грейфера продолжали борьбу еще некоторое время, пока их тоже не вывели из строя. Две эскадрильи, находясь на расстоянии выстрела друг от друга, совещались между собой. Дженкинс обнаружил, что у него осталось всего семь патронов к крупнокалиберным пушкам, а его помощники, более легковооруженные, находились не в лучшем положении, чтобы возобновить бой. Тем не менее, он сделал хорошее лицо, не показывая нежелания продолжать бой, и, когда поднялся бриз, англичанцы отвалили, оставив ост-индские корабли продолжать свое плавание. На борту *"Харрингтона"* был ранен только один человек, хотя корабль был сильно потрепан. Дженкинс получил высокую оценку за свое мастерство и мужество, и два года спустя мы видим его в должности commodore флота Компании в Бомбее.

Три недели спустя флот Сумбхаджи из пяти грейферов и нескольких галиватов появился у Бомбея и крейсировал у устья гавани, как бы приглашая к нападению. Коммодор Лэнгворт с

кораблями "*Пултеней*", "*Триал*", "*Приз Нептуна*", бомбардой и пятью самыми большими галиватами был послан туда. Английский флот отошел к югу, за ним последовал Лэнгворт. Демонстрация была уловкой, чтобы отвлечь боевые корабли Бомбея. Когда они были уже далеко, Сумбхаджи совершил внезапное нападение на территорию Маннаджи с двумя тысячами человек и сорока или пятьюдесятью галиватами. Сумбхаджи получил в свое распоряжение несколько офицеров Маннаджи, и Алибаг, Тулл и Сагургурх сразу же попали в его руки. Он атаковал Чаул, но был отбит португальцами, а затем осадил Колабу. Маннаджи сразу же оказался в тяжелом положении. Половина его гарнизона не заслуживала доверия, а водоснабжение было прекращено. В своем бедственном положении он обратился за помощью к Бомбею. Хотя Совет не проявил к нему особой доброжелательности, они признали, что лучше оставить его в Колабе, чем позволить Сумбхаджи утвердиться там; поэтому в большой спешке были снаряжены и отправлены "*Галифакс*", небольшой деревенский корабль, "*Фаттех Даулет Граб*", "*Триумф*", "*Прагм*" и галера "*Роберт*" под командованием капитана Инчберда, прибывшие как раз вовремя, чтобы спасти это место. Гарнизон был обеспечен водой, а в форт были доставлены бомбардир Смит, помощник артиллериста Уотсон, мортира и большое количество боеприпасов. Батареи Сумбхаджи были сильно повреждены снарядами из мортиры, его лагерь подвергся бомбардировке Инчберда, а его галиваты были вынуждены бежать в Северндруг. Эти оперативные действия Бомбейского совета нарушили планы Сумбхаджи. Он обратился к Совету с протестом, предлагая восстановить *Анну*, которую он захватил несколько месяцев назад. Неделью спустя махратты из Салсетта под командованием сына Пейшвы, Балладжи Баджи Рао, напали на лагерь Сумбхаджи, разрушили несколько его батарей, убили несколько его людей и взяли в плен его сводного брата, Толаджи.

Находясь в бедственном положении, Сумбхаджи попытался договориться с Маннаджи. Каждый из них не доверял другому, и оба боялись Пейшвы. В этот момент было объявлено о смерти Пейшвы. Балладжи Баджи Рао был вынужден вернуться в Сатару, а Сумбхаджи было позволено отступить, заключив мир с махраттами. Быстрота и энергия, с которой англичане пришли на помощь Маннаджи, значительно повысили их авторитет среди нового Пейшвы и укрепили узы союза.

Теперь Маннаджи считал целесообразным заключить с англичанами прочный мир. У нового Пейшвы были заняты руки в Сатаре. Единственной силой, способной обеспечить ему надежную защиту от Сумбхаджи, были англичане, в ценности дружбы которых он недавно убедился. Поэтому он послал агентов в Бомбей, предложив выплатить сумму в 7500 рупий в счет возврата галиватов, отнятых у него Инчбердом за год до этого. На этой основе был заключен мир.

В то же время португальцы, чьи силы и ресурсы стремительно сокращались, осознали, насколько сложно удержать изолированную крепость Чаул. Они предложили ее сначала голландцам, а затем англичанам, но и те, и другие отказались от опасного подарка. В конце концов они по договоренности передали ее Пейшва[1].

Пока все это происходило, "*Антилопа*", галиват, стала жертвой вездеходов Кули из Султанпора. Благодаря предательству лоцмана оно было выброшено на берег. Экипаж галантно защищался, но во время боя корабль взорвался, и десять европейцев, два сепоя и два ласкара были убиты.

Учитывая понесенные потери, Сумбхаджи Ангрия теперь пытался заключить мир с Бомбеем. Чтобы проверить его искренность, от него потребовали в качестве предварительного шага вернуть английских пленников, которых он удерживал. Как раз в это время он добился успеха

в борьбе с португальцами, у которых он захватил два прекрасных граббера и конвой; таким образом, переговоры зашли в тупик. Но его состояние падало, люди покидали его службу, а Маннаджи, находящийся под защитой пейшва и англичан, усиливался; поэтому он снова обратился к губернатору Бомбея с письмом, начинающимся словами "Тридцать лет мы находимся в состоянии войны". Но вскоре выяснилось, что его цель - получить свободу рук для нападения на Маннаджи, и его уговоры ни к чему не привели. В мае 1743 года он захватил у Колабы бомбейский кетч "*Саламандра*", но прежде чем его успели увести, он был спасен несколькими кораблями Маннаджи из Чаула и возвращен в Бомбей. Вскоре после этого Сумбхаджи умер, и его сменил сводный брат Толаджи. Репутация англичан в Бомбее была теперь настолько хороша, что ссора между Маннаджи и Пейшвой была передана им на рассмотрение.

Хищническая политика ангийской семьи не пострадала в руках Толаджи. Через несколько недель после смерти Сумбхаджи его эскадра вступила в длительную схватку с ост-индскими кораблями "*Уорвик*" и "*Монтагу*" и захватила пять небольших судов, шедших под их конвоем. Коммодор Хаф на "*Реставрации*" вместе с бомбейским захватом был немедленно отправлен вниз по побережью и обнаружил семь ангийских захватов с несколькими галливатами, которые он заставил укрыться под пушками Северндруга. Год спустя *принцесса Августа* из Бенкулена была захвачена Тооладжи и доставлена в Герию. Разграбив его, Толаджи решил, что это слишком плохое судно, чтобы быть ему полезным, и разрешил Бомбейскому совету выкупить его за 8000 рупий.

Тем временем началась война с Францией, и взятие Мадраса Ла Бурдонне нанесло серьезный удар по английскому престижу. Беспокойные Маннаджи начали останавливать и грабить небольшие туземные суда, принадлежащие Бомбею, намереваясь, без сомнения, со временем перелететь на более высокую дичь. Немедленно были приняты ответные меры, и одно из судов Маннаджи было захвачено. Это образумило его, и судно было освобождено после того, как он подписал залог, чтобы возместить причиненные им убытки. Потеря Мадраса повсюду свидетельствовала против англичан. В Бенгалии махратты захватили флотилию Коссимбазара, направлявшуюся в Калькутту, стоимостью в четыре лакха рупий. Маннаджи все еще продолжал доставлять беспокойство, пока Сиди, воспользовавшись ситуацией, не напал на Тулла и не захватил его в плен, что на некоторое время заставило его замолчать.

Значительное беспокойство в Бомбее в это время вызвало появление трех французских военных кораблей, крейсировавших у побережья с явным намерением перебить корабли Компании, прибывшие из Европы. Один из них был пятидесятипушечным кораблем, и в бомбейской гавани не было ничего, что могло бы с ним справиться. Чтобы справиться с трудностями, было послано большое количество рыболовных судов, каждое с английским моряком на борту, чтобы пробираться вдоль побережья и предупреждать все прибывающие корабли. Несмотря на эти меры предосторожности, "*Ансон*" пропустил шлюпки, посланные предупредить его, и был атакован французскими кораблями "*Аполлон*" и "*Англезея*" в пределах видимости от гавани. Капитан Фулис защищался достаточно долго, чтобы успеть отправить депеши и сокровища, которые он вез на шлюпках, прежде чем был вынужден сдаться.[2] Директора назначили ему вознаграждение в 400 фунтов стерлингов за его умелое поведение.

К счастью для Бомбея, энергия Толаджи Ангрия в это время была направлена против Канары, где в двух последовательных экспедициях он разграбил Мангалор и Хонор, захватив большую добычу.

В октябре 1749 года Толаджи, который некоторое время не доставлял особых хлопот, нанес серьезный урон бомбейскому флоту. Корабль "*Реставрация*" был самым эффективным судном в распоряжении Совета. Им командовал капитан Хаф, смелый и решительный человек, который сослужил на нем хорошую службу, атакуя корабли Англии и загоняя их в укрепленные гавани. На корабле было семьдесят пять моряков-европейцев, шестнадцать ласкаров и тридцать солдат - непокорных парней, которым нужна была твердая рука. Хоф заболел, и командование было передано капитану Томасу Лику, непостоянному человеку, не приспособленному к командованию такой командой. Очень скоро они впали в беспорядок. Когда они подходили к побережью Гоа, их атаковал флот Толаджи из пяти граблей, сопровождаемый стаей галливатов. С полудня до темноты "*Реставратор*" был окружен и подвергся пушечному обстрелу. Ее пушки были настолько плохи, что практически не причиняли вреда, а паруса и такелаж были сильно порезаны. Ночью бой продолжался с перерывами, боеприпасы расходовались обильно и бесполезно. На корабле присутствовал сам Толаджи, с ним было несколько европейских артиллеристов. В полдень следующего дня его грабберы снова пошли на снижение, подошли к борту "*Реставрации*" и взяли ее на abordаж. При этом были подняты флаги, Лик сбегал вниз, его примеру последовала команда, и корабль был захвачен. Когда через несколько месяцев после этого их отпустили, Совет, проведя соответствующее расследование, постановил, что Лик и его офицеры не должны больше служить компании до тех пор, пока не станет известно о желании директоров.

Тем временем кули из Гузерата стали доставлять много хлопот. В 1749 году они захватили бенгальский корабль с 60 000 рупий наличными на борту и грузом почти такой же стоимости. Продолжая их грабежи, голландцы предложили совместные действия против ; так, в декабре 1750 года объединенная голландская и английская эскадры форсировали оборону реки Куорла, сожгли и захватили двадцать три их судна и на некоторое время привели их к спокойствию.

Теперь Толаджи стал очень могущественным. От Кутча до Кочина его корабли бороздили побережье в большем количестве, чем когда-либо показывал Конаджи, и вызывая крейсировали у гавани Бомбея. Если бы не присутствие четырех королевских кораблей на побережье, бомбейская торговля сильно пострадала бы. Когда Боскауэн покинул индийские воды[3] после захвата Мадраса французами, он выделил четыре корабля - "*Бдительный*", "*Тартар*", "*Рубин*" и "*Сирен*" - для крейсерства на западном побережье под командованием коммодора Лайсла. В течение двух лет защита, обеспечиваемая эскадрой Лайсла, давала определенную безопасность торговле на Бомбейском побережье. Когда небольшие парусные суда, на которых велась прибрежная торговля, пробирались под конвоем королевских кораблей, эскадры Англии вились вокруг, чтобы подобрать отставших, и произошло несколько легких столкновений. Превосходные мореходные качества мараттских судов позволяли им держаться вне досягаемости больших пушек, в то время как они выхватывали призы в пределах видимости военных кораблей. Так, в феврале 1750 года три мелких торговца, находившиеся под конвоем "*Руби*", были захвачены английской эскадрой, которая четыре дня держалась на их пути между Бомбеем и Вингорлой. В октябре "*Тартар*" с двадцатью шестью парусами под конвоем в течение трех дней преследовали одиннадцать английских галиотов между Бомбеем и Суратом и потеряли одного из них. Три недели спустя конвой "*Сирена*" был атакован в тех же водах тринадцатью английскими судами, которые были отбиты без потерь. В марте 1751 года тридцать шесть торговых судов под конвоем "*Бдительного*" и "*Рубина*" были атакованы шестью английскими судами, которые вели себя очень дерзко. Вместо того чтобы заняться торговцами, они навалились на "*Рубин*" и открыли огонь с близкого расстояния из больших пушек и стрелкового оружия. Вскоре было

замечено, что ангрыйский захват горит, а через некоторое время взорвалась его нижняя часть. Несколько кусков мачты попали на борт *"Рубина"*, порвав паруса и ранив двух человек. Захват затонул, а его спутники скрылись. Едва эскадра Лисле отплыла в Англию[4], как Совет потерял шлюп *"Ласточка"*, который был захвачен Тооладжи вместе с конвоем рисовых лодок.

Огромная польза, принесенная эскадрой Лайсла береговой торговле, показала директорам необходимость изменения политики. До сих пор их боевые корабли использовались для перевозки грузов вдоль побережья, что сильно затрудняло их действия. Теперь они решили держать корабли только для ведения боевых действий и приказали построить сорокапушечный корабль *"Протектор"* и шлюп *"Гардиан"*. Два новых корабля вышли из Шернесса зимой 1751 года под командованием капитанов Чейна и Джеймса, и вместе с ними были отправлены строжайшие приказы о том, что они не должны перевозить никаких грузов и должны находиться на Малабарском побережье до тех пор, пока Ангрия будет удерживать море. В течение следующих трех лет *"Протектор"* и *"Гардиан"* выполняли много полезной работы, обеспечивая конвоирование каботажной торговли и давая бой кораблям Англии при каждой встрече с ними.

[1] Сентябрь, 1740 г.

[2] 2 сентября 1747 г.

[3] Ноябрь, 1749.

[4] Ноябрь, 1751.

ГЛАВА XI

ПАДЕНИЕ АНГРИИ

Тооладжи успешно сражается с голландцами - Пытается заключить мир с Бомбеем - Против него сформирован альянс - Коммодор Уильям Джеймс - Слабость флота Пейшва - Северендруг - Галантная атака Джеймса - Падение Северендруга - Совет откладывает атаку на Герию - Клайв прибывает из Англии - Проекты директоров - Адмирал Уотсон - Подготовка к войне с Герией.-Инструкции Совета - Военный совет о призовых деньгах - Двойные сделки офицеров Пейшвы - Подсказка Уотсона - Корабли вступают в бой с Герией - Англиканский флот сожжен - Падение Герии - Клайв занимает форт - Призовые деньги - Спор между Советом и Пуна Дурбар - Уничтожение пиратства на побережье - Башня Северендруга.

В начале 1754 года голландцы понесли тяжелые потери от рук Тооладжи. Было захвачено судно с боеприпасами, а два больших корабля были взорваны после упорного боя, в котором у Тооладжи затонули два трехмачтовых граббера и погибло множество людей. Шесть месяцев спустя Тооладжи отправил в Бомбей своего агента, чтобы предложить условия размещения. Это были условия, на которые во времена Конаджи Ангрия был бы дан примирительный ответ. В ответе Совета прослеживается сознание возросшей силы. "Можете ли вы представить себе, что англичане когда-нибудь согласятся взять пас у какого-либо индийского народа? Этого они сделать не смогут. Мы даем пропуск, но ни у кого не возьмем". Тооладжи было сказано, что если он всерьез желает мира, то должен вернуть захваченные суда и прислать для переговоров людей с известной фигурой и значимостью, а не того безвестного человека, через которого он обращался к ним. Несмотря на столь категоричный ответ, Тооладжи продолжал делать полусерьезные предложения о мире. Дело было в том, что теперь он находился в состоянии открытой войны с Пейшвой, который стал хозяином Конкана, за исключением побережья. По словам Орме, Тооладжи отрезал носы

агентам, посланным Пейшвой, чтобы потребовать дань, которую раньше платили Сатаре. Дурбар Пуны был настолько озлоблен против него, что решил уничтожить его, хотя без помощи англичан они мало рассчитывали на успех в борьбе с его прибрежными крепостями. Совет Бомбея был готов присоединиться к этой затее, но не желал предпринимать немедленных действий. Это нежелание, по-видимому, объяснялось их стремлением сначала восстановить порядок в Сурате, где дела пришли в большое расстройство в связи с общим распадом могольского владычества.

Махраттский двор в Пуне внимательно наблюдал за долгой войной, которую вели в Карнатике англичане и французы. Они видели, как был взят Мадрас, который удалось вернуть с помощью дипломатии, и как англичане потерпели поражение в Пондишери. Они были свидетелями роста французской власти при Дюпле; французским оружием свергались правители и устанавливались другие, в Декане и Карнатике; А затем, когда Махомед Али, законный правитель Карнатика, был на последнем издыхании, они видели, как его дело поддерживали англичане, и одно унижение за другим обрушивалось на французские армии, пока, наконец, французы не были вынуждены признать титул Махомед Али, а мощная английская эскадра и королевский полк были отправлены, чтобы удовлетворить это требование. Хорошие отношения, установленные между правительством Пейшвы и Бомбеем договором 1739 года, укрепились после прибытия в 1750 году в качестве губернатора Ричарда Буршье; боевые действия в Карнатике подняли военную репутацию англичан, а поддержка Махомеда Али, которого махратты называли "своим господином", значительно повысила уважение, которым они пользовались.

Когда стало точно известно, что военные действия между англичанами и французами подошли к концу, Рамаджи Пунт, сирсуба Конкана, был отправлен в Бомбей для согласования мер против Толаджи. Господину Буршье было предложено вызвать корабли короля из Мадраса для сотрудничества с войсками Пейшвы.

Ждать прибытия эскадры Уотсона из Мадраса означало бы потерять благоприятный сезон перед муссоном, поэтому было решено сразу же снарядить все корабли, которые были в гавани, и отправить их под командованием commodore Уильяма Джеймса. Были составлены статьи соглашения, согласно которым было решено, что Северндроог, Анжанвел и Джиегур должны быть атакованы махраттами, а англичане обязуются удерживать море и не позволять флоту Толаджи перебрасывать помощь в места, подвергшиеся нападению. Был согласован раздел трофеев между победителями, по которому англичане должны были получить Банкоте и Химмутгур с пятью деревнями под вечный суверенитет. Флот Пейшвы должен был находиться под командованием Джеймса, а ему предписывалось оказывать посильную помощь, но не предоставлять никого из своих людей, кроме нескольких человек для наводки орудий.

О карьере Джеймса до его поступления на службу в Ост-Индскую компанию точно известно очень мало. Он родился в Пембрукшире в скромных условиях и в раннем возрасте отправился в море. По одним данным, он служил на корабле Хоука, но, где бы ни проходило его обучение, оно сделало из него первоклассного моряка. В 1747 году он поступил на морскую службу в Компанию, и тогда ему было около двадцати шести лет.

В 1751 году он отплыл из Англии под командованием шлюпа *"Гардиан"*, одного из двух военных кораблей, построенных директорами для защиты бомбейской торговли. Его заслуги в борьбе с пиратами побережья в течение следующих двух лет обеспечили ему повышение до должности commodore в Бомбее, и вскоре было замечено, что плавание *"Протектора"*, на котором теперь был поднят его флаг, значительно улучшилось благодаря внесенным им

изменениям. Благодаря захвату "Северндруга", о котором сейчас пойдет речь, он стал знаменитым. Он сыграл свою роль при взятии Герии, а в следующем году, когда в Бомбее стало известно о катастрофе в Калькутте, его отправили на корабле "*Месть*" с четырьмя сотнями человек, чтобы присоединиться к отряду, отправленному из Мадраса под командованием Уотсона и Клайва. У Каликута он столкнулся с французским кораблем "*Индиен*" с двадцатью четырьмя пушками и более чем двумя сотнями людей и захватил его. После этого он вошел в совет директоров, получил звание баронета, место в парламенте и со временем стал председателем компании. В последний год своей жизни Стерн завязал тесную дружбу с мистером и миссис Джеймс, а за несколько дней до смерти рекомендовал свою дочь Лидию на их попечение.

22 марта 1755 года Джеймс отплыл из Бомбея на сорокапушечном корабле "*Протектор*", взяв с собой шестнадцатипушечную "*Ласточку*", бомбардирскую "*Гадюку*" и прам "*Триумф*". На следующий день он заметил английскую эскадру из семи грабберов и одиннадцати галиватов, которую безуспешно преследовал в течение нескольких часов. Через два дня к нему у Чаула присоединился флот Пейшвы, состоявший из семи граблей, двух бателлов и около сорока галиватов. К досаде Джеймса, он обнаружил, что его союзники не спешат отправляться в путь. Дважды они настаивали на высадке, задерживаясь в одном месте более чем на три дня. 29-го числа был замечен Северндруг, из которого вышел флот Англии, состоящий из семи граблей и десяти галиватов. Был подан сигнал к погоне, но люди Пейшвы повиновались не слишком охотно, хотя опыт показал, что они могут обогнать бомбейские корабли. Джеймс пустился в погоню со своей маленькой эскадрой, а его союзники-махратты к вечеру остались за кормой, сбитые с курса. Англичане прилагали огромные усилия, чтобы спастись, развешивая тюрбаны и одежду, чтобы поймать каждый глоток воздуха. Весь следующий день продолжалась безрезультатная погоня: "*Протектор*" обогнал своих спутников и совсем потерял из виду своих союзников-махраттов. Почувствовав, что упорствовать бесполезно, Джеймс взял ветер в свои руки и направился на север к Северндругу, который он оставил далеко позади во время погони. Здесь он обнаружил Рамаджи Пунта, который высадил несколько человек и укрепился примерно в двух милях от ближайшего форта, имея одну четырехфунтовую пушку.

Гавань Северндруга[1] образована небольшим углублением в побережье и маленьким скалистым островком в четверти мили от материка, на котором находился форт Северндруга, со стенами высотой в пятьдесят футов и, во многих местах, с парапетами, вырубленными в твердой скале; все это было вооружено примерно пятьюдесятью пушками. На материке, напротив Северндруга, находился еще один форт. Форт Гова, вооруженный примерно сорока четырьмя орудиями, а к югу от Говы на небольшом мысе располагались два небольших форта, Фаттех-Друг и Канак-Друг, вооруженные двадцатью орудиями каждый.

Джеймс сразу же понял, что снос различных фортов войсками Пейшвы - дело нескольких месяцев, даже если ему удастся не допустить подкрепления с моря, что из-за муссонов станет невозможным; поэтому, несмотря на приказ Совета, он решил взять дело в свои руки. Он был воспитан в хорошей школе и знал, что для успешной борьбы корабля с фортом необходимо подойти как можно ближе и перевесить его весом металла. Сделав необходимые промеры, 2 апреля он вошел в воду на четыре сажени, взяв с собой "*Гадюку*" и "*Триумф*", и обстрелял форт Северндроог. Флот махраттов не оказал никакой помощи, поэтому "*Ласточка*" была отряжена для охраны южного входа. Весь день продолжалась канонада, пока вечером сильная волна, вошедшая в гавань, не заставила прекратить огонь. Форт открыл ответный огонь, но не причинил особого вреда, а флот Махратты лежал вне пределов досягаемости, безучастно наблюдая за происходящим. Ночью на борт

"Протектора" поднялся Рамаджи Пунт, который привел с собой дезертира из форта, сообщившего, что губернатор убит и ему нанесен значительный ущерб. Он сказал им, что пробить сторону, по которой велся огонь "Протектора", невозможно, так как она представляет собой сплошную скалу.

Утром "Протектор" взвесился и снова пошел в атаку, Джеймс поставил свои корабли между "Северндроогом" и "Говой". Флагманский корабль так тесно сошелся с "Северндругом", что, благодаря стрельбе из стрелкового оружия людей на верхних палубах и одновременной стрельбе из двух или трех верхнепалубных орудий, а не в упор, канониры "Северндруга" едва успевали делать ответные выстрелы. С нижнепалубных орудий с другой стороны "Протектор" обстреливал материковые форты, которым также уделяли внимание "Вайпер" и "Триумф". Трудно найти аналог этому случаю, когда один корабль с двумя бомбардами успешно обстреливает сразу четыре форта, значительно превосходящих их по количеству орудий; но Джеймс так хорошо все предусмотрел, что ни его корабли, ни его люди не пострадали. Вскоре после полудня в Северндруге взорвался магазин; пламя распространилось, и вскоре стало видно, как мужчины, женщины и дети садятся в лодки и бегут на материк. Многих из них перехватывали и забирали галиваты "Ласточка" и "Махратта". Обстрел материковых фортов продолжался до ночи и возобновился на следующее утро, примерно до десяти часов, когда все три форта спустили свои флаги. Таким образом, за сорок восемь часов Джеймс своими энергичными действиями разрушил эту английскую твердыню, которая по силе уступала только Герии. Махратты не замедлили воспользоваться преимуществом, завоеванным другими, как это было показано несколькими месяцами позже при Герии; но в этот раз они были настолько поражены бесстрашием Джеймса, что отказались войти в Гову без него. Английский флаг был поднят во всех трех фортах под одобрительные возгласы английских моряков. Затем выяснилось, что по недосмотру губернатору Говы было позволено бежать в Северндруг, и он галантно занял его с небольшим отрядом сепоев, надеясь продержаться до тех пор, пока к нему не подоспеет помощь из Дабула. Орудия *Протектора* снова заработали, и под их огнем на берег высадились группа моряков, которые топорами вскрыли салли-порт и стали хозяевами форта. Таким образом, за несколько часов, не потеряв ни одного человека, "пылкая решимость commodore Джеймса разрушила робкие предрассудки, в течение двадцати лет сохранявшиеся в отношении неосуществимости снижения любой из укрепленных гаваней Англии".

Весь успех экспедиции был достигнут благодаря Джеймсу, и офицеры Пейшвы безропотно признали этот факт, равно как и плохое поведение своих людей. "Я с особым удовлетворением узнал, что флот, посланный вашей честью на помощь Рамаджи Пунту, своей храбростью и поведением разбил Северндроог, внезапность чего превзошла все мои ожидания; и я считаю себя неспособным в достаточной мере оценить их заслуги", - писал главнокомандующий пейшва Буршье. Рамаджи Пунт написал в аналогичных выражениях и послал Джеймсу почетный наряд. В своем ликовании офицеры Пейшвы пожелали без промедления завершить уничтожение Англии. Банкоте был сдан им без единого выстрела, а против Рутнагири была предпринята демонстрация. Но Совет был осторожен и запретил Джеймсу рисковать своими кораблями. Махратты предложили ему два лакха рупий, если он поддержит их в нападении на Дабул, но он не посмел снова превысить свои полномочия и вернулся в Бомбей. На успех второго *переворота* рассчитывать не приходилось, а поражение восстановило бы упадок духа Толаджи и осложнило бы дальнейший успех. Солдаты, которых Бомбей одолжил Мадрасу, больше не требовались, поэтому Джеймс был отправлен туда на корабле "Протектор", чтобы вернуть их после муссона.

В конце октября в Бомбей прибыла неожиданная сила из Англии. В договоре о приостановке вооружений, заключенном в Мадрасе между англичанами и французами, были оговорены только карнатские дела. Бюсси с французскими войсками оставался в Декане, занимаясь расширением влияния Низама, что вызывало тревогу у Пейшвы. С целью изгнания французов из Декана английское правительство направило в Бомбей отряд из семисот человек, чтобы совместно с правительством Махратты выступить против Бюсси.

Командование должен был взять на себя подполковник Скотт, инженер-генерал Компании в Мадрасе. Директора также отправили Клайва в Бомбей в качестве второго помощника Скотта. Но в это время Скотт умер, а ост-индский корабль *"Доддингтон"*, доставивший инструкции директоров в Бомбейский совет, потерпел крушение у мыса. До середины ноября прибыла эскадра Уотсона, которая занималась реализацией проекта *"Деккан"*, а также Джеймс на корабле *"Протектор"*, доставивший из Мадраса двести пятьдесят пять бомбейских солдат. Клайв один знал о плане директоров по Деккану и настоятельно рекомендовал его Совету. Рамаджи Пунт находился в Бомбее, призывая их завершить уничтожение Англии и предлагая им овладеть Банкотом;^[2] поэтому они решили посвятить себя Герию, мотивируя это тем, что экспедиция в Деккан будет нарушением позднего соглашения с французами.

Видя, что в *Декане* ничего нельзя сделать, Уотсон предложил услуги своей эскадры для помощи в сокращении Герии, а Клайв предложил командовать сухопутными войсками. Джеймс был отправлен на *"Протекторе"*, *"Ревендже"* и *"Гардиан"* с сэром Уильямом Хьюиттом, флаг-лейтенантом Уотсона, для разведки и промерки. О Герии ничего не было известно. Предполагалось, что она такая же высокая и крепкая, как Гибралтар. Как и эта знаменитая крепость, она стояла на скалистом основании в конце мыса, соединенного с материком узкой горловиной в месяце небольшого устья реки. Джеймс обнаружил, что она не такая грозная, как ее представляли, и что большие корабли могут подойти к ней вплотную. Чтобы предотвратить побег кораблей Толаджи, *"Бриджуотер"*, *"Кингсфишер"* и *"Ревендж"* были отправлены блокировать это место, пока экспедиция не будет готова к старту.

11 февраля все силы были собраны у берегов Герии, причем это было более мощное вооружение, чем когда-либо выходившее из гавани Бомбея. Помимо эскадры Уотсона из шести судов, четыре из которых были линейными кораблями и демонстрировали флаги двух адмиралов, морские силы Компании представляли собой храброе зрелище: восемнадцать кораблей, больших и малых, с двумястами четырнадцатью пушками, а также двадцать рыбацких лодок для высадки войск, каждая с вертлюжной пушкой на носу. Между собой они перевозили восемьсот европейских и шестьсот туземных солдат. С Уотсоном также отправился капитан Хаф, управляющий морским флотом Компании, как представитель Совета.

Часть инструкций, данных Советом Клайву и Хафу, стоит повторить.

"Вполне вероятно, что Тооладжи Ангрия может предложить капитуляцию и, возможно, денежную сумму; но вы должны учесть, что этот человек не может сравниться ни с одним принцем в известном мире: он пират, которому нельзя доверять, не только захватывающий, сжигающий и уничтожающий корабли всех народов, но даже суда, принадлежащие туземцам, которые имеют его собственные проходы, и за которые он ежегодно собирает большие суммы денег. Если он предложит какую-нибудь сумму денег, то она должна быть очень большой, чтобы заплатить нам за многие захваченные им богатые корабли (которые мы не можем перечислить), помимо бесчисленных других мелких судов; но мы хорошо

помним *"Шарлотту"*, идущую отсюда в Китай, принадлежащую Мадрасу; *"Уильям"*, принадлежащий Бомбею, из Бенгалии; *"Северн"*, бенгальский грузовой корабль для Буссоны, стоимостью девять или десять лакхов рупий; *"Дерби"*, принадлежащий *"Hon'ble Company"*, с *"Греб-Реставрацией"*, стоимостью 5,43-4-6 рупий.5,22,743-4-6шлюп *"Пилот"* и *"Августа"*, а также *"Дадабой"* из Сурата, *"Роза"* из Мангалора, *"Греб Анна"* из Гомбрана, *"Бенджимолли"* с Малабарского побережья и *"Фатте Даулат"* из Маската".

Совет желал взять Толаджи под свою опеку, опасаясь, что, если оставить его в руках махраттов, он вскоре освободится, и работу придется делать заново.

Перед тем как экспедиция покинула Бомбей, был проведен военный совет, чтобы решить вопрос о разделе трофеев между морскими и сухопутными войсками. Такие соглашения были достаточно распространены в подобных случаях, чтобы предотвратить последующие споры и индивидуальные грабежи. Устанавливая доли офицеров, совет решил, что Клайв и Чалмерс, который был следующим после Клайва командиром войск, должны иметь доли, равные долям двух капитанов королевских кораблей. На это Клайв возразил, что, хотя, как подполковник, его доля, согласно обычаю, должна быть равна доле капитана флота, в данном случае, как главнокомандующего войсками, она должна быть больше и не должна быть меньше, чем у контр-адмирала Покока. Военный совет отказался согласиться с этим, так как морские офицеры, составлявшие большинство, не могли прийти к согласию. Подобно Дрейку, который предпочел бы уменьшить свою долю, чем оставить кого-то из своих людей недовольным, Уотсон обязался "дать полковнику такую часть его доли, которая сделает ее равной доле контр-адмирала Покока"; и это было должным образом внесено в протокол.

При разделе трофеев не упоминаются их союзники махратты. Их вообще оставили без внимания, и причину этого искать не надо. Опыт показал, что в предстоящих военных операциях махратты не будут иметь никакого значения. Все тяжелые удары выпадут на долю англичан, и было вполне справедливо, чтобы они получили денежный приз; махратты же получают существенную выгоду в виде владения Герией, которая должна была перейти к ним после захвата.

Порядок командования войсками показал, что уроки последних десяти лет войны с французами принесли свои плоды. Командование было возложено на тех, кто сделал его своей профессией. Отныне мы больше не услышим о факторах и писателях, которые щеголяют в мундирах, называют себя полковниками и капитанами в течение нескольких недель, а затем возвращаются к своим бухгалтерским книгам. Мы покончили с Мидфордами и Браунами. Из тринадцати лет службы в Компании Клайв был солдатом одиннадцать лет. Он окончательно отказался от гражданской должности и занялся военной карьерой, и его заслуги были отмечены пожалованием королем подполковничьего чина. Улучшилось положение и подчиненных офицеров. Худшие из них были отсеяны, и многие из них учились своему делу под началом Лоуренса в Карнатике. Несмотря на то, что в штабах по-прежнему было много ненужного вмешательства, в полевых условиях они были свободны в командовании своими людьми.

Через несколько часов после отъезда из Бомбея экспедиция была настигнута депешами из Бурше с сообщением, что махратты ведут переговоры с Толаджи. Достигнув Герии, они обнаружили, что армия махраттов расположилась лагерем против нее, и сам Рамаджи Пунт вышел, чтобы сказать командирам, что при небольшом терпении форт сдастся без единого выстрела, поскольку Толаджи уже в их руках и готов к переговорам. Встревоженный тем, что на него надвигается огромное войско, и подавленный недавними неудачами, Толаджи

пришел в лагерь махраттов в качестве просителя, чтобы попытаться с помощью хитрости и уловок избежать полного уничтожения, а в Герии он оставил своего шурина с приказом защищать ее до последнего. Офицеры Пейшвы, со своей стороны, стремились заполучить это место в свои руки, не допуская англичан ни к какой доле добычи; этот замысел сразу же разгадали Хаф и Уотсон. Рамаджи пообещал на следующий день взять с собой Толаджи, чтобы показать, что он не собирается действовать отдельно. Вместо этого он послал нескольких подчиненных офицеров вместе с несколькими родственниками Толаджи с предложениями, чтобы держать Уотсона в игре, а Хафу была предложена крупная взятка, чтобы он убедил адмирала приостановить операции. Уотсон, уже призвавший форт к сдаче, дал им понять, что не будет долго ждать. Их повели посмотреть на корабль с ярусами тяжелых орудий, и в качестве мрачного намека на то, что их может ожидать, он подарил друзьям Тооладжи тридцатидвухфунтовую пулю, когда они покидали корабль.

В половине первого пополудни, когда флаг перемирия вернулся с отказом губернатора от капитуляции, был дан сигнал к взвешиванию, и весь флот вошел в гавань тремя дивизиями, возглавляемыми шлюпом *"Кингсфишер"* и судном *"Бриджуотер"*. Внутренняя линия, ближайшая к форту, была образована линейными кораблями и *"Протектором"*: грейферы и бомбардиры компании с *"Гардиан"* составляли вторую линию, а галиваты и малые суда - третью, внешнюю линию. Когда *"Кингсфишер"* подошел к форту, по нему был произведен выстрел. Был дан сигнал к бою, и, когда каждый корабль занял свою позицию, он встал на якорь, причем внутренняя линия находилась в пределах мушкетного выстрела от форта. Через устье реки тянулись грейферы Толаджи, среди которых был и *"Реставратор"*, захват которого шесть лет назад вызвал столько душевных терзаний в Бомбее. В то время как тяжелая дробь и снаряды сыпались с близкого расстояния из более чем ста пятидесяти орудий, защитники Герии старались отбить их с процентами. Но огонь был настолько сильным, что они не могли правильно расположить свои орудия. В тот февральский полдень под градом железа было совершено немало жестоких злодеяний. После двухчасового обстрела один из снарядов поджег *"Реставрацию"*; огонь перекинулся на грабены, и вскоре ангийский флот,^[3] который полвека был ужасом побережья, был охвачен пламенем. Было приказано спустить лодки, и с наступлением вечера Клайв сошел на берег с войсками и занял позицию в полутора милях от форта. К нему присоединились махратты, а Толаджи, у которого люди Пейшвы вымогали обещание сдать форт, нашел возможность отправить туда письмо, предостерегая своего шурина от сдачи англичанам. В форте царили ужас и тревога, хотя губернатор мужественно выполнял свой долг. С горящего пароходства пламя перекинулось на базары и склады. Всю ночь бомбардиры бросали снаряды, а пожар продолжался. Одна квадратная башня форта горела с такой силой, что напоминала раскаленное железо в кузнице.

Рано утром следующего дня Уотсон снова послал флаг перемирия, но капитуляция по-прежнему была отвергнута, поэтому боевые корабли подошли и возобновили огонь, а Клайв, подошедший к форту, обстреливал его со стороны суши. В четыре часа дня в форте взорвался магазин, и был поднят белый флаг. На берег был послан офицер, но губернатор все еще пытался уклониться от сдачи. Он согласился впустить в форт пять или шесть человек, чтобы поднять английские флаги, но не хотел окончательно сдавать владения до следующего дня. Поэтому огонь был возобновлен, и еще через двадцать минут ангийский флаг был спущен в последний раз, и последний клочок ангийской независимости перестал существовать.

Шестьдесят человек под командованием капитанов Форбса и Бьюкенена были отправлены в поход, чтобы удерживать ворота в течение ночи. Часть войск Пейшвы попыталась

прорваться внутрь и предложила офицерам вексель Бомбея на лакх рупий, чтобы их пропустили. Предложение было отвергнуто, но офицер Пейшвы продолжал наседать, пока Форбс не столкнулся со своими людьми и, выхватив меч, поклялся зарубить его, если он будет упорствовать.

На следующее утро форт был взят Клайвом. Успех был достигнут ценой около двадцати человек убитыми и ранеными.

Рамаджи Пунт сразу же выдвинул официальное требование отдать ему форт. Уотсон, в свою очередь, потребовал, чтобы Толаджи был передан под английскую опеку. Тем временем продолжалась охота за сокровищами, спрятанными в разных местах. "Каждый день до сих пор приносил новые находки сокровищ, пластин, драгоценностей и т. д.", - писал Хаф три дня спустя. В общей сложности было найдено около ста тридцати тысяч фунтов золота, серебра и драгоценностей, которые были разделены между сухопутными и морскими силами. Верный своему обещанию, Уотсон послал Клайву тысячу фунтов, чтобы его доля сравнялась с долей Покока. Клайв снова отправил деньги обратно. Он был удовлетворен признанием своих претензий, но не хотел брать то, что досталось из личного кошелька Уотсона. "Таким образом, эти два галантных офицера пытались превзойти друг друга во взаимных доказательствах бескорыстия и щедрости", - пишет Айвз в своем повествовании. Тысяча фунтов тогда была большей суммой, чем сейчас, и Клайв в то время был бедным человеком, но он никогда не был жаден до денег. Этот случай оправдывает его хвастовство, которое он долгое время спустя говорил о своей умеренности, когда сокровища Бенгалии были в его власти. Можно предположить, что он укрепил взаимное уважение обоих и способствовал их сотрудничеству в Бенгалии годом позже. К счастью для Англии, Уотсон не был человеком, похожим на Мэтьюса.

Европейцы, находившиеся на службе у Толаджи, по-видимому, покинули его до начала нападения, поскольку о них ничего не говорится; но десять англичан и три голландца были найдены в местечке в состоянии рабства и освобождены.

Передав Банкоте, махратты не отдали вместе с фортом пять деревень, как было договорено. Совет желал иметь Толаджи в своем распоряжении, поэтому отказался отдать Герию, и в течение нескольких месяцев продолжалась перебранка по спорным вопросам. Совет предложил сохранить Герию и отдать Банкоте. Пейшва обвинили Совет в нарушении веры и отказались отдать Толаджи. В конце концов, распря была улажена тем, что махратты согласились отдать десять деревень вблизи Банкоте, а Толаджи не должны были получать территорию в сорока милях от моря. На этих условиях Герия была передана. Толаджи, вместо того чтобы получить какую-либо территорию, до конца жизни оставался в плену. Через несколько лет после этого его сыновья совершили побег и нашли убежище в Бомбее.

С падением Герии рассеялась тяжелая туча, которая так долго висела над торговлей Бомбея. Впредь на побережье к югу от Бомбея не приходилось опасаться ни одного судна, кроме самых мелких, хотя прошло еще полвека, прежде чем мальванцы были вынуждены отказаться от пиратства. Санганцы продолжали временами доставлять беспокойство, пока в 1816 году, после того как против них была направлена не одна экспедиция, они тоже не были окончательно приведены в порядок. Пиратство в Персидском заливе продолжало процветать до 1835 года, когда ему был положен конец благодаря удачному сочетанию оружия и дипломатии.

На холме Шутерс, примыкающем к Вулвич-Коммон, возвышается башня Северндроог, возведенная вдовой Джеймса в память о его великом достижении и являющаяся заметным ориентиром на фоне окружающей местности. Здесь, на месте, где кости Кидда и его

соратников долгое время висели в цепях, наводя ужас на злодеев, до сих пор витает дух той долгой борьбы с английскими пиратами и ее триумфального завершения.

"Этот далекий монументальный буксир
Записывает достижения храбрых,
И Ангрию покоривших,
Которые разбойничали на восточной волне".

"Прогулки по Лондону", Дэвид Хьюсон.

[1] Правильно Суварна Дроог, "Золотая крепость".

[2] Банкот был захвачен 6 декабря, а британский флаг поднят на нем 10 января 1756 года.

[3] Три трехмачтовых корабля с двадцатью пушками на каждом; девять двухмачтовых с двенадцатью - шестнадцатью пушками; тринадцать галиватов с шестью - десятью пушками; тридцать других неклассифицированных; два на колодках, один из них пробитый на сорок пушек.

* * * * *

АНГЛИЧАНКА В ИНДИИ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД

9 марта 1709 года корабль *"Лойалл Блисс"*, капитан Хадсон, покинул якорную стоянку в Даунсе и отплыл в Бенгалию. В качестве пассажиров на корабле находились капитан Джеррард Кук, его жена, сын и две дочери, а также несколько солдат. В течение многих лет Кук служил в компании в Форт-Уильяме в качестве артиллериста - должность, которая включала в себя выполнение множества несочетаемых обязанностей. После пребывания в Англии он вернулся в Бенгалию в звании капитана в качестве инженера. Корабль *"Лойал Блисс"* был неуклюжим судном и продвигался медленно, так что наступил август, прежде чем он оставил мыс позади себя. Противоположные ветры и плохая погода все еще задерживали ее и заставляли отклоняться от курса на запад. К середине сентября юго-западный муссон, от которого зависело их продвижение по заливу, перестал дуть, так что...

"наши люди были в большом количестве больны цингой, а воды не хватало, мы созвали консультацию офицеров, но было слишком поздно притворяться, что мы хотим получить бенгальское топливо, наступило время, когда дул северо-восточный торговый ветер, а наши люди почти все были больны", и было решено идти в Карвар, "чтобы получить там лечение".

7 октября они встали на якорь в маленькой бухте, образованной рекой Карвар. На следующий день, услышав, что у берега находится французский корабль, они наняли лоцмана и снова бросили якорь под пушками португальского форта на острове Анжедива, где лежат кости около трехсот первых королевских солдат, когда-либо отправленных в Индию. Двадцать шесть солдат были отправлены на берег, "большинство из них не могли стоять на ногах". Начальником фабрики Компании в Карваре в то время был мистер Джон Харви, который "великолепно" развлекал капитана Хадсона и всех джентльменов и леди на борту. Можно представить себе, с каким удовольствием они на время сбежали с корабля и его измученной цингой команды. Мистеру Харви и чиновникам компании они были рады, поскольку привезли последние новости из Англии. Они могли рассказать о победе Мальборо при Уденарде, захвате Лилля и Минорки, а Харви - о визите капитана Кидда в Карвар за двенадцать лет до этого и показать, где вольный разбойник бросил свой корабль. Но мистер Джон Харви находил в своих посетителях и другой интерес. В те времена в Индии было мало

англичанок, и неожиданное появление свежей молодой англичанки возбудило его восприимчивость до такой степени, что он забыл сообщить в Бомбей о прибытии *"Лойалл Блосс"*, за что в свое время получил выговор. Он быстро дал понять капитану Куку, что ему очень понравилась его старшая дочь. Госпожа Кэтрин Кук, "прекраснейшая леди, не старше тринадцати или четырнадцати лет". Кук был бедным человеком и оставил в Англии еще двух дочерей; поэтому, поскольку мистер Харви "предложил сделать большие расчеты, если отец и мать согласятся на ее брак", мистрис Кэтрин Кук, "чтобы обязать своих родителей", тоже согласилась. Времени на промедление оставалось немного, так как капитану *"Лойалл Блосс"* не терпелось поскорее отправиться в путь. Корабль Компании *"Танкервиль"* находился на побережье, направляясь на юг, и было желательно, чтобы они плыли вместе для взаимной защиты. Итак, 22 октября *"Лойал Блосс"* отплыл в Бенгалию, куда благополучно прибыл в положенное время, оставив молодую невесту в Карваре.

Для посторонних брак был отвратителен и вряд ли мог быть счастливым для молодой девушки, поскольку Харви был "деформированным человеком и в годах". Он долго пробыл на побережье и благодаря усердной торговле приобрел немного денег; но у него были и другие заботы, помимо частной торговли, так как в то время мы находим запись о том, что "раджа Карвара продолжает быть недоброжелательным". К концу 1710 года он решил оставить службу в Компании, завершить свои дела и уехать в Англию; его преемником в Карваре был назначен мистер Роберт Менс, и в апреле 1711 года Харви с ребенком-женой приехал в Бомбей. Но завершение многолетних торговых сделок - дело долгое, и спешить было некуда, поскольку ни один корабль не мог отплыть в Англию до окончания муссона. Как всегда случалось в те дни, его собственные счета оказались перепутаны со счетами Компании, и их пришлось бы кропотливо распутывать. Перед отплытием из Карвара он сдал в аренду Компании свой торговый корабль *"Саламандра"* и предусмотрительно заплатил себе из сундука с сокровищами Компании в Карваре. Вскоре пришло распоряжение карварскому начальнику перечислить мистеру Харви 402 пагоды, 17 джетов и 4 пайсы, которые он выставил Компании за использование *"Саламандры"*; счет был ликвидирован в Бомбее; из этого следует, что ему дважды заплатили за его корабль. Счета тех дней, должно быть, были сумасшедшим делом из-за множества монет. Фунты стерлингов, пагоды, рупии, фанамы, ксерафимы, лари, джутталы, мате, рейсы, риалы, крузадо, секвины, пайсы, будеруки и доллары разного достоинства - все это вносилось в официальные счета. В 1718 году путаница усилилась из-за появления оловянной монеты под названием декани.[1] Перевод сумм из одной чеканки в другую, многие из которых имели нестабильную стоимость, должно быть, был вечной проблемой.[2] В августе Харви написал в Совет, что у него в Телличерри есть сундук столбчатых долларов весом 289 фунтов. 3 унции 10 фунтов стерлингов, которые он просит внести в кассу Компании, а взамен дать ему сундук долларов в Бомбее.

Его молодая жена, несомненно, помогала ему вести сложные счета и приобрела некоторые знания о местной торговле. Должно быть, для нее было большой радостью вырваться из скучного Карвара и влиться в общество Бомбея, и она с грустью осознала, какую ошибку совершила, выйдя замуж по просьбе родителей за уродливого человека, достаточно старого, чтобы быть ее дедом. В это время она завела два знакомства, которым суждено было оказать значительное влияние на ее дальнейшую жизнь. 5 августа *"Годольфин"*, находившийся в двадцати одном дне пути от Мокко, подошел к Бомбею, но, не имея возможности войти в гавань до наступления ночи, встал на якорь снаружи; такой поступок даже для сухопутного человека показался бы абсолютно самоубийственным в разгар муссона, но, вероятно, он был вызван страхом перед пиратами[3].

В ту ночь наступила сильная непогода, корабельный трос оборвался, и "*Годольфин*" потерпел полное крушение у подножия Малабарского холма. По всей видимости, все находившиеся на борту англичане спаслись, в том числе и второй суперкарго, молодой человек по имени Томас Чаун, который потерял все свое имущество. В то время в Бомбее также находился молодой фактор Уильям Гиффорд, который приехал в Индию за шесть лет до этого в возрасте семнадцати лет в качестве писателя. О них мы еще услышим.

В октябре пришло известие о смерти мистера Роберта Менса в Карваре. Хотя он пробыл там так мало, мы обнаружили, что он неправильно использовал 1700 с лишним пагод в своих целях", - сообщил Бомбейский совет директорам в Лондоне. На его место был назначен мистер Майлз Флитвуд, который в то время находился в Бомбее в ожидании отправки в Персидский залив, где он был назначен фактором. Вместе с ним в Карвар вернулись Харви и его жена, чтобы уладить кое-какие проблемы с тамошними жителями.

За тридцать лет до этого Александр Гамильтон поведал нам о Карваре, из которого следует, что здесь было множество видов спорта для тех, кто был к ним склонен, и интересно узнать, что у англичан, которые сейчас путешествуют в поисках крупной дичи, в те времена были свои предшественники: "Эта страна так знаменита охотой, что в ней можно охотиться.

"Эта страна так славится охотой, что два выдающихся джентльмена, а именно: мистер *Лембург* из дома *Лембургов* в *Германии* и мистер *Горинг*, сын милорда *Горинга* в *Англии*, отправились *инкогнито* на одном из кораблей *Ост-Индской* компании в Индию. Они оставили письма, предназначенные для их отношений, в руках их друга, которые должны были быть доставлены через два или три месяца после их отъезда, так что аккредитивы последовали за ними в следующем году, с приказами от *Ост-Индской* компании начальникам фабрик, куда бы они ни прибыли, обращаться с ними в соответствии с их качеством. Они провели в *Карваре* три года, *то есть* с 1678 по 1681 год, а затем, устав от такого рода удовольствий, оба отправились на корабле Компании в *Англию*, но мистер *Горинг* умер через четыре дня после отплытия корабля из *Карвара* и похоронен на острове *Святой Марии*, примерно в четырех лигах от берега, недалеко от *Батаколы*, а мистер *Лембург* благополучно вернулся в *Англию*".

Через четыре месяца после возвращения в Карвар Харви умер, оставив свою жену-вдову. Она осталась в Карваре, занимаясь завершением торговых дел своего покойного мужа и отстаивая свои права на его имущество, которое, согласно обычаю, перешло во владение чиновников Компании. Согласно тогдашней практике, у каждого купца и фактора были личные торговые счета, которые смешивались со счетами Компании, так что при выходе на пенсию им не разрешалось покидать страну до тех пор, пока не будут урегулированы претензии Компании. В случае смерти их имущество переходило в собственность по той же причине. Два месяца спустя мистер Томас Чаун, бывший суперкарго корабля "*Годольфин*", был отправлен в Карвар в качестве фактора, а через несколько недель после прибытия женился на молодой вдове. В Совет Бомбея было подано прошение о передаче ей имущества ее покойного мужа, и в Карвар было отправлено распоряжение о продаже имущества покойного мистера Харви и выплате одной трети состояния миссис Чаун, если Харви умер завещанием. Начальник фабрики Карвар ответил, что за вещи было выручено 13 146 рупий 1 фанам и 12 будеруков; что Харви оставил завещание от 8 апреля 1708 года, и поэтому миссис Чаун ничего не было выплачено. Пришлось Чауну и его жене отправиться в Бомбей и лично предъявить свои претензии. Короткому путешествию суждено было стать насыщенным событиями.

3 ноября (1712) Чаун с женой отплыли из Карвара на кетче "*Анна*" с грузом перца и воска на борту, чтобы предъявить свои претензии на имущество покойного мистера Харви. Побережье кишело пиратскими судами, среди которых наиболее многочисленными и грозными были корабли Конаджи Англии. Поэтому каждый груз, представляющий хоть какую-то ценность, обычно сопровождался вооруженным судном. Для защиты "*Анны*" была отправлена вооруженная яхта губернатора Эйслаби, а также небольшой фрегат "*Дефайенс*"[4]. На следующий день после выхода из Карвара на них налетели четыре корабля Англии, и завязалась жаркая схватка. Основной удар пришелся на яхту губернатора, у которой были отстрелены обе мачты, и она была вынуждена сдаться. Кетч попытался бежать обратно в Карвар, но был подбит двумя граблями и вынужден был сдаться, израсходовав почти весь свой боезапас. Во время боя Чауну оторвало руку пушечным выстрелом, и он скончался на руках у жены. Так, спустя чуть более трех лет после первого брака, миссис Чаун осталась вдовой, когда ей едва исполнилось восемнадцать. Захваченные суда и пленных увезли: экипажи - в Герию, а пленных европейцев - в Колабу. К тому же бедная вдова ожидала рождения младенца.

Когда пришло известие о пленении миссис Чаун, в Бомбее поднялось большое волнение. Губернатор находился в Сурате, и все, что можно было сделать, - это обратиться к Англии; поэтому ему было написано письмо "на английском и женском языках" с просьбой вернуть пленных и все бумаги, а для раненых послали немного лекарств. Как раз в это время было получено известие о том, что индийский корабль "*Нью Джордж*" был захвачен французами у Дона Машаренаса.[5] Сэр Джон Гайер, находившийся на борту, завершил свою беспокойную карьеру на Востоке, погибнув в этом бою.

Продержав их месяц в плену, Ангрия отправила пленников обратно, за исключением выкупа за капитанов. В знак признательности за доброту, проявленную к освобожденным пленникам со стороны Сиди, этому вождю подарили пару мушкетонов, ружье для стрельбы и пять ярдов ткани "эмбост". Но в отсутствие губернатора Совет ничего не мог сделать для выплаты выкупа. Когда он вернулся, переговоры велись через пленных европейцев в Колабе. Ангрия искренне желал мира с англичанами, в то время как сам был вооружен против своего вождя, условия были согласованы, и лейтенант Макинтош был отправлен в Колабу с 30 000 рупий в качестве выкупа за европейцев и запечатанной конвенцией. 22 февраля (1713 г.) он вернулся, взяв с собой миссис Чаун и других пленников, захваченные товары и кетч "*Анна*", но яхта была слишком сильно повреждена, чтобы выйти в море. По словам Даунинга, миссис Чаун была в таком состоянии, что Макинтош "был вынужден накинуть на нее свою одежду, чтобы прикрыть ее наготу". Но ее мужество никогда не покидало ее; "она мужественно выдержала все низкие приемы Англии и перенесла все его оскорбления сверх всяких ожиданий". Вскоре после этого она родила сына. Из имущества первого мужа ей была выдана тысяча рупий на текущие нужды с пособием в сто ксерафимов в месяц.

Вскоре после этого она вышла замуж в третий раз, за молодого Уильяма Гиффорда, с одобрения губернатора. Согласно бомбейскому статутному праву, ни один брак не был обязательным, если на него не было согласия губернатора; Гамильтон рассказывает, как однажды фактор, мистер Соломон Лойд, женился на молодой леди без согласия губернатора, сэр Джон Гайер расторг этот брак и снова женил леди на своем собственном сыне. В октябре, через два с половиной года после смерти ее первого мужа, ей было выплачено семь тысяч четыреста девяносто две рупии, составлявшие треть его состояния. Осторожно отмечено, что ни один из ее покойных мужей не оставил завещаний, хотя существование завещания Харви было очень точно зафиксировано Советом за пятнадцать месяцев до этого. Молодой Гиффорд, которому тогда было двадцать пять лет, судя по всему,

был любимцем губернатора и недавно получил должность управляющего Бомбейским рынком. Через восемнадцать месяцев после женитьбы Уильям Гиффорд был назначен суперкарго корабля "*Екатерина*", торговавшего в Мокко. Эта должность была очень желанной для молодого фактора. Она давала ему возможность вести частную торговлю из первых рук, а не через агентов, что, по мнению авантюрного молодого человека, вполне перевешивало морские опасности.

Несмотря на небольшое жалованье, служащие Компании неплохо выглядели на публике. За общественным столом, где они сидели в порядке старшинства, все блюда, тарелки и питьевые чашки были из чистого серебра или тонкого фарфора. Для того чтобы удовлетворить любой вкус, нанимали английских, португальских и индийских поваров. Перед едой и после нее ставили серебряные тазы, чтобы каждый мог вымыть руки. Пили аррак, ширазское вино, "бледный пунш", состоящий из бренди, розовой воды, известкового сока и сахара, а иногда мы слышали о канарском вине. В 1717 году Бун упразднил общественный стол, а вместо него были введены диетические деньги. Бун доложил директорам, что благодаря этому изменению удалось сэкономить около 16 000 рупий в год, а слуги Компании стали более довольны. В праздничные дни губернатор приглашал всю фабрику на пикник в какой-нибудь сад за городом. По такому случаю формировалась процессия, возглавляемая губернатором и его дамой в паланкинах. Перед ними несли два больших прапорщика, за которыми следовали несколько запряженных лошадей в роскошных уборах из бархата и серебра. За губернатором ехал на коне капитан пеонов, а за ним сорок или пятьдесят пеших вооруженных людей. Далее следовали члены Совета, купцы, факторы и писатели, в порядке старшинства, в прекрасных каретах с быками или верхом на лошадях, содержащихся за счет Компании. На празднике Дьюалли каждый служащий Компании, от губернатора до самого младшего писателя, получал от маклеров и буньев "пешкуш", что для молодых людей имело большое значение, поскольку от этих подарков зависело их ежегодное снабжение одеждой.

О стране, расположенной вдали от побережья, они были глубоко невежественны. Далекий король Дилли был для них не более чем именем, и их больше интересовали дела мелких властителей со странными именами, таких как Заморин, Заммелук, Кемпсант и Соу-Раджа, которые давно исчезли. Они говорили о людях как о генту, маврах, малванах, санганах, геннимах, воррелах, кули, патаннерах и т. д., и количество политических, расовых, религиозных и языковых делений, представленных их взору, должно быть, особенно озадачивало. Из-за множества языков, необходимых для ведения торговли на Малабарском побережье, они были вынуждены почти полностью зависеть от ненадежных португальских переводчиков. На их трудностях в этом отношении подробно останавливается Гамильтон.

"Одно большое несчастье, которое преследует нас, *европейских* путешественников в *Индии*, - это отсутствие знания их языков, а их так много, что одного целого века будет слишком мало, чтобы выучить их все: я не нашел ни одного из десяти тысяч, кто мог бы внятно говорить *по-английски*, хотя вдоль морского побережья *португальцы* оставили следы своего языка, хотя и сильно испорченного, но это тот язык, который большинство *европейцев* изучают первым, чтобы подготовить их к общению друг с другом, а также с различными жителями *Индии*".

После двух лет работы в качестве суперкарго на разных кораблях Гиффорд был отправлен в Анженго в качестве начальника фабрики. В то время Анженго была одной из самых важных фабрик на Малабарском побережье, хотя и основанной сравнительно недавно. Сначала ее

посещали португальцы, которых через некоторое время вытеснили голландцы. Он принадлежал рани Аттинги, которая владела небольшим княжеством, простиравшимся на шестьдесят миль побережья. В 1688 году[6] рани Ашуре пригласила англичан основать торговое поселение в своих владениях, и их было создано два - в Виттуре (Returah) и Вильянджуене (Brinjone). Но по какой-то причине она стала недовольна англичанами, а враждебность голландцев, несмотря на союз между двумя странами в Европе, стала причиной больших неприятностей. В ноябре 1693 года Джон Браборн был послан в Аттинг, где благодаря его успешной дипломатии песчаная коса Анженго была предоставлена англичанам в качестве места для строительства форта, а также монополия на торговлю перцем в Аттинге. Вскоре протесты и интриги голландцев вызвали подозрения у рани. Она приказала Браборну прекратить строительство. Оказавшись глухой к ее приказам, она сначала попыталась уморить англичан голодом, прекратив поставки, но поскольку море было открыто, сухопутная блокада оказалась неэффективной. Тогда она направила против Браборна вооруженный отряд, который был быстро обращен в бегство, и были заключены мирные соглашения. Форт был достроен, и в скором времени здесь развернулась процветающая торговля перцем и хлопчатобумажными тканями. Анженго стал первым портом, куда заходили корабли, направлявшиеся в другие страны. Укрепления Анженго показались голландцам настолько грозными, что они закрыли свои фабрики в Кочине, Килоне и Каннаноре.[7] Около 1700 года Рани Ашуре умер, и маленькое княжество пришло в упадок. Согласно традиции, править должны были только женщины, и преемница Ашуре не смогла добиться своего авторитета. Пулы, управлявшие четырьмя округами, на которые было разделено княжество, интриговали друг против друга за власть, и вскоре рани стала марионеткой в руках пулы Венджамутты. В 1704 году в Бомбей был назначен новый губернатор, сэр Николас Уэйт. По какой-то причине он оставил Браборна без инструкций и денег на инвестиции.[8] Небольшое жалованье и частная торговля, похоже, сделали слуг Компании очень независимыми. Мы постоянно видим, как они бросают службу и уезжают, не дожидаясь разрешения. Браборн уехал в Мадрас, передав форт мистеру Саймону Коузу, который долгое время жил там, по-видимому, как частный торговец, и со временем оказался хорошим слугой Компании. Служба в Компании в те дни была полна интриг и личных распри. Второй по рангу купец в Анженго, Джон Киффин, так успешно интриговал против Коуза, что Коуза сместили, а Киффина назначили главным в поселении. Судя по всему, он был абсолютно беспринципным человеком. Чтобы обогатиться на торговле перцем, "он не останавливался ни перед чем". Он принимал участие в местных интригах Аттинги, от которых его предшественники держались в стороне, играл на руку Пула Венджамутте, ссорился с другими местными чиновниками и вел себя очень жестоко при малейшей заминке в его торговле. О том, что Киффин не был предан Компании, еще яснее свидетельствовали его дружеские отношения с ее конкурентами, что было строго запрещено.

В июне 1717 года Кайффин объявил Совету в Бомбее о своем желании уйти в отставку, и Уильям Гиффорд был назначен его преемником, как только наступит муссон. Со временем Гиффорд с женой отправился в Анженго, но, несмотря на свою отставку, Киффин остался на своем посту и, очевидно, смотрел на Гиффорда недружелюбно. В апреле следующего года до Совета в Бомбее дошли сведения, что Кайффин имел дело с Остендерами и оказывал им "большую помощь"; поэтому из Бомбея пришел императивный приказ, увольняющий его со службы в Компании, если сообщение о его помощи Остендерам соответствует действительности. Если донесение не соответствовало действительности, никаких изменений не должно было произойти. Одновременно было отправлено поручение Гиффорду принять на себя обязанности вождя. Вторженцы и остендеры, как ему было сказано, не должны получать даже провизию и воду. Итак, Киффин уехал, а вместо него в Анженго воцарился Гиффорд.

Но безрассудства Киффина пробудили в нем чувство неприязни к англичанам, которое вряд ли смог бы смягчить Гиффорд, превзошедший Киффина в нечестности и безрассудстве. Он занялся торговлей перцем, используя деньги Компании в своих целях, и объединился с португальским переводчиком Игнатиу Малхейрушем, который, судя по всему, был отъявленным мошенником. Вскоре религиозные чувства были возбуждены тем, что переводчик получил во владение несколько земель пагоды в результате сделки по выдаче денег. Гиффорд также вызвал негодование, пытаясь обмануть туземных торговцев в вопросе цены на перец, показывая фиктивные записи в фабричных книгах и используя фальшивые весы. Для взрыва не хватало только отчуждения магометанской части, что и произошло по воле случая и по глупости Гиффорда. Случилось так, что несколько магоммеданских торговцев пришли в форт, чтобы заключить сделку с Коузом, который возобновил дела в качестве частного торговца; но он был недоступен, и они отправились в дом переводчика, чтобы сесть и подождать. Пока они там находились, "шлюха" переводчика бросила в одного из купцов немного порошка *хули*. Уязвленный оскорблением, мужчина выхватил меч, ранил женщину и убил бы ее, если бы он и его спутники не были обезоружены. Гиффорд, когда их привели к нему, поддался влиянию переводчика и приказал вывести их из форта, после того как над их головами были оскорбительно сломаны мечи. Жители Аттинги бросились к оружию и стали угрожать форту. В течение нескольких месяцев происходили постоянные стычки. Англичане без труда отбивали все атаки, но, несмотря на это, торговля зашла в тупик, поэтому из Бомбея был прислан мистер Уолтер Браун, чтобы навести порядок. Пула Венджамутта, который все это время держался на заднем плане, был вполне готов помочь договориться, поскольку открытая сила оказалась бесполезной. Когда все успокоилось, Гиффорд, "окрыленный надеждами на мир и перец", посвятил себя торговле. В это время у него была бригантина под названием "*Томас*", которой командовал брат его жены Томас Кук, занимавшийся частной торговлей на побережье. 1720 год прошел спокойно. Сила оказалась бесполезной, жители Аттинги затаили злобу и ждали удобного случая, чтобы отомстить. Народные чувства против англичан были так хорошо скрыты, что у Коуза, с его большим опытом и знанием языка, не возникло никаких подозрений.

Со времени основания фабрики существовал старый обычай ежегодно делать подарки рани от имени Компании, но в течение нескольких лет эта практика отошла на второй план. Гиффорд, желая задобрить власти, решил возродить этот обычай, причем сделать это самым церемониальным образом, отправившись с подарками в течение семи лет. Поэтому 11 апреля 1721 года в сопровождении всех купцов и факторов, взяв с собой всех своих лучших людей, около ста двадцати человек, и столько же кули, Гиффорд отправился в Аттинг, расположенную в четырех милях вверх по реке. Здесь их встретила огромная толпа народа, которая оказала им дружеский прием. Подробности последующих событий записаны плохо, и многое остается только догадываться, но глупая самоуверенность Гайффорда достаточно очевидна. Несмотря на храброе выступление, его люди не имели при себе боеприпасов. Пула Венджамутты не было видно. Им сказали, что он пьян, и они должны подождать, пока он придет в себя и примет их. Очевидно, он играл двойную роль, но вину за то, что произошло, впоследствии возложили на его соперника, Пула Кадамона Пиллая. Подозрения Коуза были возбуждены, и он посоветовал немедленно вернуться в Андженго, но Гиффорд отказался следовать совету. Говорят, что он ударил Коуза и пригрозил тюремным заключением. Рани также прислала послание, в котором советовала вернуться в Андженго. Было уже поздно, и, чтобы вырваться из толпы, Гиффорд позволил заманить всю партию в небольшой загон. Чтобы продемонстрировать свою доброжелательность к толпе, он приказал своим людям дать залп, но тут обнаружил, что боеприпасы, которые несли кули, были захвачены, и они оказались беззащитны. В таком безнадёжном положении ему удалось передать письмо,

адресованное кладовщику в Андженго, в руки дружелюбного туземца. Оно достигло Анженго в час дня следующего дня и содержало следующее: "Капитан Сьюэлл.

"Капитан Сьюэлл. Здесь с нами поступают вероломно, поэтому внимательно следите за тем, чтобы на вас не было никаких замыслов. Присматривайте за своими двумя транкерами,[9] мы надеемся быть с вами сегодня вечером. Берегите себя и не пугайте женщин, нам ничего не грозит. Передайте предъявителю чекмень"[10].

Но никому из англичан не суждено было больше увидеть Андженго. В ту ночь или на следующее утро было совершено внезапное нападение, толпа набросилась на солдат, захлестнула их и изрубила на куски. Главные англичане были схвачены, и их ждала более жестокая смерть. В этой суматохе Коузу, который был любимцем туземцев, удалось замаскироваться, пробраться сквозь толпу и попытаться добраться до Андженго по малопосещаемой тропе. По несчастливой случайности его нагнал махоммеданский торговец, задолжавший ему деньги. Коус предложил оправдать долг, но безрезультатно. Его безжалостно убили, и таким образом долг был погашен. Каменный мертвец не имеет товарища", - так говорит летописец о его смерти. Остальные англичане были замучены до смерти, причем Гиффорд и переводчик были припасены для самых страшных варварств. Игнатио Малхейрос был постепенно расчленен, а Гиффорду вырвали язык, прибили к пленнице и отправили плыть по реке.

Легко представить себе, в каком смятении находился Анженго 12 апреля, когда вскоре после полудня была получена поспешная записка Гиффорда, и вечером того же дня, когда прибежал десяток раненых (topasses), чтобы подтвердить худшие опасения; "все были ужасно изранены, некоторые с 12 или 13 тесаками и стрелами в теле, но ни одного без единого". Гиффорд увел с собой всех способных мужчин, оставив в форте только "отбросы", стариков, мальчишек и пенсионеров, менее сорока человек. Во главе их стояли Роберт Сьюэлл, назвавший себя кладовщиком, капитаном и адъютантом по приказу губернатора Буна; лейтенант Питер Лапторн, прапорщик Томас Дэвис и пулеметчик Сэмюэл Инс. Первые трое были абсолютно бесполезны, а пулеметчик Инс, чье имя заслуживает того, чтобы его запомнили, был единственным из четверых, кто справился с ситуацией. Первым делом он позаботился о трех англичанках, чьи мужья были только что убиты. По счастливой случайности на дороге оказался небольшой деревенский корабль, привезший партию каури с Мальдивских островов. Миссис Гиффорд, в третий раз ставшая вдовой, миссис Коуз с четырьмя детьми и миссис Бартон с двумя, были поспешно посажены на корабль и сразу же отплыли в Мадрас. Нет никаких упоминаний о том, что у миссис Гиффорд были с собой дети, но она унесла с собой фабричные документы и бумаги, а также деньги, которые смогла прибрать к рукам. Она уже не была той доверчивой девушкой, которая одиннадцать лет назад отдалась губернатору Харви. Она кое-что узнала о мире, в котором жила, и намеревалась позаботиться о себе как можно лучше. Она даже пыталась увезти с собой Питера Лапторна, но Сьюэлл вмешался и помешал этому. Дав ему поспешные указания действовать в качестве своего агента, она прошла через опасный прибой Андженго и поднялась на борт. В письме Лапторна, написанном ей несколько недель спустя, говорится, что единственным имуществом, принадлежащим ей, были "два парика, болстер и немного опиума" на складе.

Избавившись от белых женщин, Сьюэлл и его спутники принялись за работу, чтобы удержать форт от нападения, которое было неизбежно. Из старых записей мы получаем представление о том, что представлял собой форт. По проекту Браборна он занимал площадь около шестидесяти ярдов в каждую сторону, но в него не входили два транкерских

укрепления, обнесенных частоколом, о которых упоминается в заметке Гиффорда. За десять лет до этого внимание Совета Бомбея было привлечено к плохому состоянию

"Фортхаус, представляющий собой не более чем деревянный дом, покрытый пальмовыми листьями (каджанами), очень опасными при пожаре", и начальнику фабрики было приказано построить "небольшой компактный дом из кирпича с залом и удобствами для полудюжины слуг Компании". И, будучи уведомленными, что за неимением необходимого дома в форте, они держат ворота форта открытыми всю ночь для караула, выходящего и входящего, а это нарушение может иметь столь пагубные последствия, как потеря гарнизона, особенно в стране, где они окружены такими вероломными людьми, как туземцы и голландцы", было приказано построить "необходимый дом над стенами форта", а ворота держать закрытыми после 8 часов вечера.

Насколько эти распоряжения были выполнены, неизвестно, но товары Компании все еще хранились на складе за стенами: некоторые слуги Компании также имели дома снаружи, и крыши из пальмовых листьев все еще были там. В гарнизоне было всего около тридцати пяти мальчиков и пенсионеров, "из которых и двадцати не хватит, чтобы держать замок", и за неимением достаточного гарнизона пришлось отступить от Транкеров, которые считались столь важными для безопасности этого места. Перспективы были отчаянными. Артиллерист Инс проявил себя как мужчина, вдохновляя всех своим примером. Благодаря его усилиям со склада было доставлено семьсот мешков риса, соленой рыбы на месяц и сокровища Компании, а в Каликут было отправлено срочное воззвание. Хирург был убит вместе с Гиффордом; у них не было ни кузнеца, ни плотника, ни инструментов, кроме нескольких топоров, а нахлынувшие в Андженго аттинги сожгли и разграбили поселение, заставив толпу женщин и детей укрыться в маленьком форте. Хотя сначала не было предпринято никаких согласованных атак, нападавшие пытались огненными стрелами поджечь крыши из пальмовых листьев, которые пришлось разобрать; и на протяжении всей осады, которая длилась шесть месяцев, страдания гарнизона усиливались под палящими лучами тропического солнца или проливными дождями муссона.

25 апреля они были ободрены прибытием двух небольших английских кораблей из Кочина, куда дошли сведения о катастрофе, и получили небольшое подкрепление из семи человек с грузом провизии. Послание с соболезнованиями пришло также от раджи Килона, который предложил принять женщин и детей, так что сто пятьдесят местных женщин и детей, вдов и сирот убитых, были отправлены. 1 мая прапорщик и пятьдесят один человек, собранные мистером Адамсом из Каликута и Телличерри, присоединились к гарнизону и принесли некоторое облегчение от постоянной часовой службы, которая была необходима. Неприятель тем временем довольствовался тем, что изводил гарнизон долгим обстрелом; но ходили слухи, что раджа Траванкора посылает войска, и тогда им придется выдержать серьезную атаку. Артиллерист Инс, на которого легла вся тяжесть обороны, дал понять, что в крайнем случае он взорвет магазин. Отрадно, что нашелся хотя бы один человек, готовый выполнить свой долг. Сьюэлл и Лапторн напились и вместе с кладовщиком, португальцем по имени Родригес, разграбили склад Компании и отправили товары в Килон; солдаты последовали их примеру и разграбили помещения внутри форта, а семье покойного переводчика разрешили отправить в Килон вещи на сумму в сто тысяч фанамов, хотя было известно, что Компания имеет к нему претензии на две трети этой суммы, в счет выданных ему денег. Дэвис умирал от затяжной болезни, от которой скончался в начале июля.

24 июня на форт была предпринята энергичная атака сразу с трех сторон. С одной стороны враг устроил окоп, а со стороны реки закрепился в доме Коуза, основательном здании, расположенном недалеко от стены форта. Это вскоре сделало бы форт неприступным,

поэтому был послан небольшой отряд, чтобы выбить оккупантов. Сначала они были отбиты, но вторая попытка оказалась успешной. Подойдя к окнам, "где они были густы, как пчелы", они бросили ручные гранаты в дом, который был поспешно эвакуирован; многие враги бросились в реку, где некоторые из них утонули. Затем Инс обстрелял их из окопов, и атака закончилась. Несколько человек из гарнизона были ранены, но никто не был убит; но больше всего их огорчало то, что против них использовали оружие людей, убитых при Гиффорде. После этого сухопутная блокада продолжалась, но серьезных атак, похоже, не предпринималось. Второе подкрепление из тридцати человек было отправлено Адамсом из Каликута, а Рани и Пула Венджамутта прислали "прохладительные напитки" и пообещали, что нападения их мятежных подданных должны прекратиться. Рани также написала в Совет Мадраса и отправила в Телличерри депутация из ста браминов, чтобы выразить свой ужас перед варварством, совершаемым ее народом, и готовность присоединиться к силам Компании для наказания виновных.

Известие о катастрофе в Андженго пришло в Бомбей только в начале июля. Муссон был в полной силе, и помощь не могла быть отправлена до его окончания. Люди и припасы были собраны в Карваре и Сурате, и 17 октября мистер Мидфорд с тремя сотнями человек достиг Андженго. В его отчете о положении дел, которое он там обнаружил, удивляет, что это место не пало. Безопасность форта была полностью заслугой артиллериста Инса. Сьюэлл вел себя как дурак или безумец. Вместе с Лапторном он подал пример грабежа компании, и их люди нанесли не меньший урон, чем враги. У Сьюэлла, как у кладовщика, не было никаких книг, и он заявил, что никогда их не вел. Лапторн сохранил двухмесячное жалованье, причитающееся людям, убитым вместе с Гиффордом, и отстаивал свое право на него. Большая часть сокровищ компании оказалась неучтенной, а миссис Гиффорд унесла книги. Мидфорд отправил Сьюэлла и Лапторна под арестом в Бомбей, где их отпустили с руганью, и приступил к восстановлению порядка. Рани и Венджамутта были настроены дружелюбно, но сказали ему, что он должен сам отомстить найрам за их бесчеловечные действия. Поэтому он начал серию набегов на близлежащие страны, которые привели их к некоторому подобию подчинения. Вскоре пришел приказ отправить большую часть его людей обратно в Бомбей, где уже начались военные действия против Англии. После этого было заключено соглашение о прекращении вооружений, и Мидфорд назначил себя вождем.

Он оказался не более честным, чем его предшественники. Он монополизировал торговлю перцем на свой личный счет, делая себе авансы из казны Компании. Менее чем через год он умер, но перед его смертью Александр Орм,[11] бывший в то время частным торговцем на побережье, был отправлен в Андженго в качестве начальника фабрики по специальной просьбе рани. Вскоре Орме пришлось доложить Совету, что из имущества Гиффорда Компании причитается 559 421 фанам и что за время правления Мидфорда пропало 140 260 золотых фанамов, которые невозможно было учесть. Мидфорд также получил жалованье за двадцать европейских солдат, которых не существовало. Совет приписал проступки Мидфорда его "безотчетной глупости", а директора ответили, что "обвинения против мистера Мидфорда очень тяжкие".

В сентябре 1722 года Совет получил от Орме копию договора, который он заключил с Рани. В нем содержались следующие основные положения. Зачинщики нападения на Гиффорд должны быть наказаны, а их поместья конфискованы; все христиане, живущие между Эдавой и Бринджоне, должны быть взяты под защиту Компании; Рани должна была возместить Компании все расходы, вызванные нападением на Андженго; Компания получала исключительное право на торговлю перцем и имела право строить фабрики во владениях Рани, где ей заблагорассудится; Рани должна была вернуть все оружие, захваченное во

время недавнего нападения, и предоставить древесину для восстановления сожженной церкви. Договор был гарантирован братом Рани, раджей Чинганатты. Директора восприняли его со смешанными чувствами.

"В прошлогодних письмах мы получили некоторое уведомление о деле в Анхенго, но тогда мы не знали о договоре, заключенном г-ном Ормом с королевой Аттинги и королем Чинганетти. Орме, заключенного с королевой Аттинги и королем Чинганетти, мы с сожалением обнаружили, что в договор включено, что мы должны поставлять соулдеров для ведения войны против ее мятежных подданных, за что она должна платить пошлину, а в промежутке закладывать земли для погашения основной суммы и процентов, потому что это, конечно, вовлечет нас в неприятности, если мы преуспеем, и еще больше, если нет, добавьте к этому, переменчивый нрав и бедность тех людей могут склонить их к отказу от возврата денег, и со временем они могут потребовать и вернуть свои земли, Если статьи будут полностью соблюдены, они, кажется, будут на пользу Компании, но мы боимся, что у нас будет наименьшая доля, С какой целью она предоставила нам все перцы в своем графстве, Если наши неверные люди там получают все для себя и ни одного для нас, как вы обвиняете г-на Мидфорда. Мидфорда в том, что он делает, Нам не нужны обширные земли, если бы мы только могли (получать) перец дешево и в достаточном количестве, И какая нам польза от свободы строить фабрики, которая в конечном итоге является лишь свободой расточать наши деньги и превращать быстрые запасы в мертвые, если только вы не можете быть морально уверены, что стоило бы получить небольшую резиденцию в графстве короля Ченганаттиса, где, как говорят, голландцы делают большие инвестиции в товары дешевле и лучше, чем в Негапатаме, и поэтому мы его покинули, Далее, мы считаем, что если бы такие товары, которые подходят для нашего европейского рынка, были доступны, то как получилось, что мы до сих пор не имели их, Правда, мы имели сукно из Анженго хорошего сорта, но счет выставлен так дорого, что мы запретили посылать больше, если оно не будет куплено по ценам, которые мы ограничили, с тех пор мы больше не слышали о нем, но нам сказали, что оно продается в Бомбее с некоторой прибылью, Какую выгоду принесет нам передача христиан между Эдовой и Бринжоном под нашу юрисдикцию, и какую гарантию вы можете иметь, что король Ченганаттиса ответит и даст полное удовлетворение, Вот что кажется нам достойным вашего серьезного и взвешенного рассмотрения, чтобы хорошо обдумать, прежде чем вы придете к решению, какие приказы отдать, Мы узнали из ваших консультаций в январе 1722/23 года, что вы отправили сокровища в Андженго, чтобы позволить вождю собрать соулдеров, чтобы отомстить за убийство англичан, поскольку вы не могли выделить силы, которые, как там объясняется, совершенно необходимы, ибо в противном случае туземцы будут иметь лишь презрительные мысли об англичанах, которые тогда потеряют свое уважение, если бы мы когда-либо нашли выгоду от их уважения, можно было бы что-то сказать об этом, но в настоящем случае мы боимся, что купим наше уважение по слишком дорогой цене, мы будем чрезвычайно рады ошибиться и обнаружить на деле то, что ваш 120-й параграф говорит словами, что вы надеетесь сделать это ценное поселение." [12]

Мы покинули миссис Гиффорд, вылетев из Андженго на маленьком деревенском судне, с двумя другими англичанками и шестью детьми. Страдания, которые должны были испытывать три бедные вдовы в течение месяца, теснясь в маленькой деревенской лодке, без подготовки и обычных удобств, в самое жаркое время года, должны были быть чрезвычайными. 17 мая беглецы высадились в Мадрасе. Там Совет предоставил им пособие из сострадания, которым миссис Гиффорд отказалась воспользоваться. Через некоторое время она добралась до Калькутты и присоединилась к семье отца, оставив у агента в Мадрасе книги фабрики Андженго, которые после неоднократных требований были сданы в

Совет Мадраса. Из Мадраса в Калькутту ее преследовали требования Бомбейского совета. В Мадрасе книги были восстановлены, и бенгальское правительство вытребовало у нее 7312 рупий; но на дальнейшие требования она отвечала, что она "несчастливая вдова, борющаяся с невзгодами, чей муж погиб, служа нашим достопочтенным господам", и что позорно требовать от нее денег, когда она сама задолжала большие суммы Компании. Она могла только направить их к своим агентам в Мадрасе и Андженго. Тем не менее перед ней стояла серьезная дилемма: она не могла покинуть страну без полного расчета, а если сопротивление пойдет слишком далеко, то может пострадать ее отец.

В этот момент представился неожиданный способ бегства. За двенадцать месяцев до этого commodore Мэтьюс прибыл в Бомбей с эскадрой Королевского флота для борьбы с пиратством. Но Мэтьюс больше стремился к обогащению за счет торговли, чем к преследованию пиратов; а поскольку его собственная торговля противоречила интересам Компании и наверняка настраивала против него ее слуг, он с самого начала занял враждебную по отношению к Компании позицию. Он использовал любую возможность, чтобы нанести ущерб интересам Компании и понизить ее авторитет. Все, кто был в дурном списке Компании, находили в Мэтьюсе покровителя и защитника, поэтому, когда в сентябре 1722 года флагманский корабль появился в Хугхли, миссис Гиффорд быстро ухватилась за представившуюся возможность бросить вызов своим преследователям. Она сразу же вступила в связь с Мэтьюсом и попросила у него защиты. Она была несчастной вдовой, потерявшей двух мужей насильственной смертью на службе у Компании, и теперь, когда она была беззащитна, Компания пыталась выжать из нее те небольшие деньги, которые она привезла из Андженго, в то время как у нее самой были большие претензии к Компании. Мэтьюсу этого было вполне достаточно. Перед ним была молодая и красивая женщина с хорошей суммой денег, позорно преследуемая Компанией, к которой он не испытывал ничего, кроме враждебности. Одним махом он мог удовлетворить свою неприязнь к Компании и помочь молодой женщине, с которой плохо обращались, чья тяжелая судьба должна была вызвать сочувствие у каждого великодушного человека; поэтому Бенгальскому совету сообщили, что миссис Гиффорд теперь находится под защитой Короны, и к ней нельзя приставать.

В надежде получить часть денег, причитающихся компании, Совет привлек к делу бригадину *"Томас"*, которой командовал брат миссис Гиффорд. Тут же пришло письмо от Мэтьюса, в котором говорилось, что он выкупил долю миссис Гиффорд в этом судне. Оказавшись в затруднительном положении, Совет попросил Мэтьюса не увозить судно из Калькутты, пока она не предоставит гарантии по требованию Компании в размере 50 000 рупий. Мэтьюс ответил, что должен отвезти судно в Бомбей, где она ответит на все, что против нее могут выдвинуть. Как только он завершил свою торговлю в Бенгалии, миссис Гиффорд с вещами поднялась на борт *"Лайона"* и вернулась в Бомбей. Там, в январе 1723 года, она поселилась под крышей Мэтьюса, что вызвало гнев Совета и скандал среди ее бывших знакомых. К этому времени Совет получил от Андженго более точные сведения о том, что причитается Компании из имущества Гиффорда. Все каури, перец и ткани, которые, как утверждалось, принадлежали Гиффорду, были куплены на деньги Компании, и претензии Компании к его имуществу составляли почти 9000 фунтов стерлингов. Миссис Гиффорд было отправлено строгое предписание, запрещающее ей покидать Бомбей до тех пор, пока иск не будет урегулирован. Мэтьюс сразу же посадил ее на борт *"Лайона"*, и она осталась там, не смея ступить на берег, чтобы Совет не наложил на нее руки.

К концу года Мэтьюс был готов вернуться в Англию. Намеренный до последнего заниматься торговлей, он заехал в Карвар, Телличерри и Сент-Дэвидс, а также, в интересах миссис

Гиффорд, посетил Анженго, чтобы попытаться вернуть часть имущества, которое, по ее словам, она там оставила. Она не собиралась отказываться от "двух парок и болтера" Лапторна. В июле (1724 г.) "*Лайон*" достиг Портсмута и был выведен из строя.

Поначалу директора, похоже, не обращали внимания на миссис Гиффорд, возможно, считая, что она не стоит пороха и дрови. Их основной гнев был направлен против Мэтьюса, против которого они получили постановление в Канцлерском суде за незаконную торговлю. Но миссис Гиффорд не стала молчать. Возможно, она действительно верила в справедливость своих претензий. Она завалила директоров петициями, пока наконец, спустя два года после ее приезда в Англию, они не догадались, что у них самих есть к ней существенные претензии. Они предложили передать претензии в арбитраж, на что миссис Гиффорд согласилась; но поскольку она по-прежнему воздерживалась от близкого знакомства, они подали на нее иск в Канцлерский суд, спустя почти четыре года после ее приезда в Англию. Миссис Гиффорд незамедлительно ответила встречным иском, в котором, помимо прочего, требовала 10 000 фунтов стерлингов за подарки, переданные Гиффордом рани Аттинги в то роковое 11 апреля, семь лет назад. Четыре года спустя она все еще была погружена в тяжбу, поссорившись, в частности, со своим агентом Питером Лапторном. Остается надеяться, что для нее канцлерские иски были дешевле, чем сейчас. На этом мы можем с ней попрощаться. Те, кто любопытен в таких вопросах, могут поискать информацию в канцелярских архивах, но маловероятно, что Компания извлекла какую-либо выгоду из своего поступка. И вот она уходит со сцены, являя собой любопытный пример превратностей, которым подвергались англичанки в Индии двести лет назад.

[1] Они были выпущены по курсу шестьдесят пять за рупию; вскоре их стоимость снизилась до семидесяти двух за рупию, по этой цене они пользовались большим спросом, и губернатор сообщил, что рассчитывает чеканить шестнадцать тонн их в год.

[2] В октябре 1713 года Бомбейский совет постановил, что ксерафимы, будучи сильно обесценены медью и другими сплавами, в будущем должны стоить полрупии, или два лариса и сорок рейсов. Ксерафим - монета Гоа, первоначально стоившая менее одного и шести пенсов. Название, по мнению Юла, представляет собой искажение арабского "*ашрафи*".

[3] За год до этого корабль "*Годольфин*" спасся от ангийского флота после двухдневной стычки в пределах видимости от Бомбея.

[4] О корабле "*Дефаенс*" в записях ничего не говорится, но он упоминается Даунином, который утверждает, что капитан, вместо того чтобы исполнить свой долг, сделал все возможное, чтобы добраться до Бомбея. Эта история, похоже, подтверждается выцветшим письмом капитана директорам, в котором он обжалует увольнение со службы.

[5] Сейчас так называют группу островов, к которой принадлежат Бурбон и Маврикий. В то время оно обычно относилось к Бурбону и особенно к бухте Святого Павла, которая была излюбленным местом стоянки кораблей.

[6] По некоторым данным, первое поселение появилось несколькими годами раньше, но даты ранних путешественников очень ненадежны. Гамильтон говорит, что в 1685 году королеве был послан подарок: "Красивый молодой английский джентльмен имел честь преподнести его ее черному величеству; и как только королева увидела его, она влюбилась в него и на следующий день сделала ему предложение руки и сердца, но он скромно отказался от столь великой чести, однако, чтобы угодить ее величеству, он пробыл при дворе месяц или два и так хорошо ей понравился, что когда он покинул ее двор, она сделала ему несколько подарков".

[7] Брюс.

[8] Такую причину ухода Браборна из Анхенго называет Брюс, но смерть жены Браборна в 1704 году, вероятно, во многом повлияла на его уход. Ее могила до сих пор существует.

[9] Транкейра (порт.), палисад.

[10] Значение sequin: происхождение современного англо-индийского языка, chick.

[11] Отец Роберта Орме, историка, который родился в Андженго.

[12] Письмо из Суда директоров в Бомбей, 25 марта 1724 года.